

Редакционный совет серии «История, филология»

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зуев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

Х. А. Амирханов чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)

Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головнёв чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)

А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный педагогический университет, Россия)

А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Н. Л. Жуковская д-р ист. наук, профессор (Институт антропологии и этнографии РАН, Россия)

О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)

А. К. Киклевич д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Польша)

С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)

В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Россия)

Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Япония)

Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Германия)

Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)

И. В. Силантьев д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)

Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

**Редакционная коллегия
выпуска «Археология и этнография»**

Ответственный редактор

А. И. Кривошапкин д-р ист. наук, проф. РАН (Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия)

Ответственный секретарь

Л. А. Бобров д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редколлегии

Н. Н. Крадин чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Дальневосточный федеральный университет, Россия)

Р. М. Краузе д-р истории, проф. (Университет Франкфурта-на-Майне им. И. В. Гёте, Германия)

Б. Е. Кумеков акад. Национальной академии наук Республики Казахстан, д-р ист. наук, проф. (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан)

Л. В. Лбова д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия)

А. Наглер д-р истории (Германский археологический институт, Германия)

З. Самашев д-р ист. наук, проф. (Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана Национальной академии наук Республики Казахстан)

К. Ш. Табалдиев канд. ист. наук, проф. (Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Кыргызстан)

Е. Ф. Фурсова д-р ист. наук (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

С. Хансен д-р истории, проф. (Германский археологический институт, Германия)

Я. Хохоровский д-р истории, проф. (Институт археологии Ягеллонского университета, Польша)

Ю. С. Худяков д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия)

Сукбэ Чжун д-р истории, проф. (Университет культурного наследия Республики Корея, Пуё, Республика Корея)

Advisory Board of Academic Journal

«Vestnik NSU. Series: History, Philology»

Chief of the Advisory Board

- V. I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

- A. S. Zuev Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

- S. G. Skobelev Candidate of Historical Sciences, Docent (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

- Kh. A. Amirkhanov Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
- B. Viola Doctor in History, Professor (University of Toronto, Canada)
- E. E. Voytishek Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- T. Glantz Doctor in Philology, Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)
- A. V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)
- A. E. Demidchik Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation)
- A. P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- J. Joubert Doctor in History, Professor (University of Bordeaux I, France)
- N. L. Zhukovskaya Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation)
- O. D. Zhuravel Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- G. E. Imposti Doctor in Philology, Professor (University of Bologna, Italy)
- A. K. Kiklevich Doctor of Philological Sciences, Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)
- S. M. Kotkin Doctor in History, Professor (Princeton University, United States)
- V. A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- Oka Hiroki Doctor in History, Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)
- H. Parzinger Doctor in History, Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)
- H. Plisson Doctor in History, Professor (University of Bordeaux I, France)
- Bae Kidong Doctor in Archaeology and Anthropology, Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)
- P. Rutland Doctor in History, Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)
- I. V. Silantiev Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Tang Chung Doctor in History, Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)
- T. Higham Doctor in History, Professor (University of Oxford, United Kingdom)
- Yu. V. Shatin Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board

of the Issue «Archaeology and Ethnography»

Executive Editor

A. I. Krivoshapkin Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Executive Secretary

L. A. Bobrov Doctor of Historical Sciences, Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

- N. N. Kradin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History, Archaeology and Ethnography of Far Eastern nations of Far East Branch of the Russian Academy of Science, Far East Federal University, Vladivostok, Russian Federation)
- R. M. Krause Doctor in History, Professor (Goethe University of Frankfurt, Germany)
- B. E. Kumekov Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakstan, Doctor of Historical Sciences, Professor (L. N. Gumilev Eurasian National University, Astana, Kazakhstan)
- L. V. Lbova Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- A. Nagler Doctor in History (German Archaeological Institute, Berlin, Germany)
- Z. S. Samashev Doctor of Historical Sciences, Professor (A. Kh. Margulan Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences, Republic of Kazakstan)
- K. Sh. Tabaldiev Candidate of Historical Sciences, Professor (Kyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek, Kyrgyzstan)
- E. F. Fursova Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- T. Higham Doctor in History, Professor (University of Oxford, United Kingdom)
- S. Hansen Doctor in History, Professor (German Archaeological Institute, Germany)
- J. Chochorowski Doctor in History, Professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)
- Yu. S. Khudyakov Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- Suk-Bae Jung Doctor in History, Professor (Korean National University of Cultural Heritage, Buyeo, Korea)

ВЕСТНИК НГУ

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2020. Том 19, № 5: Археология и этнография

СОДЕРЖАНИЕ

Преподавание археологии и этнографии в вузах

- Кожевникова Д. В., Бочарова Е. Н., Шнайдер С. В., Кривошапкин А. И.* Модульная цифровая экспозиционно-образовательная платформа: концепция и внедрение в образовательный процесс по археологии на базе Новосибирского национального исследовательского государственного университета 9
- Васеха М. В., Фурсова Е. Ф.* «Мужское» и «женское»: гендер в фокусе отечественных исторических исследований (материалы к учебному курсу «Основы культурной антропологии») 22

История и теория науки, новые методы исследований

- Горохов С. В.* Каинский пас (форпост): история, локализация и планиграфия 34
- Позднякова О. А.* Оценка перспектив применения магниторазведки для изучения археологических памятников 44
- Селин Д. В.* Технично-технологический анализ керамики эпохи поздней бронзы поселения Ордынское-12 (Западная Сибирь) 58

Археология Евразии

- Марченко Д. В., Хаценович А. М., Рыбин Е. П., Базаргур Д., Гунчинсүрэн Б., Олсен Дж. У.* Сравнительное исследование сохранности культуровмещающих отложений на памятнике Мойлтын Ам (Центральная Монголия) 70
- Понкратова И. Ю.* Средний неолит полуострова Камчатка 86
- Бородовский А. П., Оборин Ю. В.* Предметы сейминско-турбинского металлического комплекса с Нижней Пышмы 103
- Иванов С. С.* Железный чекан сакского времени из могильника Джал-Арык II (Кетмень-Тюбинская долина, Западный Тянь-Шань) 119
- Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю.* Характерные особенности сложносоставных луков из памятника айрыдашского типа Улуг-Чолтух в Горном Алтае 130

Этнография народов Евразии

<i>Катионов О. Н., Мжельская Т. В.</i> Рукописные карты Сибири и Дальнего Востока XVII – начала XX века как источник для этнографических исследований	138
<i>Ушницкий В. В.</i> Некоторые аспекты изучения этногенеза тувинского народа	146
<i>Бурнаков В. А.</i> «Лисьи сюжеты» в фольклоре хакасов	156
<i>Мягашева С. Б.</i> Культ писарей у предбайкальских бурят	167
Список сокращений	183
Информация для авторов	186

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography

CONTENTS

Teaching of Archaeology and Ethnography in High Schools

- Kozhevnikova D. V., Bocharova E. N., Shnaider S. V., Krivoschapkin A. I.* Modular Digital Exposition and Education Platform: Concept and Its Implementation into the Educational Process of Archaeology Based on Novosibirsk State University 9
- Vasekha M. V., Fursova E. F.* “Male” and “Female”: Gender in the Focus of Domestic Historical Research (Course Materials “Fundamentals of Cultural Anthropology”) 22

History and Theory of a Science, New Research Methods

- Gorokhov S. V.* Kainsky Pass (Outpost): History, Localization and Layout Plan 34
- Pozdnyakova O. A.* Assessment of Prospects for the Use of Magnetic Surveys for the Study of Archaeological Sites 44
- Selin D. V.* Technical and Technological Analysis of Late Bronze Ceramics of the Ordynskoe-12 Settlement (Western Siberia) 58

Archaeology of Eurasia

- Marchenko D. V., Khatsenovich A. M., Rybin E. P., Bazargur D., Gunchinsuren B., Olsen J. W.* Comparison Study of Cultural Layers Preservation at the Moiltyn Am Site (Central Mongolia) 70
- Ponkratova I. Yu.* Middle Neolithic of the Kamchatka Peninsula 86
- Borodovsky A. P., Oborin Yu. V.* Items of the Seima-Turbino Metal Complex from Lower Pyshma River 103
- Ivanov S. S.* The Iron Hatchet of Saka Period from Burial Site Jal-Aryk II (Ketmen-Tyube Valley, Western Tien Shan) 119
- Khudyakov Yu. S., Borisenko A. Yu.* Characteristic Features of Compound Bows from the Ulug-Choltukh Burial Ground of Airydaş Type in the Altai Mountains 130

Ethnography of the Peoples of Eurasia

<i>Kationov O. N., Mzhelskaya T. V.</i> Handwritten Maps of Siberia and the Far East of 17 th – Early 20 th Centuries as a Source for Ethnographic Surveys	138
<i>Ushnitsky V. V.</i> Some Aspects of the Study of the Ethnogenesis of the Tuvan People	146
<i>Burnakov V. A.</i> “Fox Stories” in the Folklore of the Khakass	156
<i>Miyagasheva S. B.</i> The Cult of the Scribes of the Pre-Baikal Buryats	167
List of Abbreviations	183
Instructions to Contributors	186

УДК 378.147; 902

DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-9-21

Модульная цифровая экспозиционно-образовательная платформа: концепция и внедрение в образовательный процесс по археологии на базе Новосибирского национального исследовательского государственного университета

Д. В. Кожевникова¹, Е. Н. Бочарова¹
С. В. Шнайдер^{1,2}, А. И. Кривошапкин^{1,2}

¹ Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

² Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Аннотация

Анализируется опыт реализации принципиально новой образовательной интерактивной площадки на базе университета, основная идея которой заключается в эффективном использовании всех потенциально возможных каналов передачи информации от объекта к субъекту познания в системе высшего профессионального образования. Представленный в статье модульный экспозиционно-образовательный комплекс «Археология Евразии» научно-образовательного центра «Новая Археология» состоит из вещественных экспонатов и нескольких компьютеризированных стендов. В основу их организации легли современные принципы подачи учебного материала, такие как краткость, образность, разнообразие источников, интерактивность. Его активное использование в образовательном процессе позволяет повысить качество преподавания и уровень усвоения учебного материала. Исследование базируется на междисциплинарной методологии, включающей последние достижения в области образовательных и информационных технологий и archaeological science.

Ключевые слова

Новосибирский государственный университет, образовательный процесс, мультимедийные информационные технологии, модульность, интерактивность

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке «Проекта повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров (ТОП 5-100)». Статья подготовлена в рамках проекта НИР № 0264-2019-0009 «Цифровые технологии в реконструкции стратегий жизнеобеспечения древнего населения Евразии»

Для цитирования

Кожевникова Д. В., Бочарова Е. Н., Шнайдер С. В., Кривошапкин А. И. Модульная цифровая экспозиционно-образовательная платформа: концепция и внедрение в образовательный процесс по археологии на базе Новосибирского национального исследовательского государственного университета // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография. С. 9–21. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-9-21

Modular Digital Exposition and Education Platform: Concept and Its Implementation into the Educational Process of Archaeology Based on Novosibirsk State University

D. V. Kozhevnikova¹, E. N. Bocharova¹
S. V. Shnaider^{1,2}, A. I. Krivoschapkin^{1,2}

¹ *Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

² *Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The paper describes the experience of implementing a brand new interactive education platform at Novosibirsk State University (NSU). The purpose of the platform is to effectively use all potential communication channels between the object and the subject of knowledge in the system of higher professional education. The modular exposition and education project “Archaeology of Eurasia” developed by the education and research centre “New Archaeology” includes material sources and several digital stands designed following modern trends in education, latest information technologies and many years of experience in teaching archaeology at NSU.

Results. The platform is based on primary principles of contemporary teaching approaches, such as brevity, imagery, diversity of sources, interactivity. Its active use in the educational process at the NSU Institute for the Humanities (IH) has shown to improve the quality of teaching and the level of learning skills. The project applies interdisciplinary methodology, which includes the best achievements in the field of educational and information technologies and archaeological science.

Conclusion. For the NSU IH this project is a new experience to transfer from the usual classroom to a fundamentally different learning environment which provides an endless variety of opportunities for teaching and learning. Combination of the virtual exposition and real exhibits provides the opportunity to find the optimal algorithm of the interaction between the visitor and the expositional and educational space.

Keywords

Novosibirsk State University, educational process, multimedia information technologies, modularity, interactivity

Acknowledgments

We gratefully thank the “Russian Academic Excellence Project (5-100)” for their financial support. This study was performed under R&D Project No. 0264-2019-0009 “Digital Technologies in Reconstruction of Subsistence Strategies of the Ancient Eurasian Population”

For citation

Kozhevnikova D. V., Bocharova E. N., Shnaider S. V., Krivoschapkin A. I. Modular Digital Exposition and Education Platform: Concept and Its Implementation into the Educational Process of Archaeology Based on Novosibirsk State University. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 9–21. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-9-21

Введение

Развитие информационных технологий происходит стремительно и затрагивает все сферы общественной жизни, в том числе и образование. Система классического высшего образования в силу различных причин не всегда своевременно подстраивается под потребности социума. Преобладание у современных обучающихся визуального способа восприятия информации, гиперактивности и клипового мышления, характеризующегося образностью, поверхностностью, интуитивностью и позволяющего быстро адаптироваться к восприятию большого потока разнообразной, несистематизированной информации, требует от института высшей школы масштабных и быстрых преобразований в учебных планах и программах. Это является стимулом создания и развития принципиально иных, инновационных форм подачи учебного материала, повсеместного распространения и использования информационных технологий, развития мотивации у студентов к самостоятельному научному поиску и образованию. С этим обстоятельством связан постоянный интенсивный поиск инновационных подхо-

дов к модернизации высшего образования, в том числе разработка и внедрение новых эффективных механизмов в образовательных технологиях. С целью задействования всех каналов передачи информации (вербальный, визуальный, тактильный) и для повышения индивидуальной и профессиональной культуры обучающегося нами в рамках научно-образовательного центра «Новая Археология» на базе Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета (далее НОЦ «Новая Археология» ГИ НГУ) создан экспозиционно-образовательный комплекс «Археология Евразии». Акцент сделан на расширении и оптимизации способов взаимодействия субъекта и объекта познания, в том числе на внедрение принципов интерактивности в образовательный процесс, что предполагает проявление свободы творчества путем информационного обмена элементами образовательной среды. Это требует, по мнению Т. В. Галкиной, создания пространства, для характеристики которого ключевыми являются слова «я сам» – действую, думаю, принимаю решения [2004. С. 4].

Результаты исследований и обсуждение

Экспозиционно-образовательный комплекс ГИ НГУ представляет собой современную интерактивную модульную образовательную площадку, основанную на активном применении современного мультимедийного оборудования и программно-аппаратных решений. Цифровые технологии все сильнее проникают в сферу сохранения культурного наследия, позволяют хранить и воспроизводить большие объемы данных, изображений, видео- и звуковых файлов [Williamson, 1999]. Последние разработки в области цифровых технологий привели к появлению новых способов визуализации и виртуального экспонирования [Williamson, 1999; Wojciechowski et al., 2004], а также к созданию экспозиций с эффектом погружения, с использованием, например, датчиков захвата движения [Camporesi, Kallmann, 2013]. Это позволяет поместить физический объект в виртуально расширенное, дополненное пространство в сочетании с предметным экспонированием. Такая концепция организации экспозиционно-образовательного пространства ориентирована на целенаправленное эффективное продвижение результатов научно-технических исследований в образовательный процесс (в сфере информационных технологий, археологии и смежных наук). Применение типовых решений с возможностью адаптации и настройки под уникальные требования образовательного учреждения позволяет создать высокотехнологичный продукт в сфере образования.

Концепция и аналоги

В рамках НОЦ «Новая Археология» разработана концепция цифровой экспозиционно-образовательной платформы и обеспечена возможность ее внедрения в образовательные организации РФ. Она апробирована в НГУ в рамках Проекта повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров (ТОП 5-100). Ее основная идея заключается в формировании универсальной адаптивной образовательной среды, состоящей из модулей, которые предоставляют выбор необходимых функций системы посредством поиска оптимального сочетания предметного и виртуального экспонирования.

Проект направлен на интеграцию академической науки, образования и бизнеса. Команда исполнителей проекта состоит из сотрудников Института археологии и этнографии СО РАН, НГУ и ИТ-компании «СофтЛаб-НСК». При подготовке контента активно использовались результаты совместных новейших исследований институтов СО РАН и НГУ, в том числе последние данные о древнейших этапах заселения человеком Алтая [Slon, Hopfe et al., 2017; Slon, Mafessoni et al., 2018], при постоянном экспертном консультировании сотрудниками ИАЭТ СО РАН. Одним из совместных направлений работы является 3D-сканирование, фотограмметрия археологических артефактов и демонстрация полученных виртуальных моделей

и предметных реконструкций в научных и образовательных целях [Зоткина и др., 2018; Чистяков и др., 2019]. Создание универсальной программной среды (шаблона), разработка и внедрение технологических решений, включающих разработку архитектуры ИТ-компонент, разработку схем размещения, определение требований к программно-аппаратному обеспечению и разработку пользовательских интерфейсов экспозиционно-образовательного комплекса, является одним из ключевых направлений реализации проекта.

Ведущие мировые музеи, такие как Государственный Эрмитаж, Французский Лувр, Берлинский Музей естествознания, Британский Музей и другие, активно используют современные мультимедиа технологии в экспозиционно-образовательной и просветительской деятельности. Технологии дополненной, виртуальной и смешанной реальности применяют в различных целях, включая образование, выставочную деятельность, научные исследования, реконструкцию и виртуальные музеи. Эти технологии обеспечивают ориентированное на пользователя экспонирование и делают культурное наследие доступным в цифровом виде, особенно когда физический доступ по тем или иным причинам невозможен [Bekele et al., 2018]. Одним из первых в России, кто воплотил идею доступности крупнейших музейных коллекций для широкой аудитории путем создания мультимедийных информационно-образовательных центров, стал Русский музей. Так, в начале 2000-х гг. начал реализовываться международный проект «Русский музей: виртуальный филиал», частью которого стал портал «Виртуальный Русский музей»¹, призванный объединить новейшие проекты Русского музея в области информационных технологий. Русский музей также стал первым в России, начавшим использовать технологии дополненной реальности в работе с посетителями.

Виртуальные музеи – мультимедийные копии настоящих музейных коллекций, доступные для широкой публики в открытом доступе, а также специально созданные экспозиции с элементами геймификации (использование технологий VR и AR) [Hammady et al., 2017; Mortara et al., 2014], получили в последние два десятилетия широкую популярность. Виртуальная реальность предоставляет возможность интерактивного посещения исторических зданий и объектов. Это способствует появлению специальных исследований, направленных на решение ряда задач, связанных с возможностями и ограничениями такого способа экспонирования. Разработано специальное ПО. VR-технологии все чаще используются при разработке образовательных курсов как для школьников и студентов, так и для обучения персонала на производстве [Franco et al., 2015; Варламова и др., 2019; Новикова, 2019; Романов, 2019; Федченко, 2020].

При проектировании экспозиционно-образовательной среды был использован опыт мировых лидеров в области виртуального экспонирования. Наиболее яркими примерами использования мультимедиа технологий в области сохранения историко-культурного наследия являются музеи-копии пещерных комплексов Франции с палеолитическими наскальными изображениями – «La Caverne du Pont-d'Are» (пещера Пон д'Арк) и «Grotte de Lascaux» (грот Ляско). При помощи новейших технологий специалисты смогли в точности воспроизвести рисунки из оригинальных пещер для просмотра посетителями, предотвратив тем самым угрозу уничтожения оригинальных изображений непосредственно в пещерах из-за изменения микроклимата и антропогенного фактора. Создание точных копий пещер потребовало нескольких лет кропотливой работы дизайнеров, художников, инженеров и скульпторов. В основе лежало использование интерактивных технологий, инструментов виртуальной и дополненной реальности. При помощи высокоточного сканирования и 3D-моделирования специалисты смогли воспроизвести плоскости пещеры Пон д'Арк на 3,5 тыс. кв. м, пола и 7,5 тыс. кв. м стен. Особенностью комплекса «грот Ляско» является использование технологий виртуальной и дополненной реальности, например, при создании эмулятора прохода через залы пещеры (VR-технологии).

¹ Государственный русский музей онлайн. URL: <https://rusemuseumvrm.ru/>.

Экспозиционно-образовательная платформа и ее внедрение в образовательную среду

Применение веб- и мультимедиа технологий, технологий виртуальной реальности и геймификации, компонентов сенсорики и беспроводных технологий обеспечивает быстрый доступ к информации и интуитивное управление экспозицией, способствует глубокому погружению в тематику экспозиционно-образовательного пространства [Varinlioglu, Halici, 2019].

Технологии виртуального экспонирования и предоставления информации получают все более широкое распространение, что связано с рядом особенностей:

- формирование новых знаний (сочетание реальных исторических объектов и их виртуальных реконструкций облегчает восприятие информации);
- обеспечение универсальности использования (технология виртуального экспонирования может быть применена практически для любой тематической экспозиции);
- представление нескольких экспозиций совместно в одном пространстве или в режиме разделения времени;
- возможность самостоятельного изучения учебного материала;
- удобный и интуитивно понятный интерфейс управления и работы с виртуальными экспозициями [Научно-технический отчет..., 2017. С. 7].

В ходе реализации проекта разработаны и апробированы следующие многопользовательские интерактивные экспозиционно-образовательные стенды.

1. Многопользовательский виртуальный интерактивный стенд является центром экспозиционно-образовательной платформы. Он предназначен для представления виртуальных экспонатов и их описаний, а также распределения и экранного зонирования потоков информации о виртуальных и реальных экспонатах между устройствами графического вывода (модулями) экспозиционно-образовательного комплекса.

Модуль 1 состоит из четырех телевизионных панелей, образующих вертикальную видеостену для представления виртуальных экспонатов, демонстрации динамических виртуальных реконструкций, видеофильмов и другого контента (рис. 1, 1).

Модуль 2 (рис. 1, 2) представляет собой конструкцию, состоящую из четырех интерактивных мультисенсорных столов, отображающих единую трехмерную виртуальную среду выставочной экспозиции на общем экранном поле. Разработанное программное обеспечение стенда предполагает быструю и простую смену виртуальных экспозиций во всем комплексе по принципу смены крупных археологических эпох (палеолит, бронзовый век, Средневековье и т. д.). На данном этапе разработана первая экспозиция стенда, посвященная палеолиту. Программное обеспечение модуля предполагает двуязычное представление описаний всех виртуальных экспонатов (русский и английский языки), что является необходимым требованием для обеспечения образовательного процесса в случае участия иностранной аудитории. Пользователи могут одновременно просматривать до 40 информационных окон путем активирования определенных изображений на экране. Детальное описание может быть представлено в виде текста, рисунков, фотографий, видео, gif-анимации 3D-моделей. Для удобства просмотра посетители могут передвигать и ориентировать активированные ими окна и передавать их друг другу. Реализована возможность передачи детального описания экспонатов на другие виртуальные демонстрационные модули с помощью интерактивной системы управления (рис. 1, 3).

Модуль 3 представлен псевдоголографической 3D-пирамидой – специализированной проекционной системой, позволяющей создавать иллюзию голографического представления трехмерных объектов виртуальной экспозиции (рис. 1, 4). Применение таких пирамид наиболее эффектно и информативно для виртуального экспонирования археологических находок, так как позволяет рассмотреть модель артефакта с разных сторон.

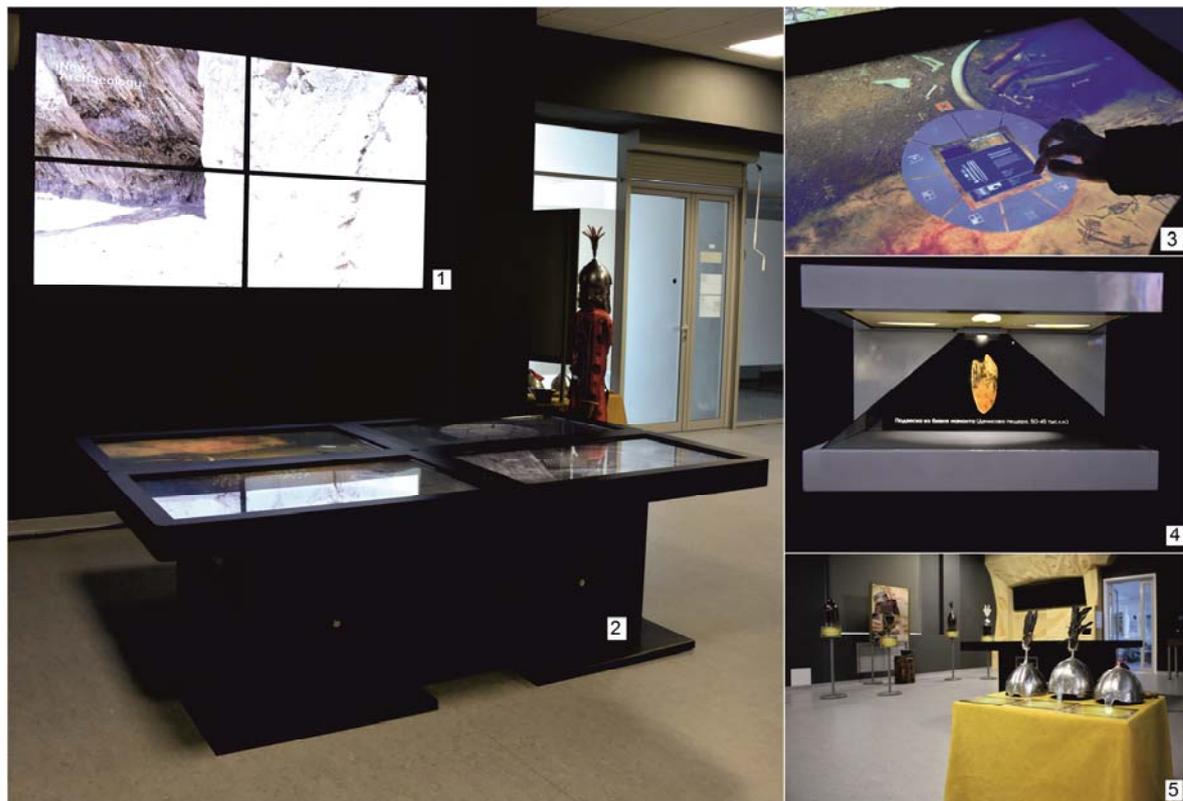

Рис. 1 (фото). Модульная цифровая экспозиционно-образовательная платформа:
 1 – видео-стена; 2 – интерактивный Модуль 1, сценарий «Палеолит»; 3 – интерактивная система управления Модуля 1; 4 – голографическая пирамида в режиме демонстрации 3D-модели; 5 – предметное экспонирование в пространстве экспозиционно-образовательного комплекса (без масштаба)

Fig. 1 (photo). Modular Digital Exposition and Education Platform:
 1 – video wall; 2 – interactive Module 1, scenario “Paleolithic”; 3 – interactive control system of Module 1; 4 – holographic pyramid in the demonstration mode of a 3D model; 5 – real historical objects inside the exposition and educational complex (no scale)

Модуль 4 – система с обратным проецированием на стеклянную стену, что производится с помощью двух независимых короткофокусных проекторов на пленку обратной проекции. Контентом может являться любая информация, направленная на привлечение внимания к экспозиции образовательного комплекса и создающая логическую замкнутость пространства.

Модуль 5 предназначен для демонстрации научно-образовательного контента для небольшой аудитории. Он оборудован проекционной и акустической системами и «мягкой» зоной (зоной комфорта). Контент данного модуля представлен специально подготовленными образовательными, научно-популярными и документальными фильмами о новейших исследованиях в археологии и смежных дисциплинах.

Предметное экспонирование в пространстве экспозиционно-образовательного комплекса одновременно позволяет каждому посетителю «взять в руки» любой экспонат из числа натурных реконструкций для более детального ознакомления с ним (рис. 1, 5).

2. Экспозиционный стенд «Изобразительное искусство вне времени» разработан для интерактивного ознакомления обучающихся с основными сюжетами изобразительной деятельности древнего человека, методами нанесения изображений, методами фиксации и изучения

древних изображений в рамках археологических исследований (рис. 2). Стенд состоит из двух отдельных модулей.

Информационный модуль 1 («Наскальное искусство Евразии») демонстрирует материалы памятников наскального искусства Евразии, в интерактивной форме знакомит посетителей с основными видами наскальной живописи и способами нанесения изображений (рис. 2, 1). Потенциально возможна разработка игровой составляющей модуля через создание специальных приложений, в основе которых будет распознавание и последующая контурная прорисовка наложенных друг на друга изображений.

Интерактивный модуль 2 – «Отпечаток руки» – в игровой форме позволяет получить информацию об одном из наиболее распространенных типов наскальных изображений палеолита². В соответствии со сценарием работы стенда необходимо последовательно произвести следующие действия (рис. 2, 2, 3): сначала вставить ладонь в нишу сканирующего устройства и активировать процесс сканирования, затем ввести свое имя и произвести выбор цвета красителя и, наконец, запустить процесс нанесения отпечатка на скальную поверхность путем выбора способа нанесения (позитив или негатив).

Рис. 2 (фото). Экспозиционный стенд «Изобразительное искусство вне времени»:

1 – информационный модуль «Наскальное искусство Евразии»; 2 – интерактивный модуль «Отпечаток руки», видеостена для отображения наскальных рисунков и отпечатков рук; 3 – интерактивный модуль «Отпечаток руки», интерактивная панель для работы со сканером отпечатков ладоней и сканер руки (без масштаба)

Fig. 2 (photo). Exposition stand “Art beyond Time”:

1 – information module “Rock Art of Eurasia”; 2 – interactive module “Handprint”: a video wall displaying cave paintings and handprints; 3 – interactive module “Handprint”: an interactive panel for working with a palm-scanner and a hand-scanner (no scale)

² Изображения руки встречаются в палеолитическом искусстве в виде красочных отпечатков или, наоборот, негативов отпечатков, когда рука закрашивалась по контуру [Шер и др., 2004].

В непосредственное взаимодействие со стендом «Изобразительное искусство вне времени» вовлечены максимум два посетителя. Для остальных посетителей создана иллюзия присутствия в виртуальной пещере с наскальной живописью: с помощью бесконтактных датчиков специальное программное обеспечение стенда распознает положение каждого из присутствующих в радиусе 2-х м от стенда и имитирует подсвечивание виртуальной скальной поверхности фонарем. Чтобы подчеркнуть исследовательский характер виртуального присутствия, проявляются подписи только к тем отпечаткам рук, которые «освещены фонарями» участников.

Пространство экспозиционно-образовательного комплекса – это размещение немногочисленной выразительной коллекции вещественных археологических объектов как на постоянной основе, так и в формате временных выставок или выставок одного предмета.

Важным принципом функционирования экспозиционно-образовательного комплекса является отсутствие барьеров между музейным предметом и посетителем в виде стекла витрины. Поскольку оригинальные музейные предметы зачастую требуют специальных условий экспонирования (температурно-влажностный режим, ограниченное воздействие прямого солнечного света и т. д.) и имеют большую историческую ценность, такой подход осуществляется путем экспонирования точных копий артефактов (распечатанные 3D-модели, предметные научно-исторические реконструкции, слепки и т. д.). В декабре 2017 г. в экспозиционно-образовательном комплексе состоялось открытие выставки, приуроченной к юбилею профессора кафедры археологии и этнографии ГИ НГУ Ю. С. Худякова и посвященной военному делу. На выставке была представлена уникальная коллекция предметных реконструкций шлемов, доспехов и иных элементов вооружения воинов Центральной Азии и Сибири в период с V в. до н. э. по XV в. н. э. Особенность коллекции заключается в том, что оригиналы находок хранятся в различных музейных собраниях России, Узбекистана, Казахстана и Китая. При изготовлении каждого предмета были использованы максимально похожие материалы и технологии, реконструированные по археологическим материалам, письменным источникам и этнографическим данным. Несмотря на то что выставка завершила свою работу, пользователи сети Интернет могут в любое время посмотреть экспозицию с помощью виртуального тура³.

В 2017–2018 учебном году произошел запуск данного комплекса, который используется при проведении занятий для студентов, специализирующихся на кафедре археологии и этнографии ГИ НГУ, а также в рамках общих курсов по направлениям «История» и «Востоковедение». Следует отметить, что информационное наполнение стендов разрабатывается при непосредственном участии преподавателей НГУ. Возможности комплекса позволяют достаточно легко адаптировать контент под современные запросы рынка образовательных услуг (открытие новых образовательных программ, корректировка существующих учебных планов, проведение спецсеминаров и т. д.).

Данный опыт показал, что интерактивный подход имеет позитивный характер в плане усвоения информации и пользуется большой популярностью среди посетителей комплекса. Отмечается повышение мотивации и вовлеченности в образовательный процесс, более эффективное усвоение материала по сравнению с классическими аудиторными занятиями и благотворное влияние на развитие общекультурных и профессиональных компетенций обучающихся. Комплексный подход в осуществлении культурно-образовательной деятельности в рамках высшей школы позволяет повысить эффективность обучения и привлекательность предмета.

³ Виртуальный тур музея НОЦ «Новая археология». URL: <http://novosibpano.ru/VT/muzeum/>; Экспозиционно-образовательный комплекс // Новая археология. URL: <https://new-newarchaeology.nsu.ru/museums/>.

Заключение

Придание нового качества экспозиционно-образовательному пространству путем широкого применения современных мультимедийных интерактивных технологий, усиления эффекта погружения в виртуальную и предметную среду экспозиции, направлено в первую очередь на выстраивание коммуникации обучаемого с изучаемым предметом, более легкому освоению учебной программы. Сочетая принципы виртуального и предметного открытого экспонирования, с 2017–2018 учебного года в НГУ были найдены и реализованы оптимальные способы организации взаимодействия посетителя с экспозиционно-образовательным пространством. Внедрение модульной цифровой экспозиционно-образовательной платформы в образовательный процесс положительно сказалось на эффективности восприятия информации обучающимися: занятия были перенесены из привычного аудиторного пространства в принципиально новую среду, которая позволила осваивать учебный материал, используя разнообразные способы получения знания. Комплексный подход в организации экспозиционно-образовательного комплекса позволил переформатировать традиционные методы к организации экспозиционного пространства и осуществлению образовательной деятельности согласно требованиям времени и успешному мировому опыту.

Значение разработанной модели заключается в следующем:

- модульная цифровая платформа в сочетании с открытым способом предметного экспонирования позволяет внедрить новые эффективные методы представления информации в образовательный процесс;
- различные способы представления информации обеспечивают многоуровневость восприятия;
- модульная цифровая платформа, основанная на максимально возможном применении типовых решений с возможностью адаптации, является конкурентоспособным высокотехнологичным продуктом, поскольку технология виртуального экспонирования применима практически для любой сферы – от узконаправленных до мультидисциплинарных научно-образовательных программ.

Список литературы

- Варламова К. С., Глечик Д. А., Рыбаков А. В.** Использование мультимедиа технологий, программно-аппаратных средств виртуальной реальности и дополненной реальности в преподавании астрономии // Перспективы и возможности использования информационных технологий в науке, образовании и управлении: Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Астрахань: Изд-во ИП Сорокин Р. В., 2019. С. 50–53.
- Галкина Т. В.** Музееведение: детский музей. Учеб.-метод. пособие. Томск: Изд-во ТГПУ, 2004. 32 с.
- Зоткина Л. В., Ковалев В. С., Шалагина А. В.** Возможности и перспективы применения трехмерной визуализации как инструмента анализа в археологии // Научная визуализация. 2018. Т. 10, № 4. С. 172–190. DOI 10.26583/sv.10.5.11
- Новикова А. А.** Использование виртуальной реальности в образовании // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации. Материалы VIII Всерос. студ. науч.-практ. конф. с международным участием. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2019. С. 6–7.
- Романов Н. С.** Актуальные подходы применения технологии виртуальной реальности для обучения сотрудников предприятий // Advances in Science and Technology. М.: ООО «Актуальность.РФ», 2019. С. 213–214.
- Федченко А. Д.** Виртуальная реальность в современных технологиях профессионального образования // Вестник магистратуры. 2020. № 1-1 (100). С. 47–48.
- Чистяков П. В., Ковалев В. С., Колобова К. А., Шалагина А. В., Кривошапкин А. И.** 3D моделирование археологических артефактов при помощи сканеров структурирован-

- ного подсвета // Теория и практика археологических исследований. 2019. Т. 27, № 3. С. 102–112. DOI 10.14258/tpai(2019)3(27).-07
- Шер Я. А., Вишняцкий Л. Б., Бледнова Н. С.** Происхождение знакового поведения. М.: Научный мир, 2004. 279 с.
- Bekele M., Pierdicca R., Frontoni E., Malinverni E., Gain J.** A Survey of Augmented, Virtual, and Mixed Reality for Cultural Heritage. *Journal on Computing and Cultural Heritage*, 2018, vol. 11 (2), p. 1–36. DOI 10.1145/3145534
- Camporesi C., Kallmann M.** A framework for immersive VR and full-body avatar interaction. *Proceedings of IEEE Virtual Reality (VR)*, 2013, vol. 79 (80), p. 18–20.
- Franco P. Di G. Di, Camporesi C., Galeazzi F., Kallmann M.** 3D Printing and Immersive Visualization for Improved Perception of Ancient Artifacts. *Presence: Virtual and Augmented Reality*, 2015, vol. 24, iss. 3, p. 243–264 DOI 10.1162/PRES_a_00229
- Hammady R., Ma M., Temple N.** Augmented Reality and Gamification in Heritage museums. In: 2nd International Joint Conference on Serious Games (26–27 September 2016). Brisbane, Australia, 2017, vol. 9894 LNCS, p. 181–187.
- Mortara M., Catalano C. E., Bellotti F., Fiucci G., Houry-Panchetti M., Petridis P.** Learning cultural heritage by serious games. *Journal of Cultural Heritage*, 2014, vol. 15 (3), p. 318–325. DOI 10.1016/j.culher.2013.04.004
- Slon V., Hopfe C., Weiß C. L., Mafessoni F., Rasilla M. de la, Lalueza-Fox C., Rosas A., Soressi M., Knul M. V., Miller R., Stewart J. R., Derevianko A. P., Jacobs Z., Li B., Roberts R. G., Shunkov M. V., Lumley H. de, Perrenoud C., Gušić I., Kučan Ž., Rudan P., Aximu-Petri A., Essel E., Nagel S., Nickel B., Schmid A., Prüfer K., Kelso J., Burbano H. A., Pääbo S., Meyer M.** Neandertal and Denisovan DNA from Pleistocene sediments. *Science*, 2017, vol. 356, iss. 6338, p. 605–608. DOI 10.1126/science.aam9695
- Slon V., Mafessoni F., Vernet B., de Filippo C., Grote S., Viola B., Hajdinjak M., Peyrègne S., Nagel S., Brown S., Douka K., Higham T., Kozlikin M. B., Shunkov M. V., Derevianko A. P., Kelso J., Meyer M., Prüfer K., Pääbo S.** The genome of the offspring of a Neandertal mother and a Denisovan father. *Nature*, 2018, vol. 561, p. 113–116. DOI 10.1038/s41586-018-0455-x
- Varinlioglu G., Halici S. M.** Gamification of Heritage through Augmented Reality. Architecture in the Age of the 4th Industrial Revolution. In: Proceedings of the 37th eCAADe and 23rd SIGraDi Conference (University of Porto, 11–13 September 2019). Porto, Portugal, 2019, vol. 1, p. 513–518.
- Williamson R. A.** The Opportunities and Challenges of Preservation Technologies. *Archives and Museum Informatics*, 1999, vol. 13 (3–4), p. 211–225.
- Wojciechowski R., Walczak K., White M.** Building Virtual and Augmented Reality Museum Exhibitions Web3D. In: Proc. of the 9th International conference on 3D Web technology (California, April 2004). New York, Association for Computing Machinery Publ., 2004, p. 135–144. DOI 10.1145/985040.985060

Список источников

Научно-технический отчет к договору № 560 на оказание услуг в области информационных технологий для музея НГУ: НТО (заключ.) / ООО «СофтЛаб-НСК»; рук. В. С. Бартош; исполн.: И. В. Белаго [и др.]. Новосибирск, 2017. 47 с. Инв. № 17801.

References

- Bekele M., Pierdicca R., Frontoni E., Malinverni E., Gain J.** A Survey of Augmented, Virtual, and Mixed Reality for Cultural Heritage. *Journal on Computing and Cultural Heritage*, 2018, vol. 11 (2), p. 1–36. DOI 10.1145/3145534

- Camporesi C., Kallmann M.** A framework for immersive VR and full-body avatar interaction. *Proceedings of IEEE Virtual Reality (VR)*, 2013, vol. 79 (80), p. 18–20.
- Chistyakov P. V., Kovalev V. S., Kolobova K. A., Shalagina A. V., Krivoshapkin A. I.** 3D modelirovanie arkhеologicheskikh artefaktov pri pomoshchi skanerov strukturirovannogo podsveta [3D Modeling of Archaeological Artifacts by Structured Light Scanner]. *Teoriya i praktika arkhеologicheskikh issledovaniy [Theory and Practice of Archaeological Research]*, 2019, vol. 27, iss. 3, p. 35–39. (in Russ.) DOI 10.14258/tpai(2019)3(27).-07
- Fedchenko A. D.** Virtual'naya real'nost' v sovremennykh tekhnologiyakh professional'nogo obrazovaniya [Virtual reality in modern technologies of vocational education]. *Vestnik magistratury*, 2020, no. 1-1 (100), p. 47–48. (in Russ.)
- Franco P. Di G. Di, Camporesi C., Galeazzi F., Kallmann M.** 3D Printing and Immersive Visualization for Improved Perception of Ancient Artifacts. *Presence: Virtual and Augmented Reality*, 2015, vol. 24, iss. 3, p. 243–264 DOI 10.1162/PRES_a_00229
- Galkina T. V.** Muzeevedenie: detskii muzei. Uchebno-metodicheskoe posobie [Museology: Children's Museum, Education publications]. Tomsk, Tomsk State Pedagogical Uni. Publ., 2004, 432 p. (in Russ.)
- Hammady R., Ma M., Temple N.** Augmented Reality and Gamification in Heritage museums. In: 2nd International Joint Conference on Serious Games (26–27 September 2016). Brisbane, Australia, 2017, vol. 9894 LNCS, p. 181–187.
- Mortara M., Catalano C. E., Bellotti F., Fiucci G., Houry-Panchetti M., Petridis P.** Learning cultural heritage by serious games. *Journal of Cultural Heritage*, 2014, vol. 15 (3), p. 318–325. DOI 10.1016/j.culher.2013.04.004
- Novikova A. A.** Ispol'zovanie virtual'noi real'nosti v obrazovanii [The use of virtual reality in education]. In: Molodezh' XXI veka: obrazovanie, nauka, innovatsii [Youth of 21st Century: Education, Science, Innovations]. Materials of the VIII All-Russian Student Scientific and Practical Conference with International Participation]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical Uni. Publ., 2019, p. 6–7. (in Russ.)
- Romanov N. S.** Aktual'nye podkhody primeneniya tekhnologii virtual'noi real'nosti dlya obucheniya sotrudnikov predpriyatii [Actual approaches of applying virtual reality technology for training enterprise employees]. In: Advances in Science and Technology. Moscow, "Aktual'nost'.RF" Publ., 2019, p. 213–214. (in Russ.)
- Sher Ya. A., Vishnyatsky L. B., Blednova N. S.** Proiskhozhdenie znakovogo povedeniia [The origin of sign behavior]. Moscow, Scientific World Publ., 2004, 279 p. (in Russ.)
- Slon V., Hopfe C., Weiß C. L., Mafessoni F., Rasilla M. de la, Lalueza-Fox C., Rosas A., Soressi M., Knul M. V., Miller R., Stewart J. R., Derevianko A. P., Jacobs Z., Li B., Roberts R. G., Shunkov M. V., Lumley H. de, Perrenoud C., Gušić I., Kućan Ž., Rudan P., Aximu-Petri A., Essel E., Nagel S., Nickel B., Schmid A., Prüfer K., Kelso J., Burbano H. A., Pääbo S., Meyer M.** Neandertal and Denisovan DNA from Pleistocene sediments. *Science*, 2017, vol. 356, iss. 6338, p. 605–608. DOI 10.1126/science.aam9695
- Slon V., Mafessoni F., Vernot B., de Filippo C., Grote S., Viola B., Hajdinjak M., Peyrégne S., Nagel S., Brown S., Douka K., Higham T., Kozlikin M. B., Shunkov M. V., Derevianko A. P., Kelso J., Meyer M., Prüfer K., Pääbo S.** The genome of the offspring of a Neandertal mother and a Denisovan father. *Nature*, 2018, vol. 561, p. 113–116. DOI 10.1038/s41586-018-0455-x
- Varinlioglu G., Halici S. M.** Gamification of Heritage through Augmented Reality. Architecture in the Age of the 4th Industrial Revolution. In: Proceedings of the 37th eCAADe and 23rd SIGraDi Conference (University of Porto, 11–13 September 2019). Porto, Portugal, 2019, vol. 1, p. 513–518.
- Varlamova K. S., Glechik D. A., Rybakov A. V.** Ispol'zovanie mul'timedia tekhnologii, programmno-apparatnykh sredstv virtual'noi real'nosti i dopolnennoi real'nosti v prepodavanii astronomii [The using of multimedia technologies, virtual reality and augmented reality soft-

ware and hardware in teaching astronomy]. In: *Perspektivy i vozmozhnosti ispol'zovaniya informatsionnykh tekhnologii v nauke, obrazovanii i upravlenii* [Prospects and opportunities for using information technology in science, education and management]. Materials of the All-Russian scientific-practical conference (2019). Astrakhan, IE Sorokin R. V. Publ., 2019, p. 50–53. (in Russ.)

Williamson R. A. The Opportunities and Challenges of Preservation Technologies. *Archives and Museum Informatics*, 1999, vol. 13 (3–4), p. 211–225.

Wojciechowski R., Walczak K., White M. Building Virtual and Augmented Reality Museum Exhibitions Web3D. In: Proc. of the 9th International conference on 3D Web technology (California, April 2004). New York, Association for Computing Machinery Publ., 2004, p. 135–144. DOI 10.1145/985040.985060

Zotkina L. V., Kovalev V. S., Shalagina A. V. Vozmozhnosti i perspektivy primeneniya trekhmernoj vizualizatsii kak instrumenta analiza v arkheologii [Opportunities and Prospects for the Use of Three-Dimensional Visualization as an Analysis Tool in Archaeology]. *Nauchnaya vizualizatsiya* [Scientific Visualization], 2018, vol. 10, no. 4, p. 172–190. DOI 10.26583/sv.10.5.11

List of Sources

Nauchno-tekhnicheskii otchet k dogovoru № 560 na okazanie uslug v oblasti informatsionnykh tekhnologii dlia muzeia NGU [Scientific and technical report of the contract No. 560 “Information Technology Services Agreement with NSU Museum”]. SoftLab-NSK LLC, supervisor Bartosh V. S., supervisor Belago I. V. et al. Novosibirsk, 2017, 47 p. Inventory no. 17801. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
10.03.2020

Сведения об авторах

Кожевникова Дарья Валерьевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
kozhevnikovadarya@yandex.ru

Бочарова Екатерина Николаевна, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
bocharova.e@gmail.com

Кривошапкин Андрей Иннокентьевич, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор научно-образовательного центра «Новая археология», заведующий кафедрой археологии и этнографии Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия); директор Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
shapkin@archaeology.nsc.ru

Шнайдер Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, заместитель директора научно-образовательного центра «Новая археология» Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия); старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
sveta.shnayder@gmail.com

Information about the Authors

Darya V. Kozhevnikova, PhD in History, Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
kozhevnikovadarya@yandex.ru

Ekaterina N. Bocharova, Junior Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
bocharova.e@gmail.com

Andrei I. Krivoshapkin, Doctor in History, Correspondent member of the Russian Academy of Sciences, Director at the Educational and Scientific Center “New Archaeology”, Head of the Department of Archaeology and Ethnography at the Institute for the Humanities in Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation); Director at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
shapkin@archaeology.nsc.ru

Svetlana V. Shnaider, PhD in History, Executive Director at the Educational and Scientific Center “New Archaeology” of the Institute for the Humanities in Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation); Senior Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
sveta.shnayder@gmail.com

УДК 396.0
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-22-33

**«Мужское» и «женское»:
гендер в фокусе отечественных исторических исследований
(материалы к учебному курсу «Основы культурной антропологии»)**

М. В. Васеха¹, Е. Ф. Фурсова²

¹ *Институт этнологии и антропологии РАН
Москва, Россия*

² *Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Представлен краткий обзор 30-летнего периода развития отечественных гендерных исследований, в результате которого авторы пришли к выводу о том, что гендерный подход в России оказался весьма успешен в области исторических дисциплин, прежде всего исторической феминологии. Авторы анализируют появление различных направлений внутри этой проблематики, ключевые темы и подходы, которые были выработаны в российской гуманитаристике и нашли отражение в юбилейном сборнике по гендерной истории и антропологии «Гендер в фокусе антропологии, этнографии семьи и социальной истории повседневности» (2019). Сделана попытка охарактеризовать состояние сибирских гендерных исследований, в результате чего авторы пришли к выводу о менее активном, в сравнении с Европейской частью России, развитии в Сибири гендерной проблематики. Сибирские исследователи в последние годы все чаще заменяют категорию «гендер» более нейтральными понятиями «исследования семьи», «женское», «мужское» и пр., чаще выбирают «классическую» историческую проблематику, более характерную для исторической науки до «гуманитарного ренессанса» 1990-х гг.

Ключевые слова

Сибирь, гендерные исследования, история науки, историческая феминология, женская история

Для цитирования

Васеха М. В., Фурсова Е. Ф. «Мужское» и «женское»: гендер в фокусе отечественных исторических исследований (материалы к учебному курсу «Основы культурной антропологии») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография. С. 22–33. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-22-33

**“Male” and “Female”:
Gender in the Focus of Domestic Historical Research
(Course Materials “Fundamentals of Cultural Anthropology”)**

M. V. Vasekha¹, E. F. Fursova²

¹ *Institute of Ethnology and Anthropology RAS
Moscow, Russian Federation*

² *Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The article presents a brief overview of the 30-year period of the development of Russian gender studies and reviews the state of gender studies in Siberia in the last decade.

© М. В. Васеха, Е. Ф. Фурсова, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography

Results. The authors came to the conclusion that the gender approach in Russia was very successful in the field of historical disciplines, especially in historical feminology and women's studies. The authors analyze the emergence of various areas within this issue, the key topics and approaches that have been developed in the Russian humanities. The main directions were reflected in the anniversary collection digest on gender history and anthropology "Gender in the focus of anthropology, family ethnography and the social history of everyday life" (2019).

Conclusion. The authors describe the current position of Siberian gender studies and conclude that gender issues in Siberia are less active in comparison with the European part of Russia. In recent years, Siberian researchers have increasingly replaced the category of "gender" with neutral categories of "family research", "female", "male", and so on. More often researchers choose "classical" historical problems raised in historical science before the "humanitarian renaissance", which began in the 1990s in Russia. In modern gender studies in the Siberian region, the capabilities of critical feminist optics and gender methodology are rarely used, and queer-issues are not developed.

Keywords

Siberia, gender studies, history of science, historical feminology, women's history

For citation

Vasekha M. V., Fursova E. F. "Male" and "Female": Gender in the Focus of Domestic Historical Research (Course Materials "Fundamentals of Cultural Anthropology"). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 22–33. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-22-33

Введение

Гендерные исследования появились в России в связи с либерализацией гуманитарного знания и установлением связей с зарубежными учеными в начале 1990-х гг. Поэтому 2019–2020 гг. отечественные гендерологи считают юбилейными. Поскольку это междисциплинарное направление было новым для нашей страны, среди ученых проводилось множество школ, семинаров и круглых столов, финансируемых зарубежными фондами. Гендерные исследования получали крупные зарубежные гранты, многие уже состоявшиеся историки, социологи, демографы, психологи попробовали в это время свои силы в этой проблематике. Возникновение новых теорий и научных парадигм было связано с появлением возможностей критики андроцентристских и позитивистских подходов.

Популярность гендерных исследований на постсоветском пространстве приехавший сюда в начале 1990-х гг. британский исследователь Бенджамин Коуп объяснил так: «Именно гендерные исследования предлагали теоретическую оптику для детального пересмотра советской политики в вопросах социальной справедливости» [Коуп и др., 2017. С. 11]. В связи с этим важно провести анализ состояния гендерной проблематики и оценить, насколько такие исследования институализировались в отдельное направление, в частности, для сибирской гуманитаристики.

Таким образом, цель работы – выявление и характеристика этапов развития данного научного направления, в том числе как результат отсылок к зарубежному опыту создания соответствующих исследовательских методик.

Становление гендерного направления в отечественной гуманитаристике

Активное становление нового направления, новизна и актуальность подходов, привлечение финансирования позволили известному гендерологу И. А. Жеребкиной назвать десятилетие 1991–2000 гг. «гендерными 90-ми» [2003]. Немаловажно, что в период «взлета» гендерной проблематики (финансирование проектов, зарубежные стажировки и пр.) значительное количество исследований выполнялось учеными-мужчинами. Однако, после того как зарубежная финансовая поддержка ослабла, с началом нового тысячелетия в этой области остались в основном гендерологи женского пола [Pushkareva, Zolotukhina, 2019. Р. 66]. Сегодня это можно наблюдать наглядно и на профильных конференциях, например на ежегодном

форуме Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ)¹ (историческая, этнологическая, антропологическая тематика) или на конференциях, регулярно проводимых в г. Иваново (социологическая, политологическая тематика). Все эти факторы определили доминирующее поле гендерных исследований в России, а именно женские исследования, особенно сильно развитые в области гендерной истории, антропологии, социологии, этнологии, литературоведения и лингвистики, некоторых иных дисциплин.

Российские гендерные исследования феминистского толка, которые по своей сути всегда связаны с политикой, сегодня весьма немногочисленны. Они продолжают успешно и активно развиваться в нескольких научных центрах, например в программе «Гендерные исследования» в Европейском университете Санкт-Петербурга. Такая важная составляющая гендерных исследований, как мужские исследования и квир-проблематика, развиваются в российской гуманитаристике весьма нерегулярно, более того, сегодня они активно представляются в роли «softpower» («политика мягкой силы»), которая не соответствует российским ценностям и угрожает демографическому развитию страны [Устинкин и др., 2016. С. 5]. Самыми известными российскими исследователями, сделавшими имя в области квир-проблематики, являются сегодня Надя Нартова [2008] (лесбийские исследования) и Александр Кондаков (исследования геев) [На перепутье..., 2014]. После считающихся сегодня уже «классикой» работ о сексуальной культуре и однополый любви И. С. Кона (1980–1990-е гг.) интерес к разработкам мужских исследований возник в России только в самом конце 1990-х – начале 2000-х гг. [Гартаковская, 2002. С. 112], однако асимметрия в пользу феминологии и женских исследований не только осталась, но и продолжает возрастать.

Как итог 30-летнего становления и развития гендерных исследований в России можно констатировать, что наибольшее распространение гендерная оптика получила в социологии, в особенности в области разработки теории и методологии, способах адаптации западных теоретических подходов к российской действительности. В исторических науках категория «гендер» стала применяться в исследованиях, затрагивающих тему «мужского» и «женского» и чаще всего в области женской истории; сегодня многие отечественные исследователи часто ставят знак равенства между исследованиями в области женской истории и гендерными исследованиями [Гарстенауэр, 2018]. Особенностью подхода отечественных специалистов в области гендерных исследований является попытка внести этнокультурный контекст, поскольку интересуется не только гендерный дисплей, но и институты, которые его воспроизводят.

Вероятно, столь воодушевленное принятие российскими историками гендерной проблематики можно объяснить тем фактом, что изучение женской повседневности в отечественной исторической науке имеет довольно длительную, более чем вековую, историю, что убедительно показала научный сотрудник Института этнографии АН СССР Н. Л. Пушкарева [2002]. Более того, в 1989 г. она издала монографию «Женщины Древней Руси» [1989], которая была новаторской для своего времени. В ней впервые ставились исторические вопросы именно в гендерном разрезе, где женщины выступали акторами, а не как это было принято в советской историографии – в виде «участия женщин в таких-то процессах». Пушкарева с целью получения нового объективного знания о женщинах (и, соответственно, мужчинах и обществе в целом) фактически первой в нашей стране использовала научную методологию, разрабатываемую американскими либеральными феминистками – «добавление женщин» (Adding Women). В связи с этим авторы настоящей статьи полагают, что правильно считать точкой отсчета начала гендерных исследований в нашей стране именно издание этой работы². Таким образом, можно было констатировать появление у нас такого измерения иссле-

¹ Официальный сайт: www.rarwh.ru

² З. А. Хоткина в статье, посвященной 10-летию гендерных исследований в России, считает таким началом публикацию в 1989 г. в журнале «Коммунист» статьи А. Посадской, Н. Римашевской и Н. Захаровой «Как мы решали женский вопрос», что в целом, не противоречит идее празднования 30-летнего юбилея этого направления в России [Хоткина, 2000. С. 21].

дований социальной жизни, как «гендер», что помогало увидеть аспекты общественного развития, которые не замечали классические историки, этнографы и социологи.

Современная историко-антропологическая проблематика

В 2019 г. в Институте этнологии и антропологии РАН к юбилею Н. Л. Пушкаревой и 30-летию гендерного направления в России вышла книга «Гендер в фокусе антропологии, этнографии семьи и социальной истории повседневности», авторы которой постарались отразить востребованную сегодня историко-антропологическую проблематику. Можно с уверенностью сказать, что научный сборник подводил итоги трех десятилетий истории развития «гендерного» направления в отечественной этнологии и антропологии. Почти пятьдесят статей коллег, единомышленников и учеников Пушкаревой со всего постсоветского пространства и из-за рубежа представили здесь различные современные направления в области гендерной и женской истории. Все авторы текстов принадлежат к школе исторической феминологии, и все же в силу ограниченного объема издания за рамками сборника осталось немало прекрасных гендерологов³.

Есть смысл остановиться на анализе указанного итогового сборника подробнее.

Начальный раздел издания посвящен истории становления женских исследований в России в лице первых его непосредственных участников – А. В. Беловой, Л. П. Заболотной, М. В. Михайловой, З. З. Мухиной, А. П. Скорика. А. В. Белова и З. З. Мухина справедливо заметили, что благодаря колоссальной информационной базе, собранной этнографами советской школы, стало возможным массовое появление в нашей стране исследований гендерного направления в науках о прошлом [Гендер в фокусе антропологии..., 2019. С. 7]. Специфика научной школы исторической феминологии и гендерной истории Н. Л. Пушкаревой состоит во взвешенном подходе к новым теориям. Исследовательница считает, что «бездумное использование западных выкладок зачастую ведет к упрощению и схематизации научных подходов» [Чаттерджи, Петроне, 2019. С. 77]. Ученики Пушкаревой также выступают за осознанно-взвешенный подход при анализе конкретного историко-этнографического материала, без калькирования хотя бы и весьма эффективных западных феминистских и гендерных теорий. Во многом благодаря деятельности гендерологов московской школы российская историческая картина дополнилась ранее неизвестными сильными героинями, которые участвовали в культурных, социальных и политических событиях в России. Это позволило скорректировать общие представления о социально-политической жизни в нашей стране.

Представить себе общую картину гендерной проблематики, разрабатываемой современными исследователями, можно по второму разделу итогового сборника «Женская повседневность и проблемы гендерных исследований». Поскольку для исследователей женской истории одной из базовых тем является изучение повседневности, немало работ в книге посвящено именно этому научному направлению. Во многом программная статья А. В. Беловой освещает важные теоретические подходы к концепту «женской повседневности» в контексте общей истории повседневности [Гендер в фокусе антропологии..., 2019. С. 39]. П. П. Щербинин анализирует повседневную жизнь солдатских жен в Российской империи в XVIII – начале XX в. сквозь призму гендерной и социальной истории [Там же. С. 314]. На конкретных материалах эта тема раскрывается в статье Е. В. Годовой «Положение женщины-казачки в семье и обществе во второй половине XIX – начале XX в.» [Там же. С. 79].

Ряд работ посвящен вопросам профессиональной занятости женщин в разные исторические эпохи. В статье Н. А. Беловой «Гендерный состав советских учителей» [Там же. С. 48] рассказывается о процессе феминизации такой профессиональной сферы деятельности, как учительство, и особенностях этого процесса в советской России. Американская коллега Е. Левин из Канзасского университета в статье «Первая женщина-врач в России» [Там же.

³ О более полной картине современных исследований и новых поколениях ученых можно судить по объемным томам тезисов ежегодных конференций РАИЖИ.

С. 170] размышляет о статусах и судьбах женщин-врачей как в медицине западного стиля, так и в гораздо более распространенной народной. Она начинает со времен Киевской Руси и заканчивает Надеждой Суловой, первой женщиной-врачом, получившей лицензию в России в 1868 г. Н. С. Нижник в статье «Милицционерка: новый образ трудящейся женщины в России» [Гендер в фокусе антропологии..., 2019. С. 214] выявил этапы вхождения женщин в ряды правоохранительных органов с первых лет советской власти, выделяя как особенно важный этап годы Великой Отечественной войны.

Гендерный подход подразумевает конструктивистский взгляд на социально-исторические процессы. Так, в работах М. В. Васехи ««Советская женщина: модель для сборки» в контексте социальной реальности сибирской деревни в первое десятилетие советской власти» [Там же. С. 64] и А. В. Жидченко ««Creation of new space»: особенности этногендерного подхода в изучении городской повседневности середины XX века» [Там же. С. 95] анализируется «традиционный» этнографический материал через призму социогендерного конструктивизма. Интересно, что оба исследователя имеют за плечами сибирские Alma mater (Новосибирск, НГПУ и Омск, ОмГУ) и в основе исследований используют конкретные сибирские материалы.

Тема женской сексуальности, в том числе в разные исторические эпохи, все еще слабо разработана в отечественной науке. В сборнике «Гендер в фокусе антропологии...» [2019] она представлена несколькими работами. О. И. Лисицына в статье «Гендерная цензура и литература “не для дам” в контексте сексуального воспитания российской дворянки конца XVIII – первой половины XIX в.» [Там же. С. 177] дает анализ женской книжной полки и делает вывод о низком уровне сексуальной осведомленности дворянок, табуировании этой темы для дворянских дочерей. С. С. Крюкова в статье «Девичья честь в русской деревне второй половины XIX в.: историко-культурная идентификация понятия» [Там же. С. 150] подытоживает, что само понятие «девичья честь» обретает в повседневной жизни деревни второй половины XIX в. новые черты, связанные с иным осознанием молодым поколением женщин личного достоинства, а не только с физиологическим сохранением девственности.

Гендерную историю и феминологию невозможно представить без изучения такого неотделимого от образа женщины аспекта, как материнство. Так, Н. А. Мицюк анализирует перспективы изучения истории материнства в российской исторической науке, рассматривая основные темы, источники и применяемые методы исследования [Там же. С. 193]. В статье В. О. Шаповаловой «Материнство: голоса из Гулага» (Университет штата Калифорния, Сан-Диего) затрагиваются чрезвычайно болезненные в нашей стране темы о политических заключенных, а именно женщинах, ставших матерями во время пребывания в невыносимо тяжелых условиях лагерной жизни [Там же. С. 296].

Логично, что Motherhood Studies всегда соседствуют с Childhood Studies. Исследования детства также посвящен ряд работ в сборнике (В. В. Долгов «Детство в Древней Руси XI–XIII вв.: начальный этап»; В. А. Веременико, О. А. Семёнов ««Сирота при живых родителях» – детское одиночество в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в.» и др.).

Отдельным блоком представлено крестьяноведение, прежде всего изучение положения и роли крестьянских женщин в семье и общественной жизни (В. Б. Безгин ««О бедной крестьянке замолвите слово»: русская баба в современной историографии»; Л. Н. Пивоварова «Главенство в русской крестьянской семье в пореформенный период: гендерный аспект (на материалах Курской губернии)»; С. П. Шаповалова «Изменения ментальности русской крестьянки в конце XIX – 30-х гг. XX века (на примере народных частушек)» и пр.).

Гендерные исследования изначально были связаны с женским движением и нацелены не только на производство знаний, но и на педализацию социально-политических перемен в обществе. Тема особенностей женского активизма в России представлена в сборнике статьей Е. И. Якушкиной «К вопросу о специфике женского активизма в России» [Там же. С. 320], где на фоне истории отечественного женского движения, делается акцент на его современ-

ном состоянии, характеризующемся сокращением количества женских организаций, кризисных центров, появлением такого национального колорита женской активности, как благотворительность. Рошель Ратчайлд (Университет Брандейса, США) в статье «Непослушные женщины и русские революции 1917 г.» [Гендер в фокусе антропологии..., 2019. С. 250] замечает в отношении 1917 г. как наиболее исследованного периода российской истории, что господствующий исторический нарратив начала русской революции освещен практически исключительно с мужской позиции. В данном случае признание значения женщин в революции – вопрос не политкорректности, а достоверности. Фокусируя внимание на том, как проходило включение женщин в общественную жизнь в 1917 г., автор анализирует пути женского участия в демонстрациях, маршах, шествиях, проходивших под политическими лозунгами, расширяет понимание процессов и мотиваций той революционной эпохи.

Особенности гендерных исследований в Сибири

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. благодаря повышенному интересу к направлению Gender Studies во многих университетских центрах России были открыты кафедры, центры и лаборатории гендерных исследований. Не обошло это веяние и сибирские университеты. Так, например, можно найти информацию о созданном в 2000 г. Центре гендерных исследований на сайте Алтайского государственного технического университета (рук. О. Н. Шевцова)⁴ или узнать об открытом в 2008 г. Кабинете гендерных исследований на сайте Новосибирского государственного университета (рук. Т. В. Барчунова)⁵.

Авторы данной статьи решили посмотреть на реальную картину в области гендерных исследований в Сибири через призму защищенных за последние 10 лет диссертаций, обратившись к поиску данных в электронной библиотеке диссертаций DissersCat. Были учтены данные о диссертациях, подготовленных и защищенных исключительно на базе сибирских вузов и институтов. Опираясь на статистику авторефератов диссертаций, собранных в базе DissersCat, можно констатировать, что в течение 2010–2013 гг. число диссертационных работ, чувствительных к поисковым словам «гендер» и «Сибирь», было относительно стабильным, но после 2013 г. резко снизилось количество диссертаций, содержащих гендерные теории и методологию. Можно предположить, что на фоне социально-политических процессов и неоконсервативных настроений второго десятилетия XXI в. материальная поддержка со стороны западных фондов, а вместе с этим и символический престиж категории «гендер» значительно снизились. Исследователи либо в принципе отказались писать квалификационные работы с использованием гендерной методологии, либо употребляли производные категории – «внутрисемейные отношения», «мужское» и «женское», «горожанки», «крестьянки», «работницы» и др.

При рассмотрении диссертаций периода «расцвета» гендерной проблематики в Сибири в «нулевые» годы обращает на себя внимание целый ряд работ по «женской» теме (без заявленного использования гендерной методологии, но включая категории «гендер» на основании того, что объектом исследования является женщина). Одно из таких направлений можно было бы обобщенно назвать «Сибирские горожанки». В его рамках раскрываются множественные проблемы жительниц сибирских городов в разные исторические периоды. Другие, не менее массовые, направления исследований можно условно объединить в группы «женское движение в Сибири», «образование и общественная деятельность сибирячек», «женщины, преступность и сибирская ссылка», «социальное, экономическое и политическое положение сибирячки в такой-то период». В большинстве своем авторы этих работ, выполненных в духе классических исторических исследований, редко обращались к методологическим наработкам гендерной школы – как зарубежной, так и отечественной.

⁴ URL: <https://www.altstu.ru/structure/unit/cgiigo/> (дата обращения 26.02.2020).

⁵ URL: <https://www.nsu.ru/n/research/divisions/humanities/filosofiya/1719947/> (дата обращения 26.02.2020).

Пожалуй, наибольшее число диссертаций с заявленным использованием гендерной оптики было защищено по отечественной истории (с кодом 07.00.02). Так, в 2011 г. Е. Л. Бадмацыренова на базе Бурятского государственного университета выполнила работу «Государственная политика по вовлечению женщин Бурятии в общественно-политическую деятельность: 1923–1991 гг.» [2011]. Годом позже в Омске М. А. Нагорная защитила работу по теме «Социальные роли и функции женщин в крестьянской переселенческой семье в России: последняя четверть XIX – начало XX в.» [2012]. С работой «История женского движения в Иркутской области: 1920–1990-е гг.» (Братский государственный университет) вышла на защиту Л. А. Шевченко [2012]. Во Владивостоке по теме «Трансформация отношений к семье и браку на российском Дальнем Востоке в 1917–1936 гг.» защитила диссертацию А. А. Савчук [2013].

В области теории языка в 2017 г. К. А. Покояковой была подготовлена диссертация «Этнокультурный и гендерный аспекты репрезентации бинарной оппозиции мужчина / женщина в языковом сознании носителей хакасского, русского и английского языков» (Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова) [2017]. В 2015 г. на базе Восточно-Сибирского государственного института культуры прошла защита диссертации П. Б. Замураевой «Гендерные отношения в традиционной культуре бурят: вторая половина XVIII – первая половина XIX в.» (код 24.00.01 – теория и история культуры, культурология) [2015].

За последнее десятилетие в Сибири фактически не было защищено диссертаций с применением гендерной оптики по специальности «Этнография, этнология, антропология» (код 07.00.07). Скорее как исключение можно упомянуть тот факт, что в 2001 г. в Институте археологии и этнографии СО РАН по этой специальности О. В. Голубковой была выполнена работа «Женские образы в народных верованиях восточных славян Сибири» [2001].

Тем не менее отдельные сибирские исследователи сегодня активно работают по гендерной проблематике. Так, на Алтае внимание специалистов сосредоточено на раскрытии исторических перемен и особенностях смыслов и символов в русской традиционной культуре, связанных с понятиями «мужское» и «женское». Монография этнографа Е. А. Коляскиной «Женщина и мужчина в русской деревне Алтая» (2015 г.) пополнила отечественную копилку качественных работ по гендерной и женской истории рубежа XIX–XX вв. Затрагивая вопросы частной жизни и сексуальной культуры, интимные и сложные для исследования темы, важно отметить, что автор опирается не столько на малочисленные и «скупые» письменные источники, сколько на живые свидетельства, голоса и мнения информантов – свидетелей событий того времени [Коляскина, 2015; Васеха, 2019]. Вопросам положения женщины-хозяйки в городской семье, роли в воспитании детей, участии в семейных и общественных праздниках посвящен ряд работ барнаульского историка Ю. М. Гончарова. По мнению исследователя, ценностные установки сибирской городской (купеческой, мещанской) семьи имели в основе религиозное мировоззрение, что способствовало сохранению патриархальных порядков. Однако при этом экономическая роль сибирских женщин была значительной, чего нельзя сказать об их общественной деятельности [1999; 2010]. К вопросам трансформации гендерных стереотипов 1930–1950-х гг. обращалась Л. А. Явнова (АГГПУ). Она привлекала материалы по типам семей, которые можно было бы отнести к «нетрадиционным» (неполным) [2012]. Изучению проблем женской адаптации в экстремальных условиях депортаций и эвакуаций в Сибирь в 1939–1949 гг. посвящен труд Т. К. Щегловой, которая пришла к выводу о том, что адаптационные процессы проходили в ускоренном режиме при сходе хозяйственно-бытовых укладов депортированных народов с местным населением [2019].

Из числа новосибирских ученых можно отметить одного из авторов настоящей статьи, в чьих работах сделана попытка раскрыть вопросы взаимопомощи и взаимовыручки женщин в моменты сложных жизненных ситуаций (преодоление трудностей, связанных с запретом родителей выйти замуж по любви, тяжелые жизненные обстоятельства и т. п.). Источниками для таких исследований являются жизненные истории, сведения о которых собраны во время полевых этнографических работ в разных районах Сибири [Фурсова, 2018]. Кроме того,

в настоящее время активно занимается переводами востребованных текстов западных авторов Т. В. Барчунова из Новосибирского государственного университета. Один из результатов ее деятельности, чего ожидало все русскоязычное научное сообщество, – перевод книги Рэйвин Коннел «Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика» [2015].

Заключение

Анализ состояния гендерной проблематики свидетельствует о том, что в Сибири гендерные исследования пока не институализировались в отдельное направление сибирской гуманитаристики. Как и в целом в отечественной науке последних лет, в Сибири резко сократилось число диссертаций с заявленным гендерным подходом и усилилось обращение к консервативным и нейтральным категориям – «исследование семьи и брака», «мужское» и «женское» и т. п. Исследователи предпочитают обращаться к классической исторической, а не к новационной проблематике, почти не используют возможности и потенциал гендерных теорий и методологии, крайне редко включают критическую феминистскую оптику в сферу своих интересов. Большинство работ носит дескриптивный характер, ограничиваясь простыми обобщениями без концептуализации проблемы. Сегодня перед историками, работающими с гендерной проблематикой, как никогда актуальна проблема преодоления неоконсервативных настроений в обществе, напрямую влияющих на научную свободу разрабатываемых проблем и подходов к ним. Еще одна актуальная повестка как для общероссийской, так и для сибирской исторической науки, – формирование способов и приемов включения в исторический текст содержательных и смысловых значений терминов и понятий по гендерной проблематике, выработанных смежными науками [Реснянский, Амиантова, 2019. С. 297].

Несмотря на обозначенные проблемы, интерес к гендерным исследованиям в Сибири сохраняется, и есть основания к его удовлетворению. Так, например, в 2018 г. в Новосибирском государственном университете была защищена магистерская диссертация по теме «Мужская праздничная культура русского сельского населения Западной Сибири в 1920–1950-х гг.», которая может дать толчок развитию мужской проблематики в сибирских гендерных исследованиях (Е. А. Рублев, соискатель Института археологии и этнографии СО РАН, научный руководитель Е. Ф. Фурсова).

Список литературы

- Бадмацыренова Е. Л.** Государственная политика по вовлечению женщин Бурятии в общественно-политическую деятельность: 1923–1991 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2011. 25 с.
- Васеха М. В.** Женщина и мужчина: свежий подход к классической этнографической теме // Сибирские исторические исследования. 2019. № 1. С. 198–202.
- Гарстенауэр Т.** Гендерные и квир-исследования в России // Социология власти. 2018. Т. 30, № 1. С. 160–174.
- Гендер в фокусе антропологии, этнографии семьи и социальной истории повседневности / Отв. ред. З. З. Мухина, А. В. Белова, Н. А. Белова, С. В. Канныкин. М.: ИЭА РАН, 2019. 332 с.
- Голубкова О. В.** Женские образы в народных верованиях восточных славян Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. 25 с.
- Гончаров Ю. М.** Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1999. 240 с.
- Гончаров Ю. М.** «Женщина в Сибири не раба мужчине» // Родина. 2010. № 7. С. 149–153.
- Жеребкина И.** Гендерные 90-е, или фаллоса не существует. М.: Алетейя, 2003. 256 с.

- Замураева П. Б.** Гендерные отношения в традиционной культуре бурят: вторая половина XVIII – первая половина XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2015. 23 с.
- Коляскина Е. А.** Женщина и мужчина в русской деревне Алтая. Бийск: Изд-во АГАО им. В. М. Шукшина, 2015. 296 с.
- Коннелл Рэйвин.** Гендер и власть: Общество, личность и гендерная политика / Пер. с англ. Т. Барчуновой; науч. ред. перевода И. Тартаковская; подгот. русской версии примечаний и библиографии О. Ечевской. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 432 с.
- Коуп Б., Минчя Е., Сасункевич О.** Введение: три редакторских голоса о прошлом и настоящем гендерных исследований на постсоциалистическом пространстве // Перекрестки. 2017. № 1–2. С. 10–24.
- На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований: Сб. ст. / Ред.-сост. А. А. Кондаков. СПб.: Центр независимых социологических исследований, 2014. 466 с.
- Нагорная М. А.** Социальные роли и функции женщин в крестьянской переселенческой семье в России: последняя четверть XIX – начало XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2012. 22 с.
- Нартова Н. А.** Гендерный контракт современного российского общества и неконвенциональные гендерные идентичности // Женщина в российском обществе. 2008. № 3. С. 56–64.
- Покаякова К. А.** Этнокультурный и гендерный аспекты репрезентации бинарной оппозиции мужчина / женщина в языковом сознании носителей хакасского, русского и английского языков.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2017. 22 с.
- Пушкарева Н. Л.** Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.
- Пушкарева Н. Л.** Русская женщина: история и современность. История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии. М.: Ладомир, 2002. 526 с.
- Реснянский С. И., Амиантова И. С.** Гендер в российской истории: обзор новейших исследований // Вестник РУДН. Серия: История России. 2019. № 2, вып. 18. С. 278–301.
- Савчук А. А.** Трансформация отношений к семье и браку на российском Дальнем Востоке в 1917–1936 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2013. 25 с.
- Тартаковская И. Н.** Мужчины на рынке труда // Социологический журнал. 2002. Т. 0, № 3. С. 112–125.
- Устинкин С. В., Рудакова Е. К., Эминов Д. С.** Гендерные стратегии «мягкой силы» НПО как инструмент переформатирования культурного кода общества и государства в России // Власть. 2016. Т. 4, № 1. С. 5–15.
- Фурсова Е. Ф.** Взаимопомощь в различных жизненных ситуациях у сибирских крестьянок первой трети XX в. // Женщина в российском обществе // Woman in Russian Society. 2018. № 1 (86). С. 99–105.
- Хоткина З. А.** Гендерным исследованиям в России – десять лет // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 21–26.
- Чаттерджи Ч., Петроне К.** Наталья Пушкарева: гендер и историческое наследие в постсоветской России // Вестник Перм. ун-та. 2019. Вып. 3 (46). С. 76–84.
- Шевченко Л. А.** История женского движения в Иркутской области: 1920–1990-е гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2012. 25 с.
- Щеглова Т. К.** Антропология экстремальности: женская социокультурная адаптация в контексте принудительных и вынужденных миграций 1939–1949 годов // Мужчины и женщины в миграционных процессах прошлого и настоящего: Материалы XII Междунар. науч. конф. РАИЖИ. Калининград, 2019. С. 347–350.
- Явнова Л. А.** Мать-одиночка, мать-солдатка: к вопросу трансформации гендерных стереотипов поведения в 1930–1950-х годах // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: Материалы V Междунар. науч. конф. РАИЖИ. Тверь; М.: Изд-во ИЭА РАН, 2012. С. 465–469.

Pushkareva N., Zolotukhina M. Women's and Gender Studies of the Russian Past: two contemporary trends. In: *Women's History at the Cutting Edge*. Eds. Karen Offen and Yan Chen. London, New York, Routledge, 2019, p. 66–82.

References

- Badmatsyrenova E. L.** Gosudarstvennaya politika po vovlecheniyu zhenshchin Buryatii v obshchestvenno-politicheskuyu deyatel'nost': 1923–1991 gg. [State policy on the involvement of women of Buryatia in social and political activities: 1923–1991]. Cand. Hist. Sci. Syn. Diss. Ulan-Ude, 2011, 25 p. (in Russ.)
- Chatterdshi Ch., Petrone K.** Natal'ya Pushkareva: gender i istoricheskoe nasledie v postsovetsoi Rossii [Natalia Pushkareva: gender and historical heritage in post-Soviet Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta* [*Bulletin of Perm State University*], 2019, iss. 3 (46), p. 76–84. (in Russ.)
- Connell Ravin.** Gender i vlast': Obshchestvo, lichnost' i gendernaya politika [Gender and Power: Society, Personality, and Gender Policy]. Trans. from English by T. Barchunova; scientific ed. of translation by I. Tartakovskaya; preparation of the Russian version of the notes and bibliography by O. Echevskaya. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015, 432 p. (in Russ.)
- Fursova E. F.** Vzaimopomoshch' v razlichnykh zhiznennykh situatsiyakh u sibirskikh krest'yanok pervoi treti XIX v. [Mutual assistance in various life situations among Siberian peasant women in the first third of the 20th Century]. *Woman in Russian Society*, 2018, no. 1 (86), p. 99–105. (in Russ.)
- Garstenauer T.** Gendernye i kvir-issledovaniya v Rossii [Gender and Queer Studies in Russia]. *Sociologiya vlasti* [*Sociology of Power*], 2018, vol. 30, no. 1, p. 160–174. (in Russ.)
- Gender v fokuse antropologii, etnografii sem'i i social'no' istorii povsednevnosti [Gender in the focus of anthropology, family ethnography and the social history of everyday life]. Eds. Z. Z. Mukhina, A. V. Belova, N. A. Belova, S. V. Kannykin. Moscow, IEA RAN Publ., 2019, 332 p. (in Russ.)
- Golubkova O. V.** Zhenskie obrazy v narodnykh verovaniyakh vostochnykh slavyan Sibiri [Female images in the folk beliefs of the eastern Slavs of Siberia]. Cand. Hist. Sci. Syn. Diss. Novosibirsk, 2011, 25 p. (in Russ.)
- Goncharov Yu. M.** “Zhenshchina v Sibiri ne raba muzhchine” [“A woman in Siberia is not a slave to a man”]. *Rodina* [*Homeland*], 2010, no. 7, p. 149–153. (in Russ.)
- Goncharov Yu. M.** Kupecheskaya sem'ya vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [Merchant family of the second half of the 19th – beginning of the 20th centuries]. Moscow, IEA RAS Publ., 1999, 240 p. (in Russ.)
- Khotkina Z. A.** Gendernym issledovaniyam v Rossii – desyat' let [Gender Studies in Russia – Ten Years]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [*Social Sciences and modernity*], 2000, no. 4, p. 21–26. (in Russ.)
- Kolyaskina E. A.** Zhenshchina i muzhchina v russkoi derevne Altaya [Woman and man in the Russian village of Altai]. Biisk, V. M. Shukshin AGAO Publ., 2015, 296 p. (in Russ.)
- Koup B., Mincheya E., Sasunkevich O.** Vvedenie: tri redaktorskiikh golosa o proshlom i nastoyashchem gendernykh issledovanii na postsotsialisticheskom prostranstve [Introduction: three editorial voices about the past and present of gender studies in the post-socialist space]. *Perekrestki* [*Crossroads*], 2017, no. 1–2, p. 10–24. (in Russ.)
- Na pereput'e: metodologiya, teoriya i praktika LGBT i kvir-issledovaniy [At Crossroads: Methodology, Theory, and Practice of LGBT and Queer Studies: Collection of Articles]. Ed. by A. A. Kondakov. St. Petersburg, Center for Independent Sociological Research Publ., 2014, 466 p. (in Russ.)

- Nagornaya M. A.** Sotsial'nye roli i funktsii zhenshchin v krest'yanskoj pereselencheskoj sem'e v Rossii: poslednyaya chetvert' XIX – nachalo XX vv. [Social roles and functions of women in a peasant migrant family in Russia: the last quarter of the 19th – beginning of the 20th Century]. Cand. Hist. Sci. Syn. Diss. Omsk, 2012, 22 p. (in Russ.)
- Nartova N. A.** Gendernyi kontrakt sovremennogo rossiiskogo obshchestva i nekonventsional'nye gendernye identichnosti [Gender contract of modern Russian society and non-conventional gender identities]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve [Woman in Russian society]*, 2008, no. 3, p. 56–64. (in Russ.)
- Pokoyakova K. A.** Etnokul'turnyi i gendernyi aspekty reprezentatsii binarnoi oppozitsii muzhchina / zhenshchina v yazykovom soznanii nositelei khakasskogo, russkogo i angliiskogo yazykov [Ethnocultural and gender aspects of the representation of the binary opposition man / woman in the linguistic consciousness of native speakers of Khakass, Russian and English]. Cand. Hist. Sci. Syn. Diss. Krasnoyarsk, 2017, 22 p. (in Russ.)
- Pushkareva N. L.** Russkaya zhenshchina: istoriya i sovremennost'. Istoriya izucheniya “zhenskoj temy” russkoj i zarubezhnoj naukoj. 1800–2000: Materialy k bibliografii [Russian woman: history and modernity. The history of the study of the “female theme” of Russian and foreign science. 1800–2000: Materials for the bibliography]. Moscow, Ladomir Publ., 2002, 526 p. (in Russ.)
- Pushkareva N. L.** Zhenshchiny Drevnei Rusi [Women of Ancient Russia]. Moscow, Mysl' Publ., 1989, 286 p. (in Russ.)
- Pushkareva N., Zolotukhina M.** Women's and Gender Studies of the Russian Past: two contemporary trends. *Women's History at the Cutting Edge*. Ed. by Karen Offen and Yan Chen. London, New York, Routledge, 2019, p. 66–82.
- Resnyanskiy S. I., Amiantova I. S.** Gender v rossiiskoj istorii: obzor noveishikh issledovaniy [Gender in Russian History: A Survey of Recent Research]. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia]*, 2019, no. 2, iss. 18, p. 278–301. (in Russ.)
- Savchuk A. A.** Transformatsiya otnoshenii k sem'e i braku na rossiiskom Dal'nem Vostoke v 1917–1936 gg. [Transformation of relations to family and marriage in the Russian Far East in 1917–1936 years]. Cand. Hist. Sci. Syn. Diss. Vladivostok, 2013, 25 p. (in Russ.)
- Shcheglova T. K.** Antropologiya ekstremal'nosti: zhenskaya sotsiokul'turnaya adaptatsiya v kontekste prinuditel'nykh i vynuždennykh migratsii 1939–1949 godov [Anthropology of extremeness: female sociocultural adaptation in the context of enforced and forced migrations of 1939–1949]. In: *Muzhchiny i zhenshchiny v migracionnykh processakh proshlogo i nastoyashchego [Men and women in the migration processes of the past and present]*. Materials of the XII international scientific conference RAWHR. Kaliningrad, 2019, p. 347–350. (in Russ.)
- Shevchenko L. A.** Istoriya zhenskogo dvizheniya v Irkutskoi oblasti: 1920–1990-e gg. [The history of the women's movement in the Irkutsk region: 1920–1990s]. Cand. Hist. Sci. Syn. Diss. Ulan-Ude, 2012, 25 p. (in Russ.)
- Tartakovskaya I. N.** Muzhchiny na rynke truda [Men in the labour market]. *Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological Journal]*, 2002, vol. 0, no. 3, p. 112–125. (in Russ.)
- Ustinkin S. V., Rudakova E. K., Eminov D. S.** Gendernye strategii “myagkoi sily”. NPO kak instrument pereformatirovaniya kul'turnogo koda obshchestva i gosudarstva v Rossii [Gender strategies of “soft power” of NPO as a tool for reformatting the cultural code of society and the state in Russia]. *Vlast' [Power]*, 2016, vol. 4, no. 1, p. 5–15. (in Russ.)
- Vasekha M. V.** Zhenshchina i muzhchina: svezhii podhod k klassicheskoj etnograficheskoj teme [Woman and Man: a fresh approach to the classic ethnographic topic]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya [Siberian Historical Research]*, 2019, no. 1, p. 198–202. (in Russ.)
- Yavnova L. A.** Mat'-odinochka, mat'-soldatka: k voprosu transformatsii gendernykh stereotipov povedeniya v 1930–1950-kh godakh [Single mother, soldier mother: on the issue of transforming gender stereotypes of behaviour in the 1930s and 1950s]. In: *Zhenshchiny i muzhchiny*

v kontekste istoricheskikh peremen [Women and men in the context of historical change]. Materials of the V international scientific conference RAWHR. Tver, Moscow, IEA RAS Publ., 2012, p. 465–469. (in Russ.)

Zamuraeva P. B. Gendernye otnosheniya v traditsionnoi kul'ture buryat: vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX vv. [Gender relations in traditional culture are drilled: the second half of the 18th – the first half of the 19th centuries]. Cand. Hist. Sci. Syn. Diss. Ulan-Ude, 2015, 23 p. (in Russ.)

Zherebkina I. Gendernye 90-e, ili falloosa ne sushchestvuet [Gender 90s, or phallus does not exist]. Moscow, Aleteiya, 2003, 256 p. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
19.03.2020*

Сведения об авторах

Васеха Мария Владимировна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр., 32А, Москва, 119991, Россия)
maria.vasekha@gmail.com
ORCID 0000-0003-4132-4370

Фурсова Елена Федоровна, доктор исторических наук, заведующая отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
mf11@mail.ru
ORCID 0000-0002-9459-7033

Information about the Authors

Maria V. Vasekha, Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Institute of Ethnology and Anthropology RAS (32A Lenin Ave., Moscow, 119991, Russian Federation)
maria.vasekha@gmail.com
ORCID 0000-0003-4132-4370

Elena F. Fursova, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
mf11@mail.ru
ORCID 0000-0002-9459-7033

УДК 902/904

DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-34-43

Каинский пас (форпост): история, локализация и планиграфия

С. В. Горохов

*НРОО «История сибирских острогов»
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Публикация продолжает ряд статей автора, посвященных локализации на местности, архитектуре и планиграфии оборонительных сооружений, предназначением которых было обеспечение безопасного и бесперебойного движения по маршруту Московско-Сибирского тракта на отрезке от Тары до Томска. Цель настоящего исследования состоит в локализации на местности Каинского паса (современный г. Куйбышев Новосибирской области) и реконструкции его планиграфии по данным письменных источников. Выполнен перевод на русский язык фрагмента текста путевого дневника И. Г. Гмелина, посвященного Каинскому пасу (1741 г.). На основании этого источника определено его точное местонахождение на территории современного Куйбышева. Выполнена графическая и описательная реконструкция планиграфии оборонительных сооружений. Анализ путевого дневника И. Г. Гмелина показал, что этот источник является основным по ранней истории Каинского паса, без его тщательной проработки первые десятилетия этого оборонительного сооружения могут быть реконструированы лишь гипотетически.

Ключевые слова

Бараба, Каинский пас (форпост), история, локализация, планиграфия, заплот, казарма, И. Г. Гмелин

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42058 «Основные особенности развития оборонного зодчества в Сибири в эпоху Петра I»

Для цитирования

Горохов С. В. Каинский пас (форпост): история, локализация и планиграфия // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография. С. 34–43. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-34-43

Kainsky Pass (Outpost): History, Localization and Layout Plan

S. V. Gorokhov

*NRPO “History of the Siberian Ostrogs”
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. This work is a continuation of the series of articles by the author devoted to the localization, architecture and layout plan of the defensive structures, the purpose of which was to ensure safe and uninterrupted traffic along the segment of the Moscow-Siberian Route from Tara to Tomsk: Ust-Tartassky, Ubinsky passes (outposts), Bergamak, Chausky and Umrevinsky ostrogs, Abakhan winter hut. Without a holistic view of the origin of these objects it is impossible to get a sufficiently complete picture of the functioning of the most important land transport communication in the Ob-Irtysh interfluvium during the period of its formation in the first half of the 18th Century. The purpose of this study is to localize the Kainsky Pass and reconstruct its layout plan based on written sources.

Results. The etymology of the word “pass” is established. Based on the original meaning of the word, the purpose of the construction of the Baraba outposts was identified. A text fragment from travel diary of J. G. Gmelin, dedicated

© С. В. Горохов, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography

to the Kainsky Pass (1741) was translated into Russian. Based on this source, the exact location of the Kainsky Pass (outpost) on the territory of the modern town of Kuybyshev (Novosibirsk Region) was determined (Str. Agafonov on the segment between Str. Kopiev and St. Saraynaya). A graphic and descriptive reconstruction of the layout plan of the Kainsky Pass was completed. It was established that the outpost had a sub-rectangular shape, “zaplot” constructed walls, two entrance towers, the yard contained the commander’s house, a barn, armoury room and 12 barracks. Outside the walls was a bathhouse. The Pass was surrounded by a ditch, Dragon’s teeth fortifications and cheval de frise.

Conclusion. The analysis of J. G. Gmelin’s travel diary showed that this source is the main one on the early history of the Kainsky Pass. Without its careful study the first decades of this defensive structure can only be reconstructed hypothetically.

Keywords

Baraba, Kainsky Pass (outpost), history, localization, layout plan, zaplot, barrack, J. G. Gmelin

Acknowledgements

The reported study was funded by the RFBR, project № 20-09-42058 “Main features of the defensive architecture development in Siberia in the era of Peter I”

For citation

Gorokhov S. V. Kainsky Pass (Outpost): History, Localization and Layout Plan. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 34–43. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-34-43

Введение

Настоящая работа продолжает ряд публикаций автора, посвященных локализации, архитектуре и планиграфии оборонительных сооружений, предназначенных для обеспечения безопасного и бесперебойного движения по Московско-Сибирскому тракту на отрезке от Тары до Томска¹. Это Усть-Тартасский, Убинский пасы (форпосты), Бергамакский, Чаусский и Умревинский остроги, Абаханское зимовье. В научной литературе история этих объектов освещена крайне скудно (за исключением Умревинского острога). Между тем без целостного представления об истории этих объектов невозможно составить полную картину обеспечения функционирования важнейшей сухопутной транспортной коммуникации в Обь-Иртышском междуречье в период ее становления в первой половине XVIII в.

Цель настоящего исследования состоит в локализации на местности Каинского паса (на территории современного города Куйбышева Новосибирской области) и реконструкции его планиграфии по данным письменных источников, в первую очередь путевого дневника И. Г. Гмелина [Gmelin, 1752b]. Ранее к этим материалам обращалась А. Л. Автушкова, однако ее работа изобилует фактологическими ошибками: неверно выполнена локализация паса на местности, ошибочно определены геометрические параметры (квадрат) паса и единицы измерения расстояний, не распознана конструкция стен, только одна башня определена как проездная, цейхгауз назван арсеналом [Автушкова, 2017. С. 112]. В связи с этим наша работа будет иметь достаточно высокую степень научной актуальности.

Результаты исследований и обсуждение

Сведения о событиях, предшествовавших основанию Каинского форпоста, содержатся в работе академика И. П. Фалька, который, побывав в Каинске, сообщал, что пас был перенесен на р. Омь с оз. Тандово в 1722 г. [1824. С. 430]. Это крупное озеро, расположенное в 36 км на юго-запад от Каинска, в Барабинском районе Новосибирской области (рис. 1, 1, 2). Время основания паса – 1722 г. – не вызывает возражений и у других исследователей [Историческія свѣденія..., 1886. С. 23; Андріевичь, 1889. С. 83; Россія..., 1907; Резун, Васильевский, 1989. С. 142; Бурматов, 2009. С. 219].

¹ Альтернативный маршрут между Тарой и Томском представляет собой водный путь вниз по Иртышу до слияния с Обью, затем подъем до устья Томи и подъем по Томи до Томска.

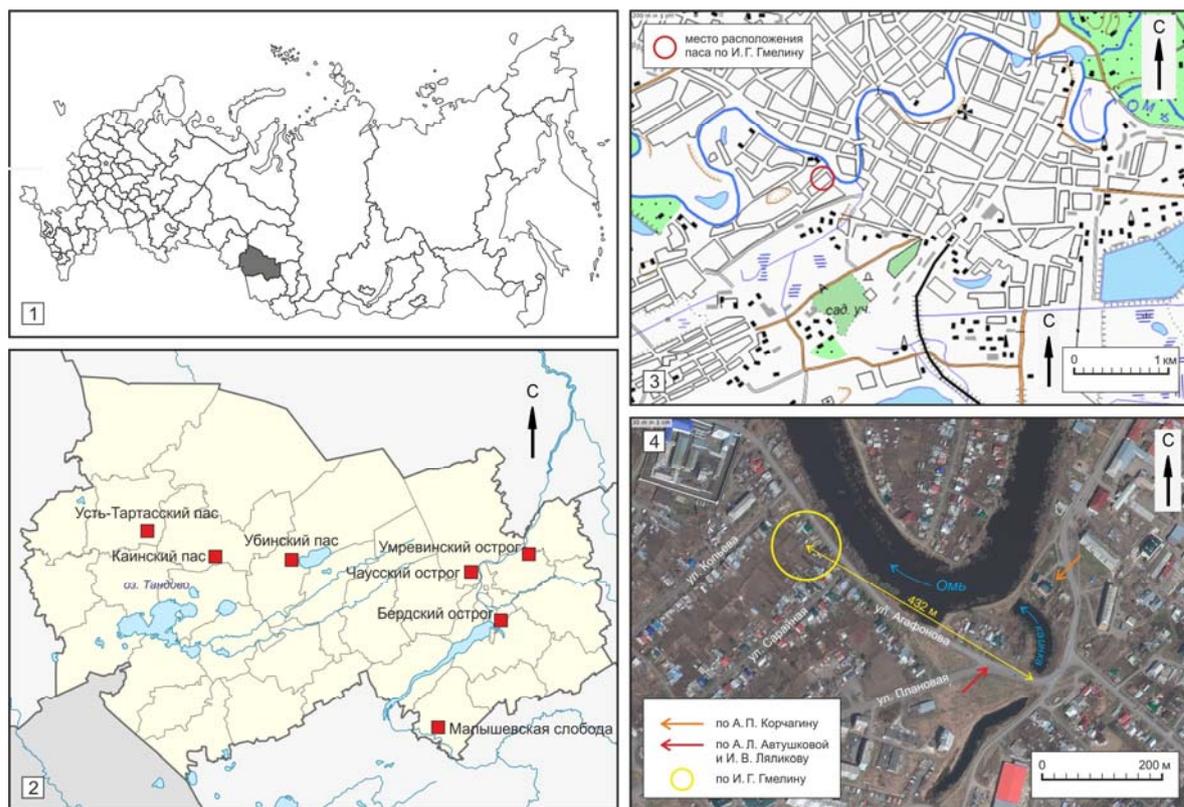

Рис. 1. Расположение Каинского паса:

1 – Новосибирская область на карте России; 2 – остроги, пасы и слободы на территории Новосибирской области; 3 – топографическая ситуация в районе размещения Каинского паса; 4 – варианты расположения Каинского паса по данным различных исследователей

Fig. 1. Location of Kainsky Pass:

1 – The position of the Novosibirsk region on the map of Russia; 2 – position of ostrogs, passes and settlements on the map of the Novosibirsk region; 3 – topographic situation in the area of the Kainsky Pass; 4 – potential locations of the Kainsky Pass, according to various researchers

Слово «пас» как название оборонительного сооружения употреблялось только в отношении трех барабинских укреплений (Усть-Тартасского, Каинского и Убинского). Впоследствии это обозначение было вытеснено более употребительным – «форпост». Другие оборонительные сооружения в Сибири и на Дальнем Востоке с таким названием нам неизвестны. Слово «пас» уже с середины XVIII в. привлекало внимание исследователей, которые пытались дать ему объяснение. В книге «Историческія сведения о заселеніи и географической обзоръ Томской губерніи» присутствует топоним «Каинской-Носъ» в качестве названия поселения, основанного в 1722 г. В данном случае имеет место народное переосмысление неясного термина «пас», который превратился в созвучное слово «нос» и составил с прилагательным «каинский» имя собственное «Каинской-Носъ», о чем свидетельствует написание слова «Носъ» с прописной буквы и всего слова через дефис [Историческія сведения..., 1886. С. 23]. В. В. Радлов назвал Каинский пас «Каинским проходом» [Сибирскія древности..., 1894. С. 106]. Такое на первый взгляд странное название объясняется просто: В. В. Радлов, будучи этническим немцем и природным носителем немецкого языка, просто перевел слово пас («Paß») у И. Г. Гмелина [Gmelin, 1752b. S. 113] на русский язык. В современном немецком языке «Paß» означает «горный проход», «теснина», «дефиле», т. е. узкие проходы

в естественных преградах или в труднопроходимой местности, которые могут быть использованы для передвижения своих войск или, наоборот, для воспрепятствования передвижения по ним войск противника. И. Г. Гмелин полагает: «Лежащие бревна барабинских пасов придают им вид крепости, а совсем простой способ строительства – образ острога. Вследствие этого им дали особое название». Он, также будучи носителем немецкого языка, сумел в слове «пас» разглядеть его немецкие корни: «...это название (пас. – С. Г.) присвоено потому, что это место должны проезжать, когда следуют через Барабу»² [Gmelin, 1752b. S. 113]. А. П. Корчагин полагал, что «первая половина XVIII в. и несколько последующих десятилетий в Российском государстве характеризуются модой на все европейское, и форпосты на европейский манер назывались пасами (как на карте Гмелина)» [Корчагин, 2018б. С. 78].

Разрешение проблемы этимологии термина «пас» позволило нам понять первоначальное назначение этих оборонительных сооружений, которое состояло в том, чтобы, находясь в таких точках местности, которые служат удобным проходом среди многочисленных болот, озер и речек, контролировать передвижение через Барабинскую степь. Этот функционал в большей мере соответствует теплomu времени года, так как зимой, когда болота и озера замерзают, ограничения на передвижение, накладываемые местностью, перестают действовать.

Относительно места расположения Каинского паса существует несколько мнений. А. А. Бурматов полагает, что он размещался недалеко от современного Куйбышева, т. е. за его пределами [2009. С. 219]. О. Н. Катионов и Ф. С. Кузнецова в качестве места расположения паса указывали левый берег Оми у устья р. Каинка, не уточняя, на каком берегу последней [1997. С. 48]. И. В. Ляликов на гипотетическом плане г. Каинска помещал пас у самого устья Каинки, на ее левом берегу³ [2013. С. 87–88]. А. П. Корчагин, ссылаясь на И. Г. Гмелина, локализовал форпост в районе улицы Агафонова и Церковно-приходского центра католической церкви, т. е. на правом берегу Каинки [2018а; 2018б]. А. Л. Автушкова указала пас на пересечении улиц Агафонова и Плановой на левом берегу Каинки (рис. 1, 4) [2017. С. 113]. А. А. Бурматов полагал, что в 1744 г. Каинский пас уже был укрепленной слободой, перенесенной в 1772 г. на место нынешнего города [2009. С. 219]. Очевидно, автор считал, что первоначально пас располагался за пределами современного Куйбышева. Более точные сведения о переносе содержатся в «Полном географическом описании нашего Отечества», где сказано, что возникшая вокруг паса слобода в 1772 г. была перенесена на место нынешнего (по состоянию на 1907 г.) города [Россія..., 1907. С. 452]. С тех пор Каинск (Куйбышев) существенно увеличил свою площадь, включив в нее и первоначальное место размещения форпоста. А. Якимовский в 1842 г. сообщал: «...от реки Оми с западной до южной стороны левого берега Каинки, земляного вала, который от руки времени изглажен...»⁴ (цит. по: [Гусаченко и др., 1995. С. 7]). По этому описанию сложно составить представление о месте размещения вала. Можно лишь предположить, что он отходил от левого берега Оми в западном направлении ниже устья Каинки, затем делал поворот на юг и шел до берега Каинки. Возможно, именно это сообщение подталкивало исследователей к локализации паса на берегу реки.

По вопросу о планиграфии Каинского паса в литературе присутствуют существенные разночтения. Глава посольства в Китай С. Л. Владиславич-Рагузинский в 1725 г., проезжая через Каинский пас, оставил о нем крайне лаконичное сообщение: «...острог маленькой рубленой четверугольной» [Русско-китайские отношения..., 1990. С. 194]. А. Д. Колесников писал, что в 1749 г. форпост был «обнесен надолбами, рогатками, палисадом и рвом» [1973. С. 94]. Источник этих сведений не ясен. Д. Я. Резун и Р. С. Васильевский сообщали, что в 1750 г. пас представлял собой «четырёхугольное поселение, обнесенное деревянным частоколом.

² Здесь и далее перевод наш.

³ И. В. Ляликов ссылался на проектные материалы, которых нет в нашем распоряжении [Проект зон охраны..., 1995].

⁴ Соответствующие сведения содержатся в архивном документе: [Краткое статистическое описание..., 1842].

Вокруг был опоясан надолбами, рогатками и рвом. На двух углах палисада были сооружены ««рокатки» для пушек» [1989. С. 172]. К сожалению, авторы не ссылаются на источник этих сведений. О. Н. Катионов и Ф. С. Кузнецова так описывали пас: «...в виде четырехугольной крепости из лежащих бревен; в южной и западной стенах находились башни с воротами. Крепость была ограждена глубоким рвом, заполненным водой и надолбами» [1997. С. 48]. Эти исследователи ссылались на путевой дневник И. Г. Гмелина, следовательно, описание относилось к июню 1741 г. Однако смысл содержания текста дневника они передали недостаточно точно. Согласно плану, опубликованному И. В. Ляликовым, пас представлял собой правильный прямоугольник, расположенный длинной осью по линии юго-запад – северо-восток. По углам и посередине северо-западной и юго-восточной стен располагались, по видимому, башни. Во внутреннем дворе острога показаны две группы строений. Автор назвал этот план гипотетическим [2013. С. 88].

Как можно видеть, исследователи неоднократно обращались к путевому дневнику И. Г. Гмелина как источнику информации о Каинском пасе, однако он использован неполно, а некоторые сведения интерпретированы ошибочно. Между тем это наиболее информативный источник по локализации, архитектуре и планиграфии Каинского паса (форпоста), поэтому необходимо опубликовать полный его текст с соответствующим научным комментарием.

Летом 1741 г. И. Г. Гмелин проделал путь из Томска в Тару через Барабинскую степь. 21 июня он прибыл в Каинский пас. В его путевом дневнике содержатся следующие сведения:

<...> 21 числа я выехал с восходом солнца <...> переехал через реку Каинка и примерно через двести саженей от нее около семи часов утра достиг Каинского паса, который получил название от упомянутой реки <...> Каинской пас расположен на западном берегу реки Омь, которая здесь течет с востока-юго-востока на запад-северо-запад и в этом месте пятнадцать саженей в ширину. Рядом с пасом выше по течению она течет с востока-северо-востока на запад-юго-запад и на углу этого поворота рядом с крепостью выше по течению впадает река Каинка, по-татарски Каинглу. Крепость четырехугольная длиной с юга на север тридцать девять саженей и шириной тридцать одна сажень из лежащих тонких березовых бревен. Однако большую часть стен составляли двенадцать казарм, которые то тут, то там были распределены по всем четырем стенам. Она имела две башни, которые снизу были снабжены воротами, одна на южной и одна на западной стороне. Вдоль северной стороны ближе к восточной расположен дом командующего, от которого несколько западнее выстроены амбар и пристроен цейхгауз. Из артиллерии, ружей и других боеприпасов в наличии имеется две металлические пушки, восемьдесят фунтовых и семьдесят девять полфунтовых ядер, восемь пищалей (вид ружей), три пуда пороха, четыре пуда свинца. Вокруг крепости, за исключением стороны реки, проведен достаточно глубокий и длинный ров и вокруг него укреплено надолбами и рогатками. На южной стороне, где она соединяется с восточной, за пределами острога расположена баня. Под началом командующего этим местом состоит двести казаков, из которых пятьдесят отданы в Убинский пас. Слово пас в моих описаниях до сих пор не встречалось, кроме как при описании моего путешествия через Барабу. Я думаю, что это название присвоено, потому что это место должно проезжать, когда следуют через Барабу. Они планировались для безопасности от разбойничьих казаков из Казачьей орды, чтобы не только весь путь охранять от этих шельм, но и все деревни, которые расположены на западной стороне Оби застраховать от нападения. Это также вид укрепления. Острог состоит из стоячих бревен и иногда снабжен башнями для стрельбы. Крепость состоит из лежащих бревен, чаще всего в два ряда, и снабжена башнями для стрельбы, иногда также бастионами, рavelинами и тому подобным. Лежащие бревна барабинских пасов придают им вид крепости, а совсем простой способ строительства – образ острога. Вследствие этого им дали особое название. Я предполагаю, что если бы в Барабе имелся хороший строевой лес, то тут исключительно остроги были бы построены. Этого было бы достаточно на продолжительное время против разных нападающих, как то Казачья орда. При нехватке хорошего строевого леса они должны строить из лежащих березовых бревен <...> Если до сих пор мне встречалось мало древесины, то здесь ее было почти в избытке. Однако это не что иное, как березовый лес, на который жители к тому же еще и жалуются, что несмотря на то, что древесина при этом тверже, чем у березы в других местах, но гниет она быстро и качество кроме того не соответствует ее породе. Срубили ли они его в неподходящее время, я не могу определить по опыту»⁵ [Gmelin, 1752b. S. 111–114].

⁵ Текст намеренно не был подвергнут литературной обработке, чтобы максимально точно передать содержание.

Из текста И. Г. Гмелина мы можем почерпнуть ценные сведения о месте расположения Каинского паса: 1) в 200 саженьях (432 м) от проезда через р. Каинка при движении с востока на запад; 2) на западном берегу Оми в месте, где река течет в направлении с востока-юго-востока на запад-северо-запад; 3) от паса выше по течению в Омь впадает Каинка; 4) со стороны реки рва нет, это указывает на то, что форпост располагался близко к берегу. Совокупность всех этих признаков указывает на участок улицы Агафонова на отрезке между улицами Копьева и Сарайной как на первоначальное место расположения Каинского паса. В настоящее время эта территория плотно застроена частными домами и перекрыта дорожным полотном названных улиц (рис. 1, 3, 4). Вполне вероятно, что жители домов в этом районе при проведении хозяйственных работ на приусадебных участках могли находить архитектурные и другие материальные остатки форпоста. Возможно, таковые могут быть найдены и под берегом Оми в этом месте.

Путевой дневник И. Г. Гмелина содержит также ценные сведения об архитектуре и планиграфии Каинского паса (рис. 2). Согласно ему, протяженность восточной и западной оборонительных стен составляла 84 м, южной и северной – 67 м. Площадь внутреннего двора – 5,6 тыс. кв. м. Стены имели заплотную конструкцию из тонких березовых бревен. В южной и западной стенах находились проездные башни. Так как в пасах имелось две пушки, то они, скорее всего, размещались именно в башнях, конструкция которых должна быть адаптирована для этого. У восточной части северной стены размещался дом командующего, западнее от него, также у северной стены, – амбар и пристроенный к нему цейхгауз. По периметру внутреннего двора паса размещалось 12 казарм, стены которых служили одновременно и стенами паса.

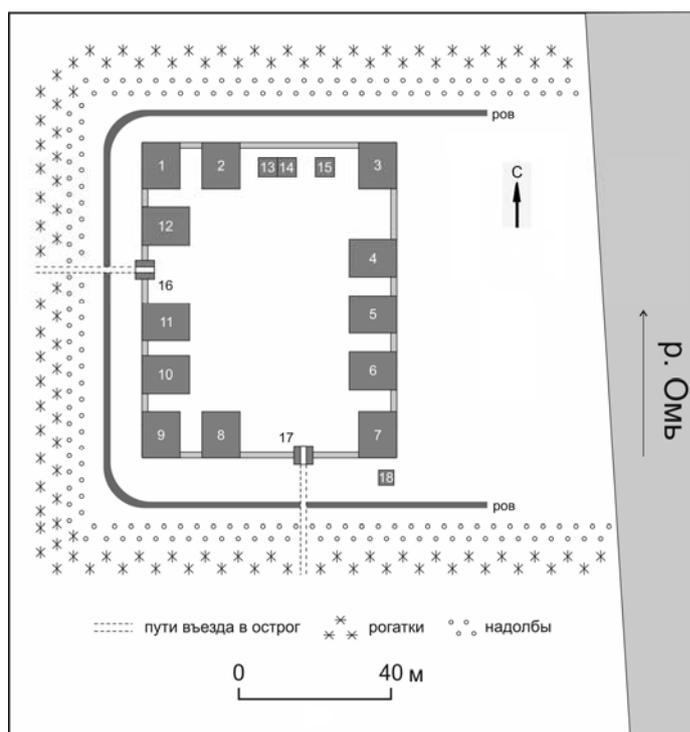

Рис. 2. Планиграфия Каинского паса в 1741 г. (по И. Г. Гмелину):
1–12 – казармы; 13 – цейхгауз; 14 – амбар; 15 – дом командующего;
16, 17 – проездная башня; 18 – баня

Fig. 2. Planography of the Kainsky Pass in 1741 (according to J. G. Gmelin):
1–12 – barracks; 13 – tseikhgauz; 14 – a barn; 15 – the house of the commander;
16, 17 – travel tower; 18 – bath

В рамках реконструкции планиграфии форпоста важно определить примерные размеры этих строений. Так, например, в острожке, который предшествовал Красноярскому острогу, было «на десяток (казаков. – С. Г.) по избенку» [Бахрушин, 1959. С. 100; Царев В. И., Царев В. В., 2019. С. 266]. Согласно данным И. Г. Гмелина, в Саянском остроге в 1739 г. числилось 50 казаков [Gmelin, 1752a. S. 295], а казарм было пять [Паллас, 1788. С. 542]. Из этих двух примеров следует, что одна казарма строилась на 10 человек. Номинальная численность гарнизона Каинского паса составляла 150 казаков, а, согласно данным И. Г. Гмелина, казарм было 12, т. е. в среднем 12 человек на одну казарму, что почти соответствует приведенным данным по Красноярскому и Саянскому острогам. С проблемой определения площади казарм мы уже сталкивались при реконструкции планиграфии Убинского паса. В нашей реконструкции Убинского форпоста мы заложили максимально возможную (сообразно с планировкой внутреннего двора паса) площадь казарм, которая составляла около 520 кв. м: на одного годовальщика (всего 50 чел.) приходилось около 10 кв. м площади [Горохов, 2020]. Учитывая, что этот форпост был возведен одновременно с Каинским, подчинялся ему и выполнял те же самые функции, можно принять расчетную площадь казарм на одного человека и для казарм Каинского паса. Таким образом, общая площадь казарм составляла около 1 500 кв. м, площадь одной казармы – около 125 кв. м. Так как в казармах размещались печи, спальные места и хранилось имущество годовальщиков, можно заключить, что гарнизон жил в очень стесненных условиях.

В дневнике указано, что у юго-восточного угла, за пределами стен форпоста, вдоль южной стены размещалась баня. Точно такое же расположение бани по отношению к пасу и реке зафиксировано И. Г. Гмелиным в Усть-Тартасском форпосте [Gmelin, 1752b. S. 122–123].

С северной, западной и южной сторон пас был обведен глубоким рвом. С восточной стороны, вероятно, из-за близости реки рва не было. В таком случае северный и южный рвы могли упираться в обрывистый в этом месте берег Оми, хотя И. Г. Гмелин об этом не сообщает. С внешней стороны рва располагались надолбы и рогатки.

Заключение

Таким образом, несмотря на то что путевой дневник И. Г. Гмелина как источник по локализации Каинского форпоста на местности и реконструкции его архитектуры и планиграфии был уже достаточно давно замечен и оценен исследователями, его информационные возможности использованы не в полной мере. Наш анализ этого текста показал, что данный источник является основным по ранней истории Каинского паса. Без его тщательной проработки в сочетании с полевыми археологическими исследованиями, по крайней мере разведочного характера, первые десятилетия бытования этого оборонительного сооружения, как и ряда других в Сибири, могут быть реконструированы лишь гипотетически.

Список литературы

- Автушкова А. Л.** Русские остроги и форпосты на территории современной Новосибирской области в описании Иоганна Готлиба Гмелина // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Наука, 2017. С. 110–114.
- Андрієвичь В. К.** История Сибири. СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1889. Ч. 2: Періодъ съ 1660 года до воцаренія Императрицы Елисаветы Петровны. 509 с.
- Бахрушин С. В.** Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 4: Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Сибирь и Средняя Азия в XVI–XVII вв. 264 с.
- Бурматов А. А.** Куйбышев // Историческая энциклопедия Сибири. К–Р. Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2009. С. 219–220.
- Горохов С. В.** Убинский пас: месторасположение и планиграфия // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. № 1. С. 35–40.

- Гусаченко В. Л., Матвеева Л. Л., Тимяшовская Л. В.** Каинск исторический. Новосибирск: [Б. и.], 1995. 79 с.
- Историческая свѣдѣнія о заселеніи и географическій обзоръ Томской губерніи. Томскъ: Тип. Сибирскаго Вѣстника, 1886. 35 с.
- Катионов О. Н., Кузнецова Ф. С.** Московский тракт и его эксплуатация на территории Новосибирской области // Вопросы краеведения Новосибирска и Новосибирской области. Новосибирск: Изд-во СО РАН, ОИГГМ, 1997. С. 48–58.
- Колесников А. Д.** Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, Омское отд-ние, 1973. 440 с.
- Корчагин А. П.** Первые укрепленные пункты русских на территории современной Новосибирской области // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты. Омск: Издатель-Полиграфист, 2018а. С. 163–164.
- Корчагин А. П.** Остроги и форпосты Барабы и Новосибирского Приобья на картах середины XVIII в. // МНСК-2018: Археология. Новосибирск, 2018б. С. 77–78.
- Ляликов И. В.** Градостроительство малых городов юга Западной Сибири в XVIII – второй половине XIX века // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 2. С. 87–94.
- Паллас П. С.** Путешествіе по разнымъ провинціямъ Российскаго государства. СПб.: Имп. Академія наукъ, 1788. Ч. 3.:Половина перьявая. 1772 и 1773 годовъ. 655 с.
- Резун Д. Я., Васильевский Р. С.** Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. 304 с.
- Россія. Полное географическое описаніе нашего Отечества. СПб.: Изд. А. Ф. Девриена, 1907. Т. 16: Западная Сибирь. 610 с.
- Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. М.: Гл. ред. вост. лит., 1990. Т. 2 (1725–1727). 668 с.
- Сибирскія древности. СПб.: Тип. Имп. Академіи наукъ, 1894. Т. 1, вып. 3. 178 с.
- Фальк И. П.** Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи, издаваемое Императорскою Академіею Наукъ, по предложенію ея президента. СПб.: при Императорской Академіи Наукъ, 1824. Т. 6: Записки Путешествія Академика Фалька. 560 с.
- Царев В. И., Царев В. В.** Первоисточники о формировании Красноярска в XVII веке // Баландинские чтения. Новосибирск: Изд-во НГУАДИ, 2019. Т. 14. С. 265–272. DOI 10.24411/9999-001A-2019-10090
- Gmelin J. G.** Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1738 bis zu Ende 1740. Göttingen, Verlegts Abram Vandenhoecks seel. Wittwe, 1752a, 584 S.
- Gmelin J. G.** Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. Göttingen, Verlegts Abram Vandenhoecks seel. Wittwe, 1752b, 700 S.

Список источников

- Краткое статистическое описание Томской губернии окружного города Каинска, составленное штатным смотрителем Уездного училища коллежским ассессором А. Якимовским за 1842 г. // Музейный комплекс г. Куйбышева Новосибирской области. КП НВф – 7217.
- Проект зон охраны историко-культурного наследия исторического центра города Куйбышева Новосибирской области. Новосибирск: Изд-во Администрации Новосибирской области, 1995. Т. 1.

References

- Andrievich V. K.** Istoriya Sibiri [History of Siberia]. St. Petersburg, V. V. Komarov' Typography Publ., 1889, part 2: Period from 1660 until the reign of Empress Elizabeth Petrovna, 509 p. (in Russ.)

- Avtushkova A. L.** Russkie ostrogi i forposty na territorii sovremennoi Novosibirskoi oblasti v opisaniy Ioganna Gotliba Gmelina [Russian fortresses on the territory of Novosibirsk oblast in the diary of Johann Georg Gmelin]. In: Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh [Russian culture in archaeological research]. Omsk, Nauka, 2017, p. 110–114 (in Russ.)
- Bakhrushin S. V.** Nauchnye trudy [Scientific works]. Moscow, AS USSR Publ., 1959, vol. 4: Essays on the history of the Krasnoyarsk district in the 17th Century. Siberia and Central Asia in the 16–17th centuries, 264 p. (in Russ.)
- Burmatov A. A.** Kuibyshev [Kuibyshev]. In: Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri. K–R [Historical Encyclopedia of Siberia. K–R]. Novosibirsk, Istoricheskoe nasledie Sibiri Publ., 2009, p. 219–220 (in Russ.)
- Falk I. P.** Polnoe sobranie uchenykh putesthestvii po Rossii, izdavaemoe Imperatorskoyu Akademiyeyu Nauk, po predlozheniyu eya prezidenta [A complete collection of scholarly travels in Russia, published by the Imperial Academy of Sciences, at the suggestion of its President]. St.-Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1824, vol. 6: Notes of the Journey of Academician Falk, 560 p. (in Russ.)
- Gmelin J. G.** Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1738 bis zu Ende 1740. Göttingen, Verlegts Abram Vandenhoecks seel, Wittwe, 1752, 584 S.
- Gmelin J. G.** Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. Göttingen, Verlegts Abram Vandenhoecks seel, Wittwe, 1752, 700 S.
- Gorokhov S. V.** Ubinskii pas: mestoraspolozhenie i planografiya [Ubinsky pas: location and planigraphy]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]*, 2020, no. 1, p. 35–40. (in Russ.)
- Gusachenko V. L., Matveeva L. L., Timyashovskaya L. V.** Kainsk istoricheskii [Kainsk historical]. Novosibirsk, 1995, 79 p. (in Russ.)
- Istoricheskie svedeniya o zaselenii i geograficheskii obzor Tomskoi gubernii [Historical information about the population and geographical overview of the Tomsk province]. Tomsk, Tipografiya "Sibirskago Vestnika" Publ., 1886, 35 p. (in Russ.)
- Kationov O. N., Kuznetsova F. S.** Moskovskii trakt i ego ekspluatatsiya na territorii Novosibirskoi oblasti [Moscow highway and its operation in the Novosibirsk region]. In: Voprosy kraevedeniya Novosibirskaya i Novosibirskoi oblasti [Questions of regional studies of Novosibirsk and the Novosibirsk region]. Novosibirsk, SB RAS, JIGGM SB RAS Publ., 1997, p. 48–58 (in Russ.)
- Kolesnikov A. D.** Russkoe naselenie Zapadnoi Sibiri v XVIII – nachale XIX v. [The Russian population of Western Siberia in the 18th – early 19th century]. Omsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1973, 440 p. (in Russ.)
- Korchagin A. P.** Ostrogi i forposty Baraby i Novosibirskogo Priob'ya na kartakh serediny XVIII v. [Ostros and outposts of Baraba and Novosibirsk Ob on the maps of the middle of the 18th Century]. In: MNSK-2018: Arkheologiya [ISSC-2018: Archaeology]. Novosibirsk, Novosibirsk State Uni. Publ., 2018b, p. 77–78 (in Russ.)
- Korchagin A. P.** Pervye ukreplennye punkty russkikh na territorii sovremennoi Novosibirskoi oblasti [The first Russian fortified points in the territory of modern Novosibirsk region]. In: Drevnie i traditsionnye kul'tury Sibiri i Dal'nego Vostoka: problemy, gipotezy, fakty [Ancient and traditional cultures of Siberia and the Far East: problems, hypotheses, facts]. Omsk, Izdatel'-Poligrafist Publ., 2018, p. 163–164 (in Russ.)
- Lyalikov I. V.** Gradostroitel'stvo malykh gorodov yuga Zapadnoi Sibiri v XVIII – vtoroi polovine XIX veka [Urban planning of small towns in the south of Western Siberia in 18th – second half 19th century]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke [Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East]*, 2013, no. 2, p. 87–94. (in Russ.)
- Pallas P. S.** Puteshestvie po raznym provintsiiyam Rossiiskogo gosudarstva [Traveling to different provinces of the Russian state]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1788, part 3: Half first. 1772 and 1773 years, 655 p. (in Russ.)

- Rezun D. Ya., Vasilievskiy R. S.** Letopis' sibirskikh gorodov [Chronicle of Siberian cities]. Novosibirsk, Novosibirsk Publ. House, 1989, 304 p. (in Russ.)
- Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva [Russia. Full geographical description of our country]. St. Petersburg, A. F. Devrien Publ., 1907, vol. 16: Western Siberia, 610 p. (in Russ.)
- Russko-kitaiskie otnosheniya v XVIII veke. Materialy i dokumenty [Russian-Chinese relations in the XVIII Century. Materials and documents]. Moscow, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury Publ., 1990, vol. 2 (1725–1727), 668 p. (in Russ.)
- Sibirskiya drevnosti [Siberian antiquity]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1894, vol. 1, iss. 3, 178 p. (in Russ.)
- Tsarev V. I., Tsarev V. V.** Pervoistochniki o formirovaniy Krasnoyarska v XVII veke [Primary sources on the formation of Krasnoyarsk in the 17th Century]. In: Balandinskie chteniya [Balandin readings]. Novosibirsk, Novosibirsk State Uni. of Architecture, Design and Arts named after A. D. Kryachkov Publ., 2019, vol. 14, p. 265–272 (in Russ.) DOI 10.24411/9999-001A-2019-10090

List of Sources

- Kratkoe statisticheskoe opisanie Tomskoi gubernii okruzhnogo goroda Kainska, sostavlennoe shtatnym smotritелеm Uezdnoгo uchilishcha kollezhskim asessorom A. Yakimovskim za 1842 g. [Brief statistical description of the Tomsk province of the district city of Kainsk, compiled by the staff superintendent of the Uyezd School, college assessor A. Yakimovsky in 1842]. Muzeinyi kompleks g. Kuibysheva Novosibirskoi oblasti [Museum complex of the city of Kuibyshev, Novosibirsk region]. КР NVf – 7217.
- Proekt zon okhrany istoriko-kul'turnogo naslediya istoricheskogo tsentra goroda Kuibysheva Novosibirskoi oblasti [The project of protection zones of historical and cultural heritage of the historical centre of the city of Kuibyshev, Novosibirsk Area]. Novosibirsk, Publ. House of the Administration of the Novosibirsk Region Area, 1995, vol. 1. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
06.03.2020

Сведения об авторах

Горохов Сергей Валерьевич, сотрудник Новосибирской региональной общественной организации «История сибирских острогов» (ул. Б. Богаткова, 254, к. 4, Новосибирск, 630089, Россия)
gorokhov.sv@gmail.com

Information about the Author

Sergey V. Gorokhov, employer at the Novosibirsk regional public organization “History of the Siberian Ostrogs” (254 B. Bogatkov Str., building 4, Novosibirsk, 630089, Russian Federation)
gorokhov.sv@gmail.com

УДК 902.2
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-44-57

Оценка перспектив применения магниторазведки для изучения археологических памятников

О. А. Позднякова

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В рамках многолетнего сотрудничества Института археологии и этнографии СО РАН и Института нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН были выполнены магнитометрические исследования на территории 30 разнотипных и разновременных памятников археологии Обь-Иртышского междуречья. Сопоставление археолого-геофизических данных показало, что перспективы их изучения посредством магнитной съемки определяют два основных фактора: уровень помех и контрастность магнитных свойств почв (с подстилающими породами) по магнитным свойствам. Предложены конкретные рекомендации по проведению магнитометрических работ при наличии на участках помех различного типа. Подтвержден вывод, что главной причиной появления аномалий над археологическими объектами является попадание в их заполнение почвенного вещества с иными магнитными свойствами. Установлено, что магнитная съемка была эффективной для памятников, где контрастность почв и подстилающих отложений по магнитной восприимчивости составляет не менее $20\text{--}30 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ. Обоснована приуроченность зон высокой контрастности к возвышенным участкам местности.

Ключевые слова

Обь-Иртышское междуречье, археологический памятник, магнитная съемка, электромагнитные помехи, магнитная восприимчивость

Для цитирования

Позднякова О. А. Оценка перспектив применения магниторазведки для изучения археологических памятников // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография. С. 44–57. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-44-57

Assessment of Prospects for the Use of Magnetic Surveys for the Study of Archaeological Sites

O. A. Pozdnyakova

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. Magnetometry is currently the most popular geophysical technique used for archaeology. The current task for optimization and development of archaeological and geophysical research is to assess the prospects of magnetic exploration within the territory of archaeological sites. In order to develop this subject, the article analyses the experience of archaeological and geophysical works carried out in the Ob-Irtysh interfluves. The research was conducted within the framework of cooperation between the Institute of Archaeology and Ethnography and the Institute of Petroleum Geology and Geophysics, of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Results. Conclusions are made on the basis of comparison of magnetic mapping data, excavation test and measurements of magnetic properties of different soils. The source base includes 30 archaeological sites. There are proposed

© О. А. Позднякова, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography

recommendations for magnetic survey in the presence of interference of various types. The conclusion confirms that the main cause of anomalies over archaeological objects is the ingress of a more magnetic soil in the depths surrounding it. Magnetic survey was found to be effective for archaeological sites, where the contrast of soils and underlying blanket deposits by magnetic susceptibility is no less than $20\text{--}30 \cdot 10^{-5}$ SI units. It is observed that zones of magnetic properties with high contrast are linked to areas with hills.

Conclusion. The achieved results will allow determine the prospects of magnetic survey of archaeological sites of the Ob-Irtys interfluves. The technique used to estimate magnetic properties is universal, however it will differ between regions due to magnetic properties of the soils. In order to increase the efficiency of archaeological and geophysical works, the geography of such research needs to be expanded.

Keywords

Ob-Irtys interfluves, archaeological site, magnetic survey, electromagnetic interference, magnetic susceptibility

For citation

Pozdnyakova O. A. Assessment of Prospects for the Use of Magnetic Surveys for the Study of Archaeological Sites. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 44–57. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-44-57

Введение

В настоящее время для решения задач гуманитарных исследований активно используются естественнонаучные методы. Для археологии такой подход является фундаментальным, поскольку позволяет на качественно ином уровне реконструировать историю становления и развития древнейших человеческих сообществ. Позитивный опыт интеграции археологии и естественнонаучных дисциплин обуславливает необходимость расширения и углубления этого взаимодействия. Она диктуется также соглашениями, лежащими в основе международной правовой базы современной археологии. Согласно им, главным приоритетом должно быть сохранение культурного наследия, которое рассматривается как общечеловеческая ценность. На базе этих положений сформулированы принципы полевых археологических исследований, главным из которых является тезис о том, что при сборе информации о памятнике разрушающее воздействие на него должно быть минимальным. Это предполагает, во-первых, что неразрушающие методы исследований должны применяться везде, где это возможно; во-вторых, раскопки нужно проводить прежде всего на памятниках, обреченных на разрушение; в-третьих, раскопки памятников, которым ничего не угрожает, должны выполняться в исключительных случаях и затрагивать только их часть, сохраняя остальное для будущих поколений. Практическая работа по реализации названных принципов вылилась в формирование так называемой неструктивной археологии. Ее основной задачей является привлечение к археологическим исследованиям максимально возможного числа неразрушающих методов из арсенала естественнонаучных дисциплин и объединение всех данных на базе географо-информационных систем [Коробов, 2016. С. 312–314].

Важнейшим инструментом неструктивной археологии являются геофизические методы. Применение аппаратно-программных средств и методологических подходов геофизики позволяет дистанционно обнаружить археологический памятник, определить его границы, планиграфические особенности и структуру. Наличие таких сведений дает возможность получить полноценную информацию о памятнике посредством небольших точечных раскопок. Одним из наиболее показательных примеров таких исследований в России являются работы на городище Чича-1 [Чича..., 2004]. При необходимости проведения широкомасштабных раскопок для решения исследовательских и охранно-спасательных задач археологии геофизические данные позволяют на качественно ином уровне планировать стратегию работ и выполнять их без лишних затрат.

Анализ специализированной литературы, а также материалов международных и всероссийских форумов показывает, что применительно к археологии наиболее востребованным из геофизических методов является магнитометрия. Метод получил признание благодаря своей точности и возможности исследовать большие площади в короткие сроки. При хороших условиях с его помощью можно получить фактически план памятника. Учитывая большое

значение магнитометрии для современной археологии, данную область археогеофизики необходимо развивать. В частности, это касается оценки перспектив проведения магнитной съемки, которые обусловлены двумя основными факторами: уровнем помех и степенью контрастности археологических объектов и вмещающей среды по магнитным свойствам. Влияние на результат съемки разного рода помех пока не стало предметом специального изучения, хотя обобщение такого опыта позволит оптимизировать магнитометрические исследования за счет отказа от работ на неперспективных участках. Проблема контрастности, напротив, достаточно широко обсуждалась в научной литературе. По мнению специалистов, основной причиной появления аномалий над археологическими объектами является попадание в заполнение ям почвенного вещества, которое в большинстве случаев характеризуется повышенными магнитными свойствами [Fassbinder, Stanjek, 1993; Смекалова и др., 2007. С. 8–11]. Последней обобщающей работой на эту тему является статья Й. В. Е. Фассбиндера, в которой автор делает вывод, что «...нет способа предсказать магнитные свойства почвы и, следовательно, будет ли магнитная разведка успешной или нет» [Фассбиндер, 2019. С. 88].

Археолого-геофизические исследования, выполненные в рамках многолетнего сотрудничества Института археологии и этнографии СО РАН и Института нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН, показали, что перспективы проведения магниторазведки можно оценить с помощью петромагнитного метода. Он позволяет определить степень контрастности почв и подстилающих пород по магнитным свойствам и спрогнозировать, насколько хорошо археологические объекты будут выделяться на фоне вмещающей среды [Matasova et al., 2016; Еров et al., 2016]. Полигонами для этих экспериментов послужили разнотипные и разновременные памятники Венгеровского района Новосибирской области (Тартас-1, Венгерovo-2, Старый Сад, Старый Тартас-5, Автодром-2, Погорелка-2). Данная работа является продолжением этих исследований, а также содержит обобщенный опыт проведения магнитных съемок при наличии разного рода помех. Источниковая база существенно расширена и включает 30 археологических памятников, расположенных на территории Обь-Иртышского междуречья (рис. 1). Выводы планируется формировать на основе методики сопоставления данных магнитного картирования, проверочных раскопок и измерений магнитных свойств различных грунтов. Полученные результаты могут внести существенный вклад в развитие методики археолого-геофизических исследований с целью повышения эффективности работ, основанных на применении метода магнитометрии.

Влияние помех на результат магнитной съемки археологических памятников

Магниторазведка – метод геофизики, основанный на изучении распределения в пространстве изменений геомагнитного поля, возникающих вследствие неодинаковой намагниченности различных пород [Новиков, 2013. С. 5]. Археологические объекты, приуроченные к верхней, осадочной части земной коры, очень незначительно контрастируют по магнитным свойствам с окружающей средой. Напротив, залегающие вместе с ними в одном слое современные железные предметы создают очень большие градиенты аномалий магнитного поля и «забивают» своим фоном слабомагнитные археологические структуры. Все это негативно влияет на эффективность результатов магнитной съемки.

В настоящее время ввиду активного хозяйственного освоения практически не осталось территорий, не засоренных металлом. Однако его наличие само по себе не является поводом для отказа от работ. Все зависит от характера помех, их количества и возможности удаления их из грунта. Наиболее проблемными являются участки, расположенные на территории населенных пунктов, а также места, где находились мастерские по ремонту техники, свалки и т. п. Все съемки, которые проводились нами в подобных условиях, оказались неэффективными. Это были работы по поиску фундаментов разрушенных церквей (села Старый Тартас

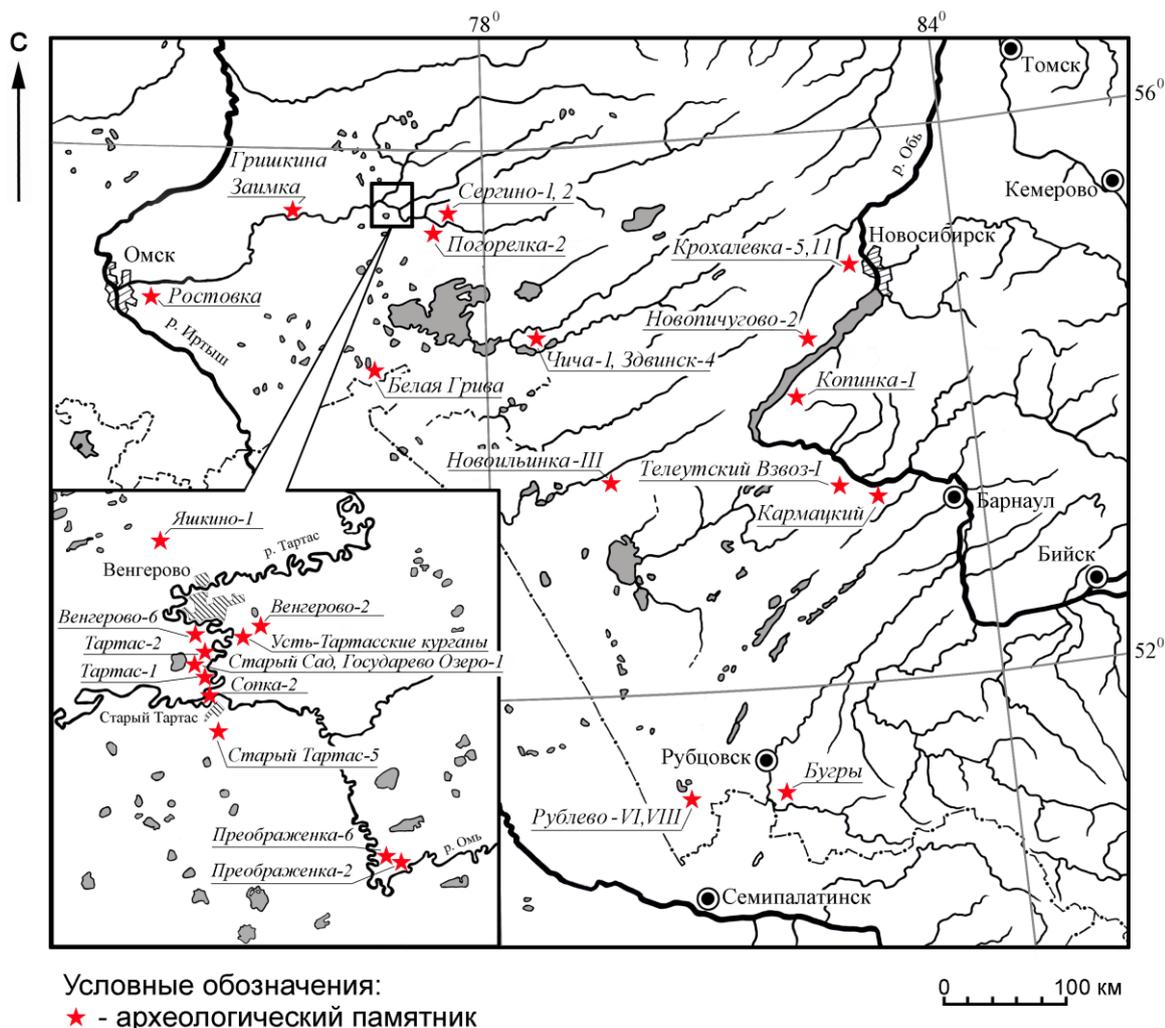

Рис. 1. Карта археологических памятников, исследованных магнитометрическими методами

Fig. 1. Map of archaeological sites investigated by magnetometric methods

и Легостаево, Новосибирская область), а также грунтовых захоронений на памятниках Крохалевка-11 и Ростовка. На полученных картах основные, самые выраженные аномалии связаны с загрязнением поверхностных слоев грунта хозяйственным и строительным мусором. Существенные помехи создают также железные трубы систем водоснабжения, металлические заборы, линии электропередачи и т. п. В некоторых случаях, проведение магнитной съемки в процессе раскопок (после удаления верхних горизонтов) может дать положительный результат, однако в целом использовать магнитометрию для исследования таких участков нецелесообразно.

Площадки за пределами населенных пунктов обычно засорены меньше. При этом нередки случаи, когда непосредственно на участке работ или рядом с ним находились трубы, кабели, заборы, линии электропередачи, создающие помехи постоянного или переменного типа [Новиков, 2013. С. 123–124]. Опыт проведенных исследований свидетельствует о том, что магнитная съемка таких участков может быть эффективной. Так, кабель, проложенный вдоль края террасы на памятнике Венгерovo-2, не позволил выделить расположенные здесь погре-

бальные комплексы эпохи неолита [Еров et al., 2016. Fig. 3, B]. В то же время жилище крововской культуры, которое находилось в 10–15 м от него, удалось качественно исследовать. Были определены границы котлована и некоторые конструктивные особенности, включая расположение очага [Дядьков, Позднякова, 2017. Рис. 4]. На памятнике Бугры через восточный край кургана № 1 была проложена труба водовода. Ширина участка, полностью недоступного для анализа из-за присутствия этой помехи, составила 20–35 м. Поскольку курган имел значительные размеры (около 111 × 89 м), большая его часть оказалась за пределами этой аномальной зоны (рис. 2, 1). В результате, удалось дистанционно определить особенности устройства кургана (конфигурация рва, наличие проходов во рву, участки материковых выкидов и т. п.), что подтверждено археологическими раскопками [Комплексные исторические исследования..., 2011. С. 17–20].

Совершенно иная ситуация складывалась, когда курган имел небольшие размеры и помеха располагалась в центре насыпи. В качестве примера можно привести работы на памятнике Государево Озеро-1 [Молодин и др., 2017]. В центре кургана, диаметр которого составлял 30 м, был установлен знак государственной геодезической сети, что для курганных могильников не редкость. В ходе раскопок были обнаружены его остатки в виде железного столба диаметром 0,15 м, установленного на бетонном основании. Магнитная съемка, выполненная до начала раскопок, практически не дала дополнительной информации об устройстве данного сооружения. Аномалия, вызванная присутствием в насыпи геодезического знака, закрывала почти всю площадь кургана. В процессе раскопок магнитное картирование площадки было сделано повторно (когда насыпь была удалена, но геодезический знак еще находился в бровке). Удалось зафиксировать ров, но центр кургана остался недоступным для анализа (рис. 2, 2). Очевидно, что магнитометрические исследования подобных археологических объектов малоэффективны и не оправдывают затрат. Следует отметить, что наличие на вершине кургана следов установки геодезического знака не всегда означает, что внутри насыпи содержится его металлическое основание. В таких случаях небольшие нарушения структуры кургана не оказывают существенного негативного влияния на результат магнитной съемки. Примером таких исследований могут служить работы на курганном могильнике Белая Грива (рис. 2, 3).

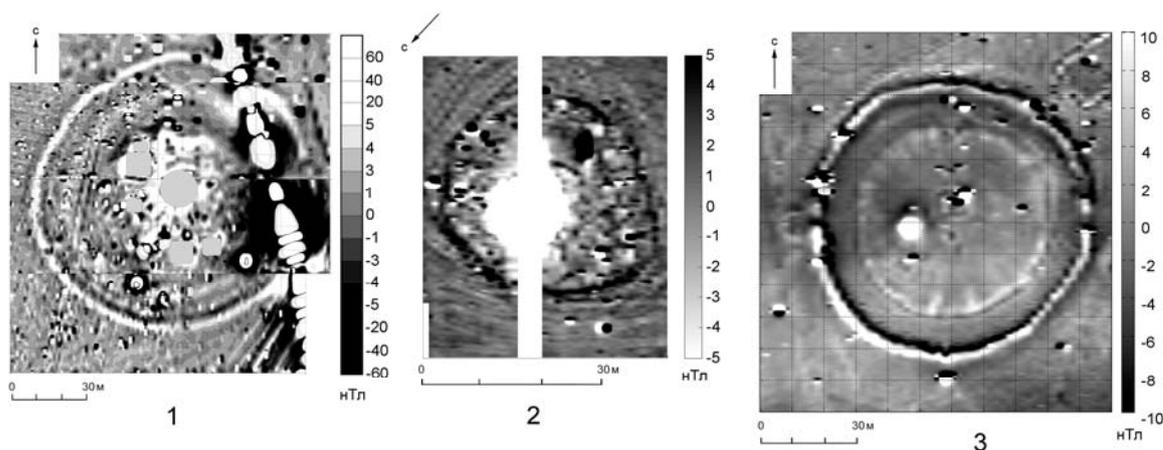

Рис. 2. Результаты магнитной съемки курганных могильников:
1 – Бугры, курган № 1; 2 – Государево Озеро-1; 3 – Белая Грива, курган № 2

Fig. 2. Results of magnetic survey of burial mounds:
1 – Bugry, kurgan № 1; 2 – Gosudarevo Ozero-1; 3 – Belaya Griva, kurgan № 2

Если на территории археологического памятника расположены старые дороги, то результаты магнитной съемки в этой зоне не будут информативными. Показательными в этом отношении являются работы на памятнике Тартас-1, где обнаружены остатки старого Московского тракта и дороги, построенной в XX в. Они хорошо выделяются как полосы, сильно засоренные металлом [Еров et al., 2016. Fig. 1, A]. Под ними было обнаружено множество разновременных археологических объектов, которые на магнитной карте не проявились по причине высокого уровня помех. Магнитная съемка вблизи современных дорог может давать хорошие результаты. Так, на памятнике Усть-Тартасские курганы удалось достоверно выделить даже небольшие археологические объекты, хотя участки работ располагались всего в 35–40 м от дороги, вдоль которой вдобавок проходила и линия электропередачи местного значения.

Еще одной помехой для магнитометрических исследований может быть выраженный микрорельеф (траншеи под лесопосадки, противопожарные полосы и т. п.). В качестве примера можно привести памятник Венгерово-2 [Еров et al., 2016. Fig. 3, B]. Микрорельеф препятствует распознаванию археологических объектов, однако существенные проблемы возникают только в том случае, если такие участки значительны по площади.

Отдельно следует сказать о перспективах работ на курганах, которые не подверглись распашке. На вершине таких сооружений часто фиксируются следы ограбления в виде одной или нескольких ям. Обычно они довольно глубокие и имеют отвесные стенки. Внутрь нередко попадают железные предметы, которые сбрасывают на курган с прилегающих полей. Пройти через такие ямы оператор с аппаратурой не может, поэтому их обходят и учитывают это при обработке данных. В результате образуются значительные по площади «слепые» зоны, как, например, на магнитограмме кургана № 1 могильника Бугры (см. рис. 2, 1). В совокупности это приводит к тому, что центральная часть кургана может оказаться недоступной для полноценного анализа, а качественную информацию удастся получить только по периферийным участкам.

Таким образом, чтобы избежать лишних затрат и оптимизировать археолого-геофизические работы, на подготовительном этапе необходимо производить сбор информации о памятнике либо о территории, где предполагается его наличие. Если прогнозируется сильная степень засоренности металлом, то следует задуматься о выборе другой стратегии исследования. Как показывает практика, участки, которые сложно очистить от помех, обычно локальны по площади, и за их пределами магнитная съемка может быть эффективной. Решение об исключении таких участков из общей сети геофизических измерений должны принимать сами исследователи, при этом нужно учесть совокупный опыт археолого-геофизических работ, проведенных ранее на подобных полигонах.

В большинстве случаев полностью удалить металл из грунта вполне реально с помощью металлоискателя. Современные железные предметы залегают, как правило, близко к поверхности, в дерновом или пашенном слое. Их извлечение не наносит вреда культурным отложениям и существенно повышает качество магнитной съемки. Это особенно важно при исследовании грунтовых могильников, где предметом поиска являются небольшие по размеру захоронения или ямы. Пренебрегать этим этапом работ ни в коем случае нельзя, поскольку аномалия даже от небольшого железного предмета способна полностью скрыть под собой археологический объект.

Значение магнитной контрастности почв и подстилающих пород для оценки перспектив применения магнитной съемки

Археологические объекты, в отличие от геологических, имеют свою специфику поиска методом магнитометрии, поскольку они обычно весьма малы и слабо контрастируют с вмещающей средой. Чтобы успешно исследовать археологические памятники, применяют микромагнитную съемку, под которой понимают особо точные (прецизионные) измерения, гарантирующие уверенное выделение слабых аномалий величиной менее 5–10 нТл. Методика

прецизионных съемок в настоящее время хорошо разработана, однако нужный результат достигается не всегда. Проведенные нами исследования показали, что одной из основных причин этого является незначительный контраст по магнитной восприимчивости между почвами и подстилающими породами.

Магнитная восприимчивость характеризует способность вещества намагничиваться под действием внешнего магнитного поля [Новиков, 2013. С. 36]. Для степных и лесостепных районов, к которым относится и территория Обь-Иртышского междуречья, главной причиной формирования аномалий над археологическими объектами является, как уже указывалось, попадание в их заполнение почвенного вещества с более выраженными магнитными характеристиками. Локальное увеличение слоя почвы создает изменения в магнитном поле, которые хорошо фиксируются современными магнитометрами. Чем больше контраст по магнитной восприимчивости между почвами и подстилающими породами (материком), тем более отчетливая аномалия образуется над археологическим объектом. Если контраст отсутствует либо является незначительным, то аномалия не образуется или слабо распознается на фоне вмещающей среды. Таким образом, фактор контрастности служит определяющим при оценке перспектив проведения магнитной съемки археологических памятников.

Данный вывод является результатом многолетних работ целого коллектива специалистов, что нашло отражение в ряде статей [Еров et al., 2016; Matasova et al., 2016]. Прежде всего это касается исследований на разновременном памятнике Тартас-1, которые составили фундамент методических разработок, связанных с изучением проблемы контрастности. С самого начала археологические раскопки этого комплекса проводились сплошной площадью, в единой сетке с магнитной съемкой, поэтому он всегда был основным полигоном для разного рода методических работ. Петромагнитные исследования включали полевые замеры магнитной восприимчивости почв и подстилающих пород, а также лабораторные измерения магнитных характеристик различных грунтов по отобранным образцам. В результате на памятнике были выделены области сильной, средней и слабой контрастности, которые соответствуют залеганию черноземных (автоморфных), луговых (полугидроморфных) и пойменных (гидроморфных) почв [Matasova et al., 2016. Fig. 9]. Дальнейшее сопоставление данных показало, что схожие по характеристикам археологические объекты, расположенные в зонах с различной контрастностью, по-разному проявляются на магнитных картах. В качестве примера можно привести результаты исследований погребальных комплексов эпохи бронзы, которые представляют собой захоронения, окруженные рвами (рис. 3). В заполнении этих объектов преобладает гумусированный грунт. Погребально-поминальный комплекс № 13, отнесенный к андроновской (федоровской) культуре [Молодин и др., 2016. С. 358], расположен в зоне сильной контрастности и отчетливо фиксируется на магнитограмме (рис. 3, 3). Близкий к нему по параметрам и заполнению курган № 1 пахомовской культуры [Молодин и др., 2015. С. 335] изучен на границе областей сильной и средней контрастности. Амплитуды связанных с ним аномалий весьма малы, и он слабо выделяется на фоне вмещающей среды (рис. 3, 2). К западу от этого объекта, где степень контрастности магнитных свойств продолжает убывать, можно предположить наличие еще нескольких подобных комплексов. Судить об этом с уверенностью пока нельзя, поскольку амплитуды этих аномалий практически не отличаются от фоновых значений (рис. 3, 1).

Полноценно оценить магнитные свойства компонентов природной среды могут только специалисты. При этом важным в методическом плане представляется вывод, что результаты измерений магнитной восприимчивости, полученные в полевых и лабораторных условиях, очень хорошо коррелируют между собой [Matasova et al., 2016. P. 872]. Это означает, что полевые замеры, выполненные с помощью довольно простых в использовании каппаметров, вполне адекватно отражают динамику изменения магнитных свойств. Проведенные нами археолого-геофизические исследования дают возможность установить взаимосвязь между контрастностью измеренных значений магнитной восприимчивости и результатами магнитной съемки.

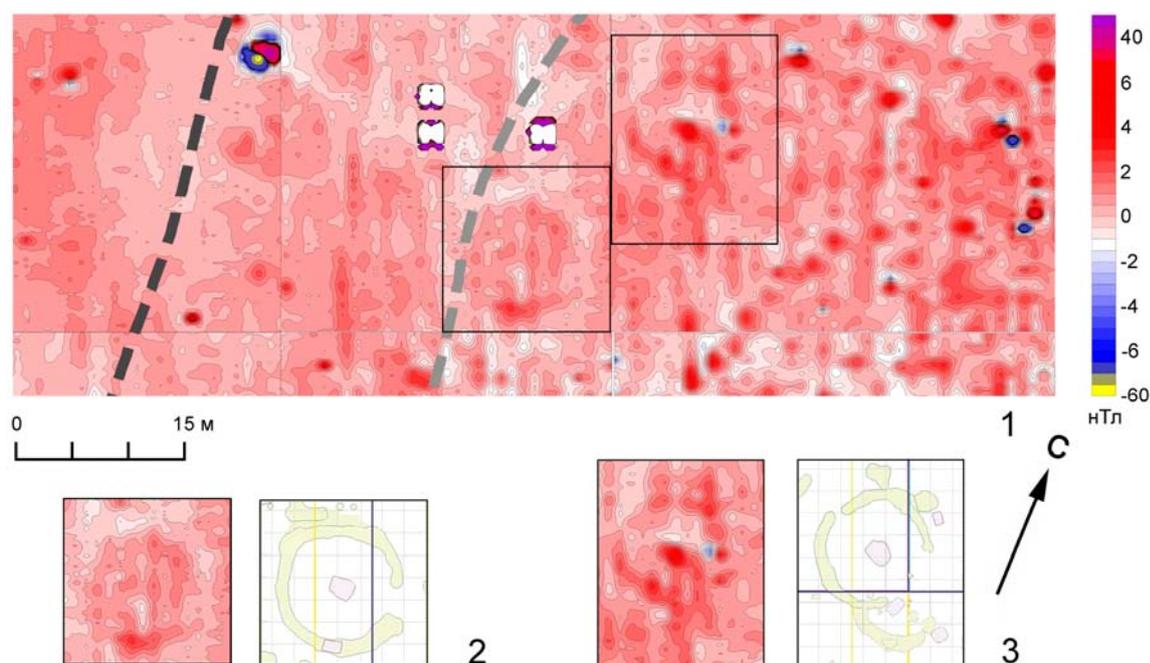

Рис. 3. Результаты археолого-геофизических исследований памятника Тартас-1:

1 – фрагмент магнитогаммы (пунктирными линиями обозначены границы сильной и средней – пунктирная линия серого цвета, средней и слабой – пунктирная линия черного цвета, областей контрастности магнитных свойств); 2 – курган № 1; 3 – погребально-поминальный комплекс № 13

Fig. 3. Results of archaeological and geophysical studies of the site Tartas-1:

1 – fragment of magnetic map; dashed lines indicate boundaries between areas with different degrees of magnetic contrast (high and medium contrast – gray line, medium and faint contrast black line); 2 – kurgan № 1; 3 – burial and ritual complex № 13

На памятнике Тартас-1 в зоне высокой контрастности значения магнитной восприимчивости верхнего почвенного слоя составили $55\text{--}75 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ, а для подстилающих грунтов – $20\text{--}30 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ. Таким образом, разница значений составляет, в среднем, $40 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ. Аномалии, связанные с археологическими объектами, имеют четкие формы и хорошо выделяются на фоне вмещающей среды. Прослеживается зависимость амплитуды аномалий от глубины и заполнения ям. Наиболее отчетливо фиксируются глубокие объекты, заполненные гумусированным грунтом [Еров et al., 2016. Fig. 2].

Для памятника Преображенка-6 средние значения магнитной восприимчивости составили $55 \cdot 10^{-5}$ и $25 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ (для почв и материка соответственно). Разница значений – $30 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ. Этого оказалось достаточно, чтобы получить очень качественную магнитогамму, фактически план памятника. Проверочные раскопки проводились точно по магнитной карте; они полностью подтвердили высокую эффективность геофизических исследований [Дядьков, Позднякова, 2017. Рис. 3].

На памятнике Сопка-2 контраст измеренных значений магнитной восприимчивости составил $20\text{--}40 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ. В этих условиях были проведены успешные магнитометрические работы, направленные на доисследование этого разновременного комплекса [Молодин и др., 2001].

Ближкие показатели контрастности ($25 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ) установлены также для памятника Телеутский Взвоз I. По итогам проведенных здесь археолого-геофизических работ удалось достоверно определить планиграфические особенности и границы могильника елунинской культуры [Комплексные исторические исследования..., 2011. С. 8–14].

На городище Чича-1 контраст измеренных значений магнитной восприимчивости почв и подстилающих пород составил $50\text{--}80 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ [Эпов и др., 2000]. В этих условиях была получена подробная магнитограмма памятника и проведены точечные раскопки отдельных его частей. На основе совокупного анализа археолого-геофизических данных определены этапы функционирования городища, скорректированы культурно-хронологические схемы развития региона в переходное от бронзы к железу время [Чича..., 2004].

Для курганного могильника раннего железного века Бугры разница значений в среднем составила $40 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ. По упомянутым выше причинам (труба водовода, грабительские ямы) часть информации оказалась недоступной, однако устройство периферии курганов удалось определить с большой точностью, что подтверждено археологическими раскопками [Комплексные исторические исследования..., 2011. С. 17–20].

Примеров работ в условиях незначительной контрастности магнитных свойств пока немного, поскольку исследования проводились в основном на перспективных участках. В ходе изучения памятника Тартас-1 было установлено, что значения магнитной восприимчивости пойменных почв сопоставимы с показателями для подстилающих отложений, которые составляют $10\text{--}20 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ. Луговые почвы по степени магнетизма занимают промежуточное положение между пойменными и черноземными [Matasova et al., 2016. P. 877]. Анализ данных показал, что в зоне малой контрастности уверенно связать аномалии с археологическими объектами не удастся, а в области средней – перспективы такой идентификации тесно связаны с количеством почвенного вещества, попавшего в заполнение ям.

На памятнике Преображенка-2 контраст измеренных значений магнитной восприимчивости составил $10\text{--}15 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ. В этих условиях не удалось решить задачу детализации устройства рельефно выраженного городища и распаханного поселения эпохи поздней бронзы [Молодин и др., 2006].

Еще одним примером работ в условиях малой контрастности являются исследования грунтового могильника Рублево VIII, расположенного в Кулундинской степи. Они продемонстрировали все сложности, связанные с проведением магнитной съемки в районах с песчаными грунтами. Активные фильтрационные и эоловые процессы не способствуют накоплению в почве достаточного количества магнитных минералов. Вследствие этого археологические объекты очень слабо контрастируют с вмещающей средой. Для памятника Рублево VIII измеренные значения магнитной восприимчивости гумусированных слоев (из заполнения ям) составили в среднем $93 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ, а для подстилающих грунтов – $90 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ. Это означает, что магнитометрические исследования выполнялись фактически на границе возможностей метода. Как следствие, поставленные задачи, связанные с выявлением границ расположенного здесь могильника эпохи бронзы, решить не удалось [Комплексные исторические исследования..., 2011. С. 15–16].

В итоге проведенные исследования доказали, что замеры магнитной восприимчивости почв и подстилающих пород позволяют определить перспективы проведения магнитной съемки. Прогнозировать хороший результат можно в тех случаях, когда контраст значений составляет не менее $20\text{--}30 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ. Если на всей территории памятника контрастность является достаточной, то его археологическое изучение (включая определение границ, основных планировочных элементов и т. п.) может быть полностью построено на данных магнитной съемки и проводиться точечно. Самыми показательными примерами в этом отношении являются памятники Чича-1 и Преображенка-6. Иначе складывается ситуация, если на всей территории памятника контрастность магнитных свойств очень мала или обнаруживаются обширные малоконтрастные зоны. В этом случае магнитная съемка может не дать нужного результата. Чтобы избежать лишних затрат, стратегию исследования таких памятников

необходимо продумывать более основательно. Возможно, получить необходимые сведения удастся с помощью других геофизических методов. Например, на памятнике Преображенка-2 с помощью электроразведки удалось обнаружить котлованы жилищ эпохи поздней бронзы, которые не были выявлены магнитной съемкой [Молодин и др., 2006].

Определенным ориентиром для оценки степени магнитной контрастности почв и подстилающих пород могут служить рельефные особенности памятника, а также закономерности его ландшафтного расположения. Если рассмотреть полученные результаты с учетом этих факторов, то можно проследить определенные взаимосвязи. Все участки, где магнитная съемка была эффективной, приурочены к возвышенностям, на которых формируются наиболее магнитные черноземные почвы [Matasova et al., 2016. P. 872]. Из этого следует, что хорошие перспективы для проведения магнитной съемки имеют курганные могильники, поскольку они, как правило, располагаются на водоразделах. С археологическими памятниками других типов (поселения, городища, грунтовые могильники) ситуация может складываться по-разному. В основном они также приурочены к возвышенным участкам местности. Однако если на площади памятника имеются пологие склоны, где вынос магнитных минералов из почвы происходит более активно, они могут оказаться средне- или малоперспективными для магнитной съемки. Это подтверждают исследования на памятнике Тартас-1.

Отдельно следует упомянуть поселения. За годы исследований археологами были установлены определенные закономерности их ландшафтного расположения, которые взаимосвязаны с климатическими условиями периода формирования. В засушливые времена (например, в эпоху бронзы) поселения могли устраиваться на террасах более низкого уровня. В периоды увлажненности такие участки подтапливались или затапливались полностью, что влияло на магнитные свойства грунтов. Это подтверждают исследования на памятнике Преображенка-2, где контраст значений магнитной восприимчивости существенно меньше, чем на памятнике Преображенка-6, который расположен на террасе более высокого уровня.

Таким образом, контрастность магнитных свойств напрямую зависит от ландшафтных и климатических условий, при которых формируются различные типы грунтов и их магнитные характеристики.

Заключение

Опыт геофизических исследований археологических памятников Обь-Иртышского междуречья, проведенных в рамках сотрудничества двух специализированных учреждений, обладает большой ценностью для развития методики археолого-геофизических работ. Это касается и перспектив поиска и изучения археологических памятников с помощью магнитной съемки. Они обусловлены двумя основными факторами.

Первый связан с оценкой уровня помех, прежде всего электромагнитных. Исходя из приобретенного нами опыта, в рамках данной статьи предложены конкретные рекомендации по проведению магнитометрических работ на подобных участках.

Второй связан с оценкой степени контрастности почв и подстилающих пород по магнитным свойствам. Установлено, что для степных и лесостепных районов главной причиной формирования аномалий над археологическими объектами является попадание в заполнение ям почвенного вещества с более выраженными магнитными характеристиками. Результаты сопоставления археолого-геофизических данных показали, что прогнозировать хороший результат магнитной съемки можно в тех случаях, когда контраст значений составляет не менее $20-30 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ. Определенным ориентиром для определения таких зон могут служить рельефные особенности памятника, а также закономерности его ландшафтного расположения, поскольку зоны высокой контрастности в большинстве случаев приурочены к возвышенным участкам местности. Если на всей территории памятника контрастность является достаточной, то его археологическое изучение (включая определение границ, основных планировочных элементов и т. п.) может быть полностью построено на данных

магнитной съемки и проводиться точно. Если контрастность измеренных значений очень мала, рекомендуется выбирать иную стратегию геофизического и археологического исследования.

Предложенная методика оценки магнитных свойств достаточно универсальна, однако необходимо учитывать, что сделанные выводы в полной мере относятся только к степным и лесостепным районам Обь-Иртышского междуречья. В других регионах конкретные значения магнитной восприимчивости почв и подстилающих отложений, равно как и степень их контрастности, могут отличаться. Очевидно, что в дальнейшем географию таких исследований необходимо расширять.

Важно отметить, что нарушение поверхности археологических памятников, связанное с извлечением из грунта железных предметов или замерами магнитной восприимчивости почв, допустимо не во всех случаях, поэтому выполнять подобные работы необходимо в соответствии с действующими правовыми документами, регулирующими порядок проведения археологических полевых исследований.

Список литературы

- Дядьков П. Г., Позднякова О. А.** Итоги и перспективы применения метода магнитометрии для изучения археологических памятников Западной Сибири // Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы (Материалы международного симпозиума). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 60–68.
- Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности: Монография / А. А. Тишкин, В. Н. Владимиров, Ю. М. Гончаров, Д. В. Папин, С. П. Грушин, С. С. Тур и др. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2011. 308 с.
- Коробов Д. С.** Международные принципы управления археологическим наследием // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников). М.: Изд-во ИА РАН, 2016. С. 312–342.
- Молодин В. И., Ненахов Д. А., Ненахова Ю. Н., Мыльникова Л. Н., Кобелева Л. С.** Аварийные раскопки одиночного элитного кургана саргатской культуры Государево Озеро-1 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. 23. С. 521–525.
- Молодин В. И., Хансен С., Дураков И. А., Райнхольд С., Ефремова Н. С., Ненахов Д. А., Ковыршина Ю. Н., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С., Кобелева Л. С., Борзых К. А., Сальникова И. В., Демахина М. С.** Археологические комплексы эпохи развитой и поздней бронзы на памятнике Тартас-1: новейшие результаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. 21. С. 332–336.
- Молодин В. И., Хансен С., Дураков И. А., Райнхольд С., Кобелева Л. С., Ненахова Ю. Н., Ненахов Д. А., Демахина М. С., Селин Д. В.** Новейшие археологические открытия на памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. 22. С. 357–360.
- Молодин В. И., Чемякина М. А., Гаркуша Ю. Н., Манштейн А. К., Дядьков П. Г., Балков Е. В.** Геофизические и археологические исследования могильника Сопка-2 в 2000–2001 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. 7. С. 399–407.
- Молодин В. И., Чемякина М. А., Дядьков П. Г., Манштейн А. К., Балков Е. В., Миненко М. И.** Результаты геофизических исследований памятника Преображенка-2 в Бара-

- бинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. 12, ч. 1. С. 434–439.
- Новиков К. В.** Магниторазведка: Учеб. пособие. М.: Изд-во МГРИ, 2013. 141 с.
- Смекалова Т. Н., Восс О., Мельников А. В.** Магнитная разведка в археологии. 12 лет применения оверхаузеровского градиентометра GSM–19WG. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 73 с.
- Фассбиндер Й. В. Е.** Магнитометрия в археологии – от теории к практике // РА. 2019. № 2. С. 75–91.
- Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи: Монография / В. И. Молодин, Г. Парцингер, Ю. Н. Гаркуша, Й. Шнеевайс, А. Е. Гришин, О. Н. Новикова и др. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 336 с.
- Эпов М. И., Чемякина М. А., Манштейн А. К., Дядьков П. Г., Парцингер Г., Молодин В. И., Балков Е. В.** Геофизические исследования городища Чича-1 в 2000 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. Т. 6. С. 447–457.
- Fassbinder J. W. E., Stanjek H.** Occurrence of Bacterial Magnetite in Soils from Archaeological Sites. *Archaeologia Polona*, 1993, vol. 31, p. 117–128.
- Matasova G. G., Kazansky A. Yu., Pozdnyakova O. A.** The Experience of Using the Rock Magnetic Methods for Assessing the Prospects of Magnetic Exploration in the Territory of Archaeological Monuments of the Barabinsk Forest Steppe. *Izvestiya, Physics of the Solid Earth*, 2016, vol. 52, no. 6, p. 869–883.
- Эпов М. И., Molodin V. I., Manshtein A. K., Balkov E. V., Dyadkov P. G., Matasova G. G., Kazansky A. Yu., Bortnikova S. B., Pozdnyakova O. A., Karin Yu. G., Kuleshov D. A.** Integrated Archeological and Geophysical Studies in West Siberia. *Russian Geology and Geophysics*, 2016, vol. 57, p. 473–482.

References

- Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoi lesostepi: monografiya / V. I. Molodin, G. Partsinger, Yu. N. Garkusha, I. Shneevais, A. E. Grishin, O. N. Novikova i dr. [Chicha is a Fortified Settlement Relating to the Transitional Time from the Bronze Era to the Iron Era: Monography / V. I. Molodin, G. Partsinger, Yu. N. Garkusha, I. Shneevais, A. E. Grishin, O. N. Novikova et al.]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2004, 336 p. (in Russ.)
- Dyadkov P. G., Pozdnyakova O. A.** Itogi i perspektivy primeneniya metoda magnetometrii dlya izucheniya arkheologicheskikh pamyatnikov Zapadnoi Sibiri [Results and Prospects of Application of the Magnetometry Method for Investigating Archaeological Sites in Western Siberia]. Mul'tidistsiplinarnye metody v arkheologii: noveishie itogi i perspektivy (Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma) [Multidisciplinary Approach to Archaeology: Recent Achievements and Prospects (Proceedings of the International Symposium)]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2017, p. 60–68. (in Russ.)
- Эпов М. И., Chemyakina M. A., Manshtein A. K., Dyadkov P. G., Parzinger H., Molodin V. I., Balkov E. V.** Геофизические исследования городища Чича-1 в 2000 году [Geophysical Survey of Chicha-1 in 2000]. In: Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2000, vol. 6, p. 447–457. (in Russ.)
- Эпов М. И., Molodin V. I., Manshtein A. K., Balkov E. V., Dyadkov P. G., Matasova G. G., Kazansky A. Yu., Bortnikova S. B., Pozdnyakova O. A., Karin Yu. G., Kuleshov D. A.** Integrated Archeological and Geophysical Studies in West Siberia. *Russian Geology and Geophysics*, 2016, vol. 57, p. 473–482.

- Fassbinder J. W. E.** Magnitometriya v arkhologii – ot teorii k praktike [Magnetometry in Archaeology – from Theory to Practice]. *Rossiiskaya arkhologiya [Russian Archaeology]*, 2019, no. 2, p. 75–91. (in Russ.)
- Fassbinder J. W. E., Stanjek H.** Occurrence of Bacterial Magnetite in Soils from Archaeological Sites. *Archaeologia Polona*, 1993, vol. 31, p. 117–128.
- Kompleksnye istoricheskie issledovaniya v oblasti izucheniya Zapadnoi i Yuzhnoi Sibiri s drevneishikh vremen do sovremennosti: monografiya / A. A. Tishkin, V. N. Vladimirov, Yu. M. Goncharov, D. V. Papin, S. P. Grushin, S. S. Tur i dr. [Integrated Studies for Research of Western and Southern Siberia from Ancient Times to Modern Times: Monography / A. A. Tishkin, V. N. Vladimirov, Yu. M. Goncharov, D. V. Papin, S. P. Grushin, S. S. Tur et al.]. Barnaul, Altai State Uni. Publ., 2011, 308 p. (in Russ.)
- Korobov D. S.** Mezhdunarodnye printsipy upravleniya arkhologicheskim naslediem [International Principles for the Management of Archaeological Heritage]. In: *Mezhdistsiplinarnaya integratsiya v arkhologii (po materialam leksii dlya aspirantov i molodykh sotrudnikov)* [Interdisciplinary integration in archaeology (from lectures for postgraduate students and young staff)]. Moscow, IA RAS Publ., 2016, p. 312–342. (in Russ.)
- Matasova G. G., Kazansky A. Yu., Pozdnyakova O. A.** The Experience of Using the Rock Magnetic Methods for Assessing the Prospects of Magnetic Exploration in the Territory of Archaeological Monuments of the Barabinsk Forest Steppe. *Izvestiya, Physics of the Solid Earth*, 2016, vol. 52, no. 6, p. 869–883.
- Molodin V. I., Chemyakina M. A., Dyadkov P. G., Manshtein A. K., Balkov E. V., Minenko M. I.** Rezul'taty geofizicheskikh issledovaniy pamyatnika Preobrazhenka-2 v Barabinskoj lesostepi [Results of geophysical studies on the Territory of the Site Preobrazhenka-2 (The Baraba Forest-Steppe)]. In: *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2006, vol. 12, part 1, p. 434–439. (in Russ.)
- Molodin V. I., Chemyakina M. A., Garkusha Yu. N., Manshtein A. K., Dyadkov P. G., Balkov E. V.** Geofizicheskie i arkhologicheskie issledovaniya mogil'nika Sopka-2 v 2000–2001 godakh [Geophysical and Archaeological Research on the Territory of the Site Sopka-2 in 2000–2001]. In: *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2001, vol. 7, p. 399–407. (in Russ.)
- Molodin V. I., Hansen S., Durakov I. A., Rajnchold S., Efremova N. S., Nenakhov D. A., Kovyreshina Yu. N., Mylnikova L. N., Nesterova M. S., Kobeleva L. S., Borzykh K. A., Salnikova I. V., Demakhina M. S.** Arkheologicheskie komplekсы epokhi razvitoi i pozdnei bronzy na pamyatnike Tartas-1: noveishie rezul'taty [Archaeological Complexes of the Developed and Late Bronze Age at the Tartas-1 Site: the Newest Results]. In: *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2015, vol. 21, p. 332–336. (in Russ.)
- Molodin V. I., Hansen S., Durakov I. A., Rajnchold S., Kobeleva L. S., Nenakhova Yu. N., Nenakhov D. A., Demakhina M. S., Selin D. V.** Noveishie arkhologicheskie otkrytiya na pamyatnike Tartas-1 [Recent Archaeological Discoveries in the Site Tartas-1]. In: *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2016, vol. 22, p. 357–360. (in Russ.)
- Molodin V. I., Nenakhov D. A., Nenakhova Yu. N., Mylnikova L. N., Kobeleva L. S.** Avariinnye raskopki odinochnogo elitnogo kurgana sargatskoi kul'tury Gosudarevo Ozero-1 v Barabinskoj lesostepi [Rescue Archaeological Excavation of a Solitary Elite Burial Mound of the Sargat Culture at the Site of Gosudarevo Ozero-1 (The Baraba Forest-Steppe)]. In: *Problemy*

arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2017, vol. 23, p. 521–525. (in Russ.)

Novikov K. V. Magnitorazvedka: uchebnoe posobie [The Magnetic Exploration: study guide]. Moscow, MGRI Publ., 2013, 141 p. (in Russ.)

Smekalova T. N., Voss O., Melnikov A. V. Magnitnaya razvedka v arkheologii. 12 let primeneniya Overkhauserovskogo gradientometra GSM–19WG [Magnetic exploration in archaeology. 12 years of application of the Overhauser Gradientometer GSM-19WG]. St. Petersburg, St. Petersburg State Uni. Publ., 2007, 73 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

25.03.2020

Сведения об авторе

Позднякова Ольга Анатольевна, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
olka.pozdnyakova@gmail.com
ORCID 0000-0001-8376-0344

Information about the Author

Olga A. Pozdnyakova, Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
olka.pozdnyakova@gmail.com
ORCID 0000-0001-8376-0344

УДК 903.02
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-58-69

Технико-технологический анализ керамики эпохи поздней бронзы поселения Ордынское-12 (Западная Сибирь)

Д. В. Селин

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

По результатам исследования состава формовочных масс керамического комплекса поселения позднего бронзового века на юге Западной Сибири Ордынское-12 выделено семь рецептов формовочной массы. Доминирующими являлись имеющиеся примеси дресвы и органики, а также шамота и органики, которые в сумме составляют более половины от числа исследованных образцов. В отдельную группу включены сосуды с примесью дресвы. О сосуществовании разных групп населения свидетельствует наличие смешанных рецептов. Полученные данные позволяют предполагать, что это поселение является разнокультурным памятником, где сосуществовали и активно взаимодействовали носители как минимум трех различных археологических культур – ирменской, еловской и восточного варианта пахомовской культуры. Контакты с более южными популяциями прослеживаются по наличию единичных привозных изделий, однако импорт еще не стал массовым.

Ключевые слова

Западная Сибирь, поздняя бронза, археология, поселение Ордынское-12, керамика, технико-технологический анализ, культурная принадлежность

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях»

Для цитирования

Селин Д. В. Технико-технологический анализ керамики эпохи поздней бронзы поселения Ордынское-12 (Западная Сибирь) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография. С. 58–69. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-58-69

Technical and Technological Analysis of Late Bronze Ceramics of the Ordynskoe-12 Settlement (Western Siberia)

D. V. Selin

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The Ordynskoe-12 Settlement is an important site for the study of the Late Bronze Age in the south of Western Siberia. The ceramic complex allowed the author to characterize the Ordynsky type archaeological sites. There is a syncretism of the material, including components of other archaeological cultures. According to researchers, the ceramic complex of the site reflects the transition from Fedorovskaya culture to Irmenian culture, while the author identifies items close to ceramics of the Yelovskaya, Karasuk and Irmenian cultures, or a transformed version of Yelovskaya culture at a later stage of its existence.

Results. A study of the composition of the clay paste revealed seven recipes. The dominant recipes feature an admixture of crushed stone and organic matter, and chamotte and organic matter, which together account for more than half

© Д. В. Селин, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography

of the studied samples. A separate group consists of samples mixed with crushed stone. Mixed recipes testify to the coexistence of different populations.

Conclusion. The data obtained indicate that this settlement is a multicultural archaeological site. Three archaeological cultures coexisted and interacted in its place – Irmenian, Yelovskaya, and an eastern variant of Pakhomovo culture. Imported vessels indicate contacts with southern cultures, however, importing did not become a mass phenomenon until the transition period from the Bronze Age to the Early Iron Age.

Keywords

Western Siberia, late Bronze Age, archaeology, Settlement Ordynskoe-12, ceramics, technical and technological analysis, cultural ancestry

Acknowledgements

This work was carried out in accordance with the project of the IAE SB RAS no. 0329-2019-0003 “Historical and Cultural Processes in Siberia and in Neighboring Territories”

For citation

Selin D. V. Technical and Technological Analysis of Late Bronze Ceramics of the Ordynskoe-12 Settlement (Western Siberia). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 58–69. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-58-69

Введение

Новосибирское Приобье в эпоху поздней бронзы являлось транзитной территорией между носителями различных археологических культур южнотаежной и степной зон Западной Сибири. В это время в результате распада андроновской культурно-исторической общности сложился ряд культур, в основе которых прослеживался четкий андронидный компонент, выраженный в первую очередь в орнаментации керамической посуды. Сформировалась ситуация, когда отдельные сходные орнаментальные мотивы встречались на керамике широкого круга культур, таких как ирменская, позднеирменская, еловская, карасукская, корчажкинская, пахомовская, сузгунская, бегазы-дандыбаевская. К такой орнаментике относятся простые ряды разнонаклонных отпечатков штампа, сложные геометрические узоры и пояса, заполненные оттисками штампа. Это значительно затрудняет исследование отдельных памятников и влечет непрекращающиеся дискуссии по проблемам культурной принадлежности, генезиса, хронологии, культурных связей и др. Особняком стоит проблема выделения «смешанных» памятников, когда в рамках одного поселения или могильника выявлялся археологический материал, являвшийся результатом «микса» гончарных традиций различного населения. Для юга Западной Сибири ситуация серьезно осложняется и тем фактом, что в основе широкого круга археологических культур этой территории (ирменской, позднеирменской, еловской, пахомовской, сузгунской, корчажкинской) лежит андронидный компонент. Перечисленные обстоятельства придают исследованиям технологии керамического производства особую значимость, позволяющую получить данные, недоступные при анализе только орнамента и формы изделий, что неоднократно подтверждено теоретическими и практическими исследованиями [Бобринский, 1978; Цетлин, 2012; 2017; Мильникова, 2015].

В истории изучения позднего бронзового века поселение Ордынское-12 занимает особое положение. Памятник, находящийся на левобережье Оби у с. Ордынское Новосибирской области, открыт в 1970 г. Т. Н. Троицкой. В 1974–1975 гг. на нем проведены раскопки В. А. Захом. Исследовано два (одно полностью и одно частично) подпрямоугольных котлована жилищ. Материал представлен в первую очередь фрагментами керамической посуды [Матвеев, 1993; Зах, 1991; 1997]. Своеобразие обнаруженного керамического комплекса позволило А. В. Матвееву выделить объекты Ордынское-12 и Красный Яр-1 в особую группу памятников, названную ордынским типом и отнести их к доирменскому времени. Основанием для этого послужили стратиграфические наблюдения на поселении Красный Яр-1, где жилище 5 с керамикой ордынского типа было перекрыто зольником, в который врезано жилище 3, содержащее керамику ирменской культуры [Матвеев, 1993; Зах, 1997]. Исследователем отмечена и синкретичность материала, включающего, помимо андроновского субстрата, компо-

ненты других культурных образований, в том числе памятников пахомовского типа [Матвеев, 1993. С. 101].

Это наблюдение позволило О. Н. Корочковой выделить отдельный, пахомовско-ордынский, культурно-хронологический пласт и поднять вопрос о большей протяженности территории существования андронидных культур в восточном направлении [1987; 2009]. По мнению В. А. Заха, керамический комплекс поселения отражает переход от федоровской к ирменской культуре, при этом автор выделяет изделия, близкие к керамике еловской, карасукской и ирменской культур [1997. С. 57]. Существует альтернативная точка зрения, согласно которой керамический комплекс Ордынского-12 является трансформированным вариантом еловской культуры на более позднем этапе ее существования [Сумин, Титова, 2001].

В связи с указанными обстоятельствами важно дать общую оценку размеров и пропорций различных групп материалов в составе памятников смешанного типа. Поэтому целью работы является технико-технологическая характеристика керамической коллекции эпохи поздней бронзы такого знакового разнокультурного объекта, как поселение Ордынское-12.

Результаты технико-технологического анализа керамики

Определение технологии производства керамики проводилось с использованием специального комплекса методов, таких как микроскопический анализ поверхностей и изломов сосудов, сопоставление выявленных примесей и технологических следов с эталонной базой экспериментальных образцов. Всего при помощи микроскопического анализа изучены образцы от 30 сосудов. Практически все изделия (29 образцов) изготовлены из среднезапесоченного ожелезненного глинистого сырья. В одном случае зафиксировано использование как исходного сырья низкозапесоченной неожелезненной глины (рис. 1, 11, 2). Естественные примеси представлены фракциями бурого железняка (7 образцов), среднего и крупного песка (5 образцов), пластинок слюды (7 образцов), единичных крупных конкреций (3 образца). Бурый железняк по размерности включений в исходном сырье подразделяется на мелкий и средний (2 образца), только крупный (3 образца) и разноразмерный (2 экз.). По степени окатанности он подразделяется на полностью окатанный (6 образцов) и угловатый (1 образец). Характер естественных примесей, в первую очередь бурого железняка, свидетельствует о существовании традиции предварительной обработки исходного сырья, в результате чего фракции бурого железняка приобретали окатанную форму и дробились на более мелкие частицы. При этом у части образцов зафиксированы только крупные включения бурого железняка, что указывает на отсутствие традиции предварительной обработки глины.

В составе формовочных масс керамики зафиксированы минеральные и органические примеси. К первым относятся добавки шамота и дресвы (рис. 2–5).

Шамот определен в 11 образцах (рис. 3, 4). Способы калибровки разнообразны и представлены следующими размерными группами: калиброванный мелкий (0,5–0,9 мм) – 1 образец; калиброванный по верхней границе (0,5–1,9 мм) – 5 образцов; калиброванный по нижней границе (≥ 1 мм) – 1 образец; некалиброванный (0,5–5 мм) – 4 образца. Концентрация примеси в исходном сырье составляет: 1 : 4 – 5 образцов; 1 : 5 – 4 образца; 1 : 6 – 2 образца. В двух случаях зафиксирован шамот в шамоте и дресва в шамоте (см. рис. 3), что указывает на устойчивость традиции добавки этих минеральных примесей в формовочную массу.

Второй минеральной примесью является дресва, изготовленная из двух минералов – кварцита (20 образцов, рис. 2; 4) и гранита (1 образец, рис. 5). Выходы этих пород встречаются повсеместно на территории Новосибирского Приобья в виде прожилок и развалов глыб [Жотельников и др., 2015]. Калибровка дресвы, как и шамота, различна.

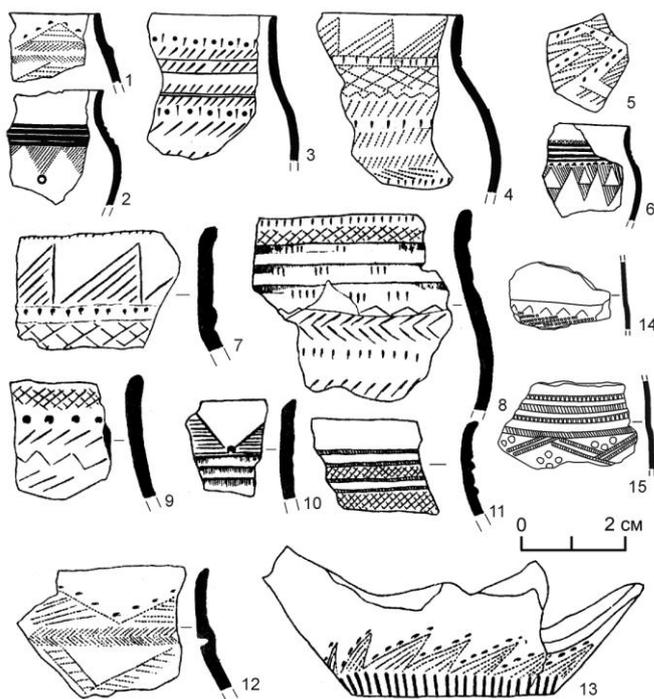

Рис. 1. Керамика поздней бронзы поселения Ордынское-12:
1–6 – по: [Зах, 1997]; 7–13 – по: [Матвеев, 1993]

Fig. 1. Pottery of the Late Bronze Age of the Ordynskoye-12:
1–6 – by: [Zakh, 1997]; 7–13 – by: [Matveev, 1993]

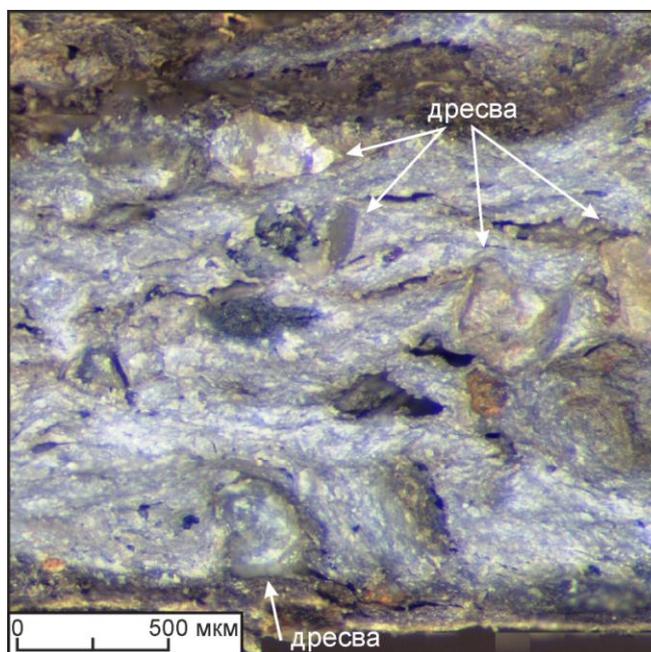

Рис. 2 (фото). Микрофотография примеси дресвы из кварцита и нежелезненного глинистого сырья в составе формовочной массы

Fig. 2 (photo). Microphotography of admixture of wood and unglazed clay raw materials in the clay paste

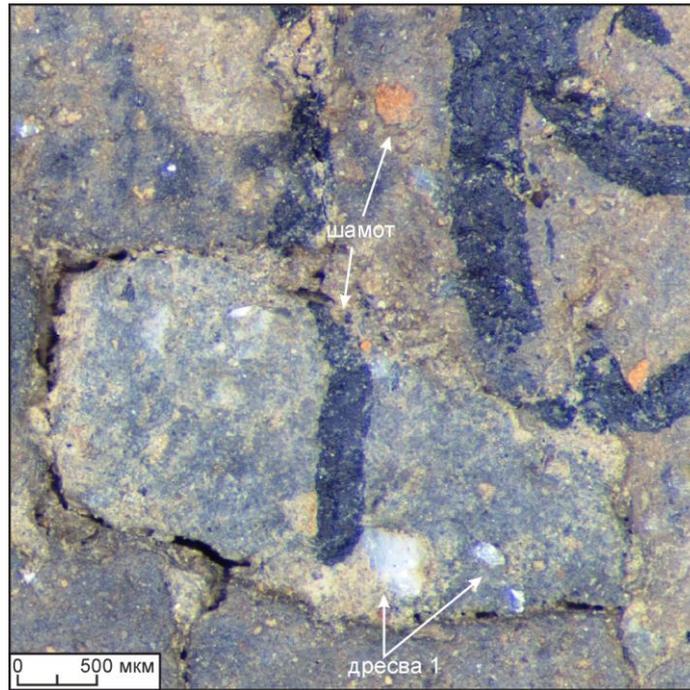

Рис. 3 (фото). Микрофотография примеси шамота и дресвы из кварцита в шамоте в составе формовочной массы

Fig. 3 (photo). Microphotography of the admixture of chamotte and wood pulp in the chamotte as part of the clay paste

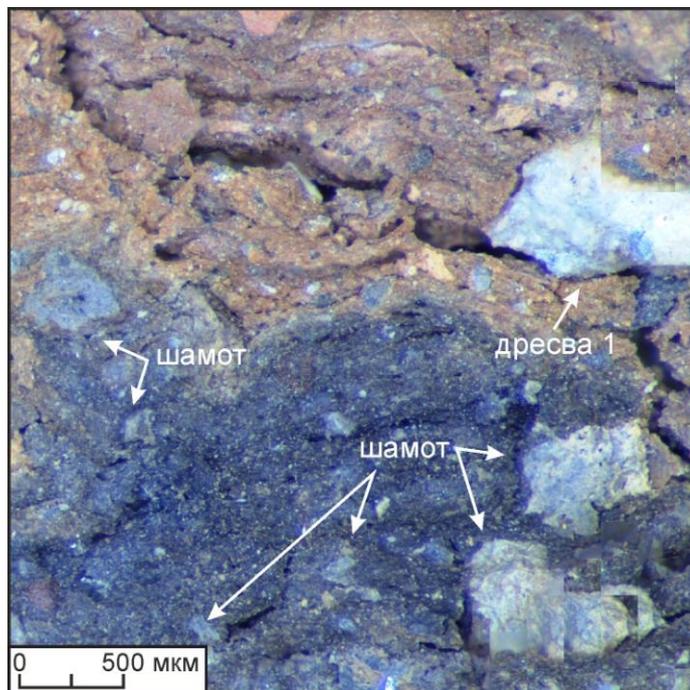

Рис. 4 (фото). Микрофотография примеси шамота и дресвы из кварцита в составе формовочной массы

Fig. 4 (photo). Microphotography of the admixture of chamotte and wood pulp as part of the clay paste

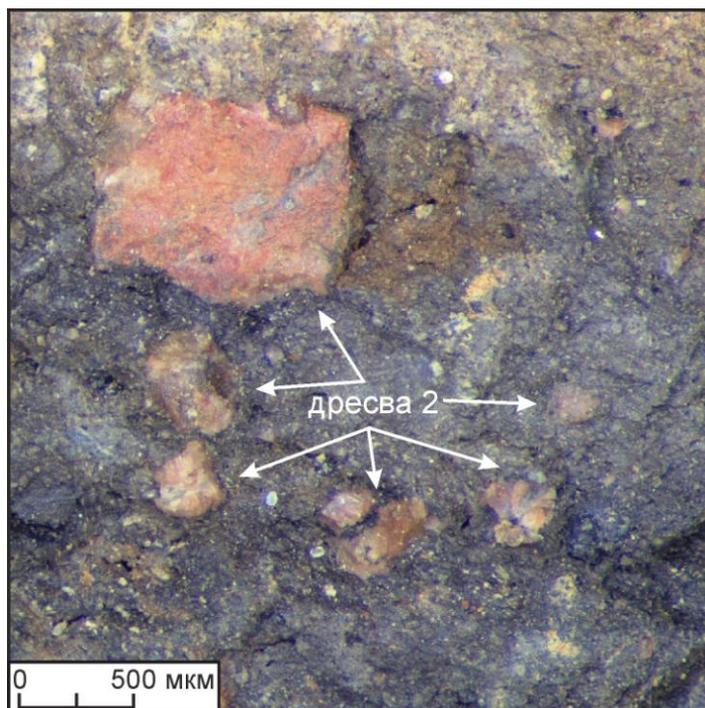

Рис. 5 (фото). Микрофотография примеси дресвы из гранита в составе формовочной массы

Fig. 5 (photo). Microphotography of a granite impurity from granite in the clay paste

Выделены следующие группы: калиброванная мелкая (0,5–0,9 мм) – 4 образца; калиброванная по верхней границе (0,5–1,9 мм) – 4 образца; калиброванная по нижней границе (≥ 1 мм) – 3 образца; некалиброванная (0,5–5 мм) – 10 образцов. Концентрация примеси следующая: 1 : 3 – 3 образца; 1 : 4 – 7 образцов; 1 : 5 – 7 образцов; 1 : 6 – 2 образца; 1 : 7–8 – 2 образца.

Следы органических примесей зафиксированы в связке с минеральными добавками. Они представлены органическим раствором из навоза жвачных животных, на что указывает наличие в изломе пустот, покрытых черной пленкой и остатков растительности (18 образцов, рис. 6), а также навозом крупного рогатого скота, введенного в формовочную массу в сухом состоянии, на что указывают характерные остатки растительности (5 экз., рис. 7).

Таким образом, определены семь групп керамики с разными рецептами формовочных масс (рис. 8).

1. Глина + дресва (кварцит) + органический раствор – 10 сосудов;
2. Глина + шамот + органический раствор – 8 сосудов;
3. Глина + шамот + навоз КРС – 1 сосуд;
4. Глина + дресва (кварцит) + навоз КРС – 3 сосуда;
5. Глина + дресва – 6 сосудов;
- 5.1 Глина + дресва из кварцита – 5 сосудов;
- 5.2 Глина + дресва из гранита – 1 сосуд;
6. Глина + дресва (кварцит) + шамот – 1 сосуд;
7. Глина + дресва (кварцит) + шамот + навоз КРС – 1 сосуд.

Полое тело сосудов изготовлено при помощи лент с боковым наложением (2 образца) и лоскутов (3 образца). В одном случае удалось зафиксировать двухслойный лоскутный налп (см. рис. 1, 11).

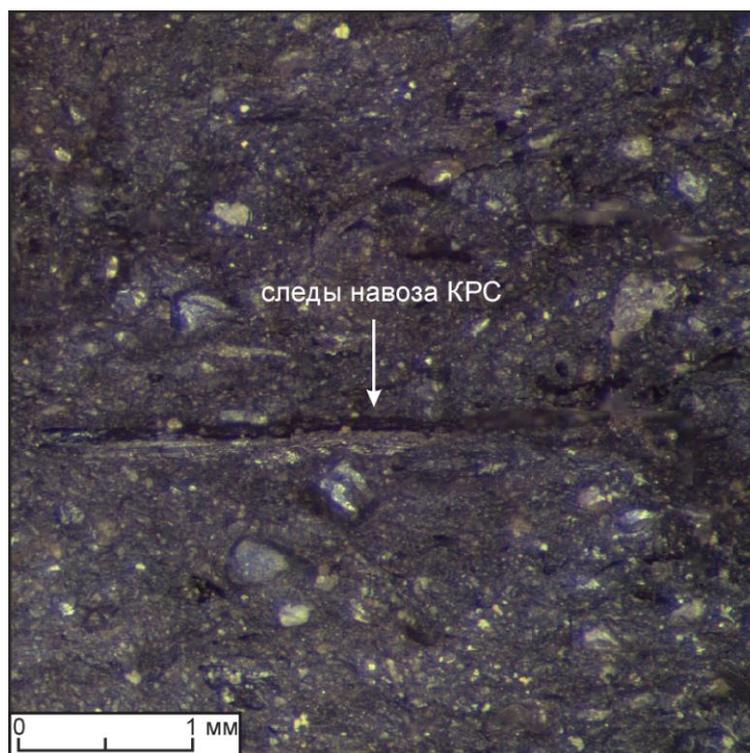

Рис. 6 (фото). Микрофотография навоза КРС в составе формовочной массы
Fig. 6 (photo). Microphotography of cattle manure as part of the clay paste

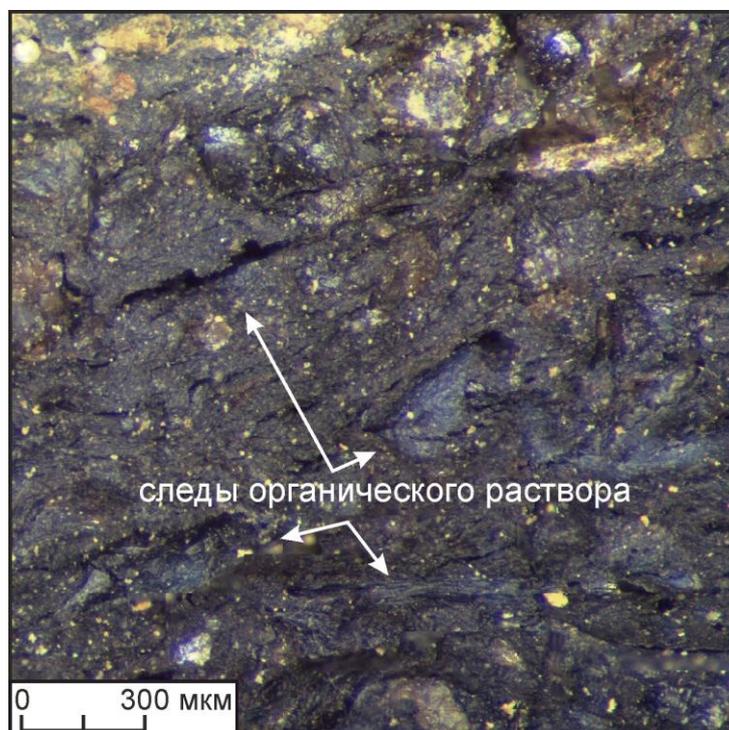

Рис. 7 (фото). Микрофотография органического раствора в составе формовочной массы
Fig. 7 (photo). Microphotography of an organic solution in the composition of the clay paste

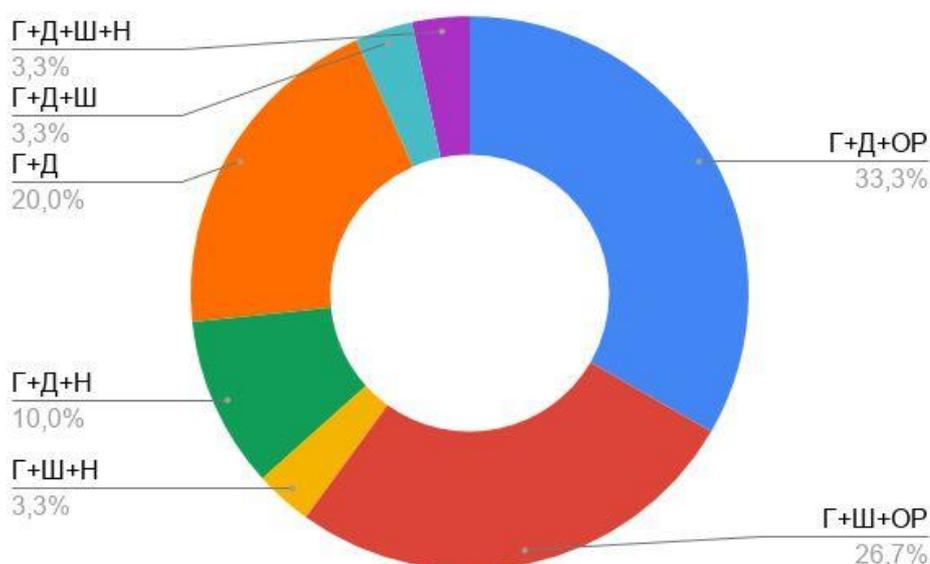

Рис. 8. Соотношение рецептов формовочных масс на памятнике Ордынское-12:

- Г + Д + ОР – глина + дресва (кварцит) + органический раствор
- Г + Ш + ОР – глина + шамот + органический раствор
- Г + Ш + Н – глина + шамот + навоз КРС
- Г + Д + Н – глина + дресва (кварцит) + навоз КРС
- Г + Д – глина + дресва
- Г + Д + Ш – глина + дресва (кварцит) + шамот
- Г + Д + Ш + Н – глина + дресва (кварцит) + шамот + навоз КРС

Fig. 8. The ratio of clay paste recipes at the Ordynskoe-12:

- Г + Д + ОР – clay + broken stone (quartzite) + organic solution
- Г + Ш + ОР – clay + chamotte + organic solution
- Г + Ш + Н – clay + chamotte + cattle manure
- Г + Д + Н – clay + broken stone (quartzite) + cattle manure
- Г + Д – clay + broken stone
- Г + Д + Ш – clay + broken stone (quartzite) + chamotte
- Г + Д + Ш + Н – clay + broken stone (quartzite) + chamotte + cattle manure

Обработка поверхности изделий выполнена путем лощения по подсушенной поверхности твердым предметом (6 образцов) или заглаживания влажной поверхности при помощи ткани (5 образцов), твердого предмета, видимо, гребенчатого штампа (5 образцов) и пальцев (1 образец).

Исходное сырье в исследованных образцах в целом однородно и представлено среднезапесоченными ожелезненными глинами, что может свидетельствовать об отборе материала из разных залежей, но в пределах одного района – на это указывает и сходный состав естественных примесей. Выделяется образец, изготовленный из низкозапесоченного неожелезненного глинистого сырья, представленный в коллекции в единственном экземпляре (см. рис. 1, 11, 2). Тип исходного сырья в сочетании с составом формовочной массы (редко встречаемый на памятнике рецепт № 4) и способом конструирования полого тела (двухслойный лоскутный налп) позволяет интерпретировать это изделие как привозное.

Подобное разнообразие рецептов связано, по всей видимости, с сосуществованием на этом поселении нескольких разных культурных групп, изготавливавших посуду по своим гончарным традициям. Так, доминирующими на памятнике являются рецепты № 1 и 2, которые в сумме составляют более половины исследованных образцов (18 экз.). Отдельную

группу составляют образцы с рецептом № 5 (6 экз.). В пользу предположения о сосуществовании групп населения с разными приемами составления формовочных масс свидетельствует наличие смешанных рецептов № 6 и 7, где как искусственная примесь одновременно использовались дресва и шамот.

Рецепт с примесью дресвы и органического раствора известен в гончарстве ирменской культуры и встречается на таком памятнике, как Чекист. Однако для этой культурной группы характерны рецепты и с шамотом [Мыльникова, 2015]. Примесь дресвы совместно с органикой широко распространена в керамике еловской культуры, где она зафиксирована как самостоятельная примесь, так и в связке с шамотом [Титова, Борисов, 2004]. Наличие рецептов с дресвой, но без органических примесей, находит аналогии в гончарстве бегазы-дандыбаевской культуры. Особенно интересен в этом контексте случай обнаружения дресвы из обожженного гранита, в то время как во всех остальных образцах она получена из дробленого кварцита. Использование гранитоидов в качестве сырья для получения дресвы характерно для вышеназванной культурной группы [Ломан, 2015. С. 74; Папин и др., 2015. С. 134]. Рецепт с примесью шамота и органического раствора характерен для гончарной технологии населения пахомовской культуры Тоболо-Иртышского междуречья [Илюшина, 2015] и ее восточного варианта в Барабинской лесостепи.

Заключение

По результатам технико-технологического анализа керамики поселения Ордынское-12 можно выделить несколько гончарных традиций у его обитателей.

К первой относится группа, изготавливавшая посуду по рецепту № 2 и связанная, по всей видимости, с восточным вариантом пахомовской культуры. На наличие керамики, вызывающей ассоциации с пахомовской культурой, исследователи указывали неоднократно [Корочкова, 1987; 2009; Матвеев, 1993; Зах, 1997]. В пользу этого свидетельствует не только технология изготовления керамик, но и наличие некоторых специфичных орнаментальных мотивов, характерных для пахомовских изделий, – желобки с насечками, «бахрома», оконтуривающая геометрические фигуры и меандры, ряды оттисков уголко́м штампа (см. рис. 1, 1, 5, 12, 13, 15).

Ко второй группе принадлежат рецепты с дресвой и органикой (№ 1 и 4), относящиеся, по всей видимости, к еловской и ирменской культурам. Небольшую группу составляют изделия, технологически близкие к бегазы-дандыбаевской группе, на что указывает наличие гранитоидов в качестве сырья для дресвы. Кроме того, на памятнике зафиксировано наличие привозной посуды (см. рис. 2, 11), что четко фиксируется по использованию нетипичного для памятника исходного сырья (нежелезненная слабозапесоченная глина) и способа конструирования полого тела (двухслойный лоскутный налп).

Таким образом, поселение Ордынское-12 представляет собой разнокультурный памятник, на территории которого сосуществовали и активно взаимодействовали носители как минимум трех различных археологических культур – ирменской, еловской и восточного варианта пахомовской культуры. Контакты с более южными популяциями прослеживаются по наличию единичных привозных изделий, однако, судя по всему, импорт еще не был массовым явлением, каким он являлся в последующее переходное время от бронзы к раннему железному веку [Молодин, Нескоров, 1992; Молодин и др., 2017; Удодов, 1994]. Нет оснований подтверждать тезис о том, что керамика памятника является трансформированным вариантом еловской культуры, так как и в орнаментации посуды, и в технологии изготовления четко фиксируются элементы, свойственные не только этой культурной группе.

Список литературы

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

- Зах В. А.** Ордынское-12 памятник переходного типа от андроновской культуры к ирменской // Источники по этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1991. С. 64–73.
- Зах В. А.** Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микро-района). Новосибирск: Наука, 1997. 132 с.
- Илюшина В. В.** Гончарное производство населения пахомовской культуры Нижнего При-тобья // Человек и Север: антропология, археология, экология. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. С. 143–147.
- Корочкова О. Н.** Предтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртыше в эпоху поздней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: [б. и.], 1987. 26 с.
- Корочкова О. Н.** Пахомовская культура // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 3 (39). С. 75–84.
- Котельников А. Д., Максиков С. В., Котельникова И. В., Макаренко Н. А., Субботин К. С.** Государственная геологическая карта Российской Федерации. Масштаб 1 : 200 000. 2-е изд. Серия Кузбасская. Лист N-44-XVIII – Черепаново. Объяснительная записка. М.: Изд-во МФ ВСЕГЕИ, 2015. 200 с.
- Ломан В. Г.** Привозная керамика на поселении Кент // Самарский научный вестник. 2015. № 4. С. 71–80.
- Матвеев А. В.** Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. 180 с.
- Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Селин Д. В., Нескоров А. В.** Восточный вариант пахо-мовской культуры в Центральной Барабе. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 180 с.
- Молодин В. И., Нескоров А. В.** О связях населения Западно-Сибирской лесостепи и Казах-стана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения, 1990: Материалы конф. М.: ИА АН РК, 1992. Ч. 1. С. 93–96.
- Мыльникова Л. Н.** Керамика переходного времени от бронзового к железному веку лесо-степной зоны Западной Сибири: диалог культур: Дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск: [б. и.], 2015. Т. 1. 486 с.
- Папин Д. В., Ломан В. Г., Степанова Н. Ф., Федорук А. С.** Результаты технико-техноло-гического анализа керамического комплекса поселения эпохи поздней бронзы Рубле-во VI // Теория и практика археологических исследований. 2015. № 2 (12). С. 115–143.
- Сумин В. А., Титова М. В.** Распространение еловской культуры в новосибирском Приобье // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и со-предельные территории: Материалы XII ЗСАЭК. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. С. 195–197.
- Титова М. В., Борисов В. А.** Сравнительный технологический анализ керамики эпохи брон-зы ряда памятников Томского Приобья и Новосибирской области // Еловский археоло-гический комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. С. 417–456.
- Удодов В. С.** Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул: [б. и.], 1994. 21 с.
- Цетлин Ю. Б.** Древняя керамика: теория и методы историко-культурного подхода. М.: Изд-во ИА РАН, 2012. 379 с.
- Цетлин Ю. Б.** Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: Изд-во ИА РАН, 2017. 346 с.

References

- Bobrinskiy A. A.** Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study]. Moscow, Nauka, 1978, 272 p. (in Russ.)

- Pyushina V. V.** Goncharnoe proizvodstvo naseleniya pakhomovskoi kul'tury Nizhnego Pritobol'ya [Pottery production of the population of the Pakhomov culture of the Lower Near Tobol]. In: *Chelovek i sever: antropologiya, arkhologiiya, ekologiya* [Man and the North: anthropology, archeology, ecology]. Tyumen, IDN SB RAS Publ., 2015, p. 143–147. (in Russ.)
- Korochkova O. N.** Pakhomovskaya kul'tura [Pakhomovskaya culture]. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2009, no. 3 (39), p. 75–84. (in Russ.)
- Korochkova O. N.** Predtaezhnoe i yuzhnotaezhnoe Tobolo-Irtysh'e v epokhu pozdnei bronzy [Pre-taiga and south-taiga Tobolo-Irtysh in the Late Bronze Age]. Cand. hist. sci. syn. diss. Moscow, 1987, 26 p. (in Russ.)
- Kotelnikov A. D., Maksikov S. V., Kotelnikova I. V., Makarenko N. A., Subbotin K. S.** Gosudarstvennaya geologicheskaya karta Rossiiskoi Federatsii. Masshtab 1 : 200 000. 2-e izd. Seriya Kuzbasskaya. List N-44-KhVIII – Cherepanovo. Ob'yasnitel'naya zapiska [State geological map of the Russian Federation. Scale 1: 200,000. 2nd ed. Series Kuzbass. Sheet N-44-XVIII – Cherepanovo. Explanatory note]. Moscow, MB ARGI Publ, 2015, 200 p. (in Russ.)
- Loman V. G.** Privoznaya keramika na poselenii Kent [Imported ceramics in the settlement of Kent]. *Samarskii nauchnyi vestnik* [Samara Scientific Bulletin], 2015, no. 4, p. 71–80. (in Russ.)
- Matveev A. V.** Irmenskaya kul'tura v lesostepnom Priob'e [Irmenian culture in the forest-steppe Priobye]. Novosibirsk, Novosibirsk State Uni. Publ., 1993, 180 p. (in Russ.)
- Molodin V. I., Mylnikova L. N., Selin D. V., Neskorov A. V.** Vostochnyi variant pakhomovskoi kul'tury v Tsentral'noi Barabe [Eastern variant of the Pakhomovo culture in Central Baraba]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2017, 180 p. (in Russ.)
- Molodin V. I., Neskorov A. V.** O svyazyakh naseleniya Zapadno-Sibirskoi lesostepi i Kazakhstana v epokhu pozdnei bronzy [On the relations of the population of the West Siberian forest-steppe and Kazakhstan in the Late Bronze Age]. In: *Margulanovskie chteniya, 1990* [Margulanov readings, 1990]. Materials of conference. Moscow, IA AS RK Publ., 1992, part 1, p. 93–96. (in Russ.)
- Mylnikova L. N.** Keramika perekhodnogo vremeni ot bronzovogo k zheleznomu veku lesostepnoi zony Zapadnoi Sibiri: dialog kul'tur [Forest-steppe zone of Western Siberia: dialogue of cultures]. Dr. hist. sci. diss. Novosibirsk, 2015, 486 p. (in Russ.)
- Papin D. V., Loman V. G., Stepanova N. F., Fedoruk A. S.** Rezul'taty tekhniko-tekhnologicheskogo analiza keramicheskogo kompleksa poseleniya epokhi pozdnei bronzy Rublevo VI [Results of technical and technological analysis of the ceramic complex of the Late Bronze Age Rublevo VI]. *Teoriya i praktika arkhologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research], 2015, no. 2 (12), p. 115–143. (in Russ.)
- Sumin V. A., Titova M. V.** Rasprostranenie elovskoi kul'tury v Novosibirskom Priob'e [Distribution of spruce culture in the Novosibirsk Ob region]. In: *Prostranstvo kul'tury v arkhologo-etnograficheskom izmerenii. Zapadnaya Sibir' i sopredel'nye territorii: materialy XII ZSAEK* [The space of culture in the archaeological and ethnographic dimension. Western Siberia and adjacent territories: materials of XII West Siberian Archaeological and Ethnographic Conference]. Tomsk, Tomsk State Uni. Publ., 2001, p. 195–197. (in Russ.)
- Titova M. V., Borisov V. A.** Sravnitel'nyi tekhnologicheskii analiz keramiki epokhi bronzy ryada pamyatnikov Tomskogo Priob'ya i Novosibirskoi oblasti [Comparative technological analysis of ceramics of the Bronze Age of a number of monuments of the Tomsk Ob region and the Novosibirsk region]. In: *Elovskii arkhologicheskii kompleks. Chast' vtoraya. Elovskii II mogil'nik. Doirmenskie komplekсы* [Elovsky archaeological complex. Part two. Elovsky II burial ground. Pre-irmen complexes]. Omsk, Omsk State Uni. Publ., 2004, p. 417–456. (in Russ.)
- Tsetlin Yu. B.** Drevnyaya keramika: Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda [Ancient ceramics: Theory and methods of historical and cultural approach]. Moscow, IA RAS Publ., 2012, 379 p. (in Russ.)

- Tsetlin Yu. B.** Keramika. Ponyatiya i terminy istoriko-kul'turnogo podkhoda [Ceramics. Concepts and terms of the historical and cultural approach]. Moscow, IA RAS Publ., 2017, 346 p. (in Russ.)
- Udodov V. S.** Epokha razvitoi i pozdnei bronzy Kulundy [Epoch of the developed and late bronze of Kulunda]. Cand. hist. sci. syn. diss. Barnaul, 1994, 21 p. (in Russ.)
- Zakh V. A.** Epokha bronzy Prisalair'ya (po materialam Izylinskogo arkheologicheskogo mikro-raiona) [The Bronze Age of Prisalairye (based on the materials of the Izylinsky Archaeological Microdistrict)]. Novosibirsk, Nauka, 1997, 132 p. (in Russ.)
- Zakh V. A.** Ordynskoe-12 pamyatnik perekhodnogo tipa ot andronovskoi kul'tury k irmenskoj [Ordynskoye-12 monument of a transitional type from Andronovo culture to Irmensky]. In: Istochniki etnokul'turnoi istorii Zapadnoi Sibiri [Sources of ethnocultural history of Western Siberia]. Tyumen, Tyumen State Uni. Publ., 1991, p. 64–73. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
12.03.2020*

Сведения об авторе

Селин Дмитрий Вадимович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
selin@epage.ru
ORCID 0000-0002-6939-2917

Information about the Author

Dmitrii V. Selin, PhD in History, Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
selin@epage.ru
ORCID 0000-0002-6939-2917

УДК 902.02 + 903.2

DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-70-85

Сравнительное исследование сохранности культуровмещающих отложений на памятнике Мойлтын Ам (Центральная Монголия)

Д. В. Марченко¹, А. М. Хаценович¹, Е. П. Рыбин¹
Д. Базаргур², Б. Гунчинсурэн², Дж. У. Олсен³

¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

² *Институт археологии МАН
Улан-Батор, Монголия*

³ *Школа антропологии Университета Аризоны
Тусон, США*

Аннотация

На современном этапе палеолитоведения применяется комплексный подход к изучению культуровмещающих отложений, позволяющий выявить горизонты с перемещенным материалом на многослойных памятниках и условия формирования литологических слоев. Данный подход основан на сравнительном анализе направлений и ориентаций удлиненных артефактов в литологических слоях на базе индексов изотропии и вытянутости. В предлагаемой статье рассматривается определение сохранности культурных слоев на верхнепалеолитической стоянке Мойлтын Ам в Монголии. Исследования памятника проводились тремя различными экспедициями с 1960-х гг., но хроностратиграфическая последовательность до сих пор вызывала вопросы. Проведенное нами исследование показало, что слои 1.2, 2 и 3 могли формироваться в коллювиальных условиях, тогда как слой 4 наиболее близок по показателям к солифлюкции. Нижележащие пролювиальные отложения претерпели те же постдепозиционные нарушения, что и слой 4.

Ключевые слова

Монголия, верхний палеолит, стратиграфия, культурный слой, комплекс, каменные артефакты, анализ направлений

Благодарности

Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10112)

Для цитирования

Марченко Д. В., Хаценович А. М., Рыбин Е. П., Базаргур Д., Гунчинсурэн Б., Олсен Дж. У. Сравнительное исследование сохранности культуровмещающих отложений на памятнике Мойлтын Ам (Центральная Монголия) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография. С. 70–85. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-70-85

© Д. В. Марченко, А. М. Хаценович, Е. П. Рыбин, Д. Базаргур,
Б. Гунчинсурэн, Дж. У. Олсен, 2020

Comparison Study of Cultural Layers Preservation at the Moiltyn Am Site (Central Mongolia)

D. V. Marchenko¹, A. M. Khatsenovich¹, E. P. Rybin¹
D. Bazargur², B. Gunchinsuren², J. W. Olsen³

¹ *Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

² *Institute of Archaeology MAS
Ulaanbaatar, Mongolia*

³ *School of Anthropology, University of Arizona
Tucson, USA*

Abstract

Archaeological sites with unclear conditions of sediment accumulation and stratigraphic disturbances are always complicated to research. Usually other sites in the region with better preservation of cultural layers helps to understand and divide them into cultural chronological stages. However lack of such sites results in the need to find other approaches and research methods to study stratigraphic positions of cultural horizons.

Purpose. This article considers approaches and methods and their application to estimate the preservation of cultural layers at the Upper Paleolithic site of Moiltyn Am in Central Mongolia.

Results. The authors analyzed positions of artifacts from layers 1.2, 2, 3 and 4. Indexes of layer 1.2 fall within the value range, characteristic to rockfall. Layers 2 and 3 are also close to rockfall, but the level of isotropy falls outside the limits of its range. Layer 4 is closer to the range of solifluction.

Conclusions. The authors correlated lithological divisions, revealed in 2018–2019, and stratigraphic units, that previous researchers divided and described. Sediments of Layer 4 were accumulated under the solifluction process and went through post-sedimentological disturbances, that also impacted the underlying layers. Layers 2 and 3 were formed under drier conditions.

Keywords

Mongolia, Upper Paleolithic, stratigraphy, cultural layer, complex, stone artifacts, analysis of artifact orientation

Acknowledgements

This research has received funding from the Russian Scientific Foundation (project 19-78-10112)

For citation

Marchenko D. V., Khatsenovich A. M., Rybin E. P., Bazargur D., Gunchinsuren B., Olsen J. W. Comparison Study of Cultural Layers Preservation at the Moiltyn Am Site (Central Mongolia). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 70–85. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-70-85

Введение

Памятник Мойлтын Ам, открытый в 1949 г. академиком А. П. Окладниковым, был первой стратифицированной палеолитической стоянкой, найденной на территории Монголии. Последующая периодизация палеолита Монголии строилась на основе материалов Мойлтын Ам и использовалась в качестве опорной вплоть до 1980-х гг. До недавнего времени она продолжала играть существенную роль в понимании последовательности смен и эволюции палеолитических культур в регионе. Было предпринято три цикла раскопок памятника: в 1960–1964 (руководители раскопок А. П. Окладников и В. Е. Ларичев), в 1985–1986 (российско-монгольская экспедиция во главе с А. П. Деревянко и В. Т. Петриным) и в 1996–1997 гг. (французско-монгольская экспедиция под руководством Ж. Жобера). А. П. Окладников выделил пять археологических горизонтов, которые содержали комплексы от среднего (горизонт 5) и раннего верхнего (горизонты 2–4) палеолита с леваллуазской индустрией до финального верхнего палеолита с микролитической индустрией. Фаунистические остатки были представлены небольшим количеством видов: пещерная гиена (?), бизон (в нижней части галечника), лошадь и верблюд [Окладников, 1981].

В 2010 г. была опубликована монография А. П. Деревянко и коллектива соавторов, в которой подводились итоги второго этапа раскопок. В заложенном раскопе фиксировались

4 литологических слоя и 5 культурных горизонтов, общая численность археологической коллекции из которых составила 1 455 экз. [Деревянко и др., 2010]. Полученные материалы были вписаны в общую хроностратиграфическую схему развития палеолита в долине р. Орхон: комплексы финального среднего палеолита помещались в пределах горизонтов 5 и 4, раннего верхнего палеолита – в горизонтах 3 и 2, финального верхнего палеолита – в горизонте 1 [Там же].

Участниками французско-монгольской экспедиции было заложено несколько раскопов на памятнике. Описанный ими стратиграфический профиль [Bertran et al., 2003], включавший три крупные пачки отложений, подразделялся на 5 горизонтов: диамиктиты в цементоподобной мелкозернистой илистой матрице (5); сильно деформированный горизонт белесых ламинарных слоев (4), в котором находился археологический комплекс, датированный с помощью ^{14}C $20\,240 \pm 300$ BP (Gif-10857) [Ibid.]; кальцинированные песчаные лессы (3, 2); каштанозем (1). Наиболее насыщенным находками оказался горизонт 2.

В дополнение к уже упомянутой дате А. В. Кандыбой на основе кости, найденной в коллекции горизонта 2 второго этапа раскопок, была получена еще одна радиоуглеродная дата – $18\,830 \pm 290$ л. н. (СОАН-8156) [Рыбин и др., 2016]. Корреляция описаний разрезов показывает, что в обоих раскопах горизонт 2 – комплекс, залегающий в поддерновом слое. Однако для раскопа второго этапа исследований этот слой описывался как «суглинок желтого цвета лессовидный». Участники французско-монгольской экспедиции при описании разреза 1996 г. характеризовали его как «кальцинированные песчаные лессы». Горизонт 4, откуда происходила вторая дата, описан ими как ламинарный слой. Проводилась аналогия со схожим по структуре слоем из разреза памятника Доролж-1 [Bertran et al., 2003], расположенного в среднем течении Селенги.

Действительно, большинство памятников, известных в том регионе, – Толбор-4, Толбор-21, Толбор-16, содержат ламинарный слой, формирование которого связано с неоднократными склоновыми процессами движения, оттаивания и замерзания грунтов. Он вмещает индустрии начального верхнего палеолита и может быть связан с холодным событием Хайнириха-4. Иного рода слоистость присуща горизонту 4 памятника Харганын-Гол-5, который залегают выше даты 32 000, полученной на контакте слоев 5 и 4 [Хаценович, 2018]. Он может быть связан с прохладными обстановками последнего максимума оледенения. Если дату $20\,240 \pm 300$ л. н. (Gif-10857) для горизонта 4 Мойлтын Ам считать инситуальной и надежной, то сформировался он в тех же обстоятельствах. Однако облик индустрии, характерной для горизонта 4, согласно результатам работ на всех трех этапах исследований, – среднепалеолитический или ранневерхнепалеолитический, с леваллуазской остройной технологией. Сомнительно, чтобы это могло соответствовать имеющимся абсолютным определениям.

Объяснением мог бы служить контекст залегания образца для датирования, но информация об этом отсутствует. Учитывая, что П. Бертран [Bertran et al., 2003] приводил стратиграфическое описание разреза зачистки, сделанной вверх по склону, где археология отсутствовала, а раскоп с археологическим материалом имел редуцированную стратиграфию, нам эта дата не представляется надежной. Леваллуазская технология встречается на стратифицированных памятниках Монголии спорадически, преимущественно в комплексах верхнего палеолита, и лишь в трех среднепалеолитических комплексах – памятника Харганын-Гол-5 (горизонты 7–6, > 50 000–43 000 л. н.) [Хаценович, 2018], Орхон-1, раскопы 1, 2 (горизонт 3, > 38 600 л. н.) [Деревянко и др., 2010] и Мойлтын Ам (горизонты 3–5). Проблема хроностратиграфии этих комплексов стала особо острой, когда были получены новые даты для ассамбляжей начального этапа верхнего палеолита, указывающие, что, вероятно, они появились на территории Монголии в период 45 000–41 000 л. н. Очевидно, какое-то время популяции начального верхнего палеолита сосуществовали и взаимодействовали с локальными носителями среднепалеолитического культурного набора, что создает принципиально новую проблематику для данного региона, требующую получения новых данных (прежде всего хронометрических) и уточнения стратиграфической ситуации уже известных объектов.

В данной ситуации, для того чтобы включить результаты современных работ в контекст предшествующих циклов исследований этого важного памятника, необходимо сопоставить культурно-стратиграфическое деление с уже имеющимися данными по стратиграфическому положению культурно-атрибутированных материалов, что весьма актуально для формулирования объективных выводов относительно характеристики имеющихся гипотез.

По этой причине анализ направлений проводится на материалах памятника Мойлтын Ам. Его цель – определение того, какие из культуровмещающих горизонтов являлись самостоятельными образованиями, не содержащими седименты из других геологических тел, а какие представляли собой результат перемещения материала по склону. Исходя из полученных данных, самостоятельные горизонты можно рассматривать независимо от других, как свидетельства отдельных хронологических этапов, в то время как горизонты, образованные смещением материала по склону, могут содержать смешанные разновременные комплексы.

Исследовалась степень сохранности и по возможности определялись условия формирования культуровмещающих горизонтов. Изучение сохранности проводилось с помощью сравнительного анализа направлений в каждом из слоев. Затем полученные данные были сопоставлены с результатами исследований, проводившихся французско-монгольской экспедицией.

Материалы

Памятник Мойлтын Ам находится на второй надпойменной террасе р. Орхон (47°10'43.41" с. ш., 102°47'19.79" в. д.) на высоте 1 475 м над уровнем моря, у пос. Хархорин Увэрхангайского аймака в Центральной Монголии (рис. 1). Это местонахождение имеет большую площадь, занимающую обширную часть выположенной террасы, и, очевидно, в древности интенсивно эксплуатировалось в силу специфического расположения: с террасы открывается вид на все правобережье долины Орхона, поблизости находился орхонский речной галечник – источник сырья для изготовления артефактов, рядом располагалась падь с временным водотоком и скальными образованиями, привлекательными для животных-бовид.

В 2018 г. Российско-Монголо-Американской совместной экспедицией были инициированы новые раскопки на памятниках Орхон-1 и Мойлтын Ам с целью проведения ряда анализов для их датирования (прежде всего – ОСЛ), определения условий осадконакопления, особенностей планиграфии и характера каменной индустрии.

Установлено, что по состоянию на 2018 г. большая часть памятника Мойлтын Ам (его примерная площадь, по мнению Ж. Жобера, составляет около 4 000 кв. м) уничтожена карьером. Лучше всего сохранилась часть подгорного шлейфа, в котором, скорее всего, и был защищен и описан стратиграфический разрез французской экспедицией. Однако подъемный материал, изобилующий на всей территории памятника вследствие антропогенного разрушения слоев, на подгорном шлейфе отсутствует. На краю террасы, отделенной от подгорного шлейфа раскопами и карьером, сохранились задернованные нетронутые участки, на одном из которых нами был заложен шурф 2 × 1 м, ориентированный по линии северо-запад – юго-восток. Его глубина составила 170 см. В 2019 г. он был расширен до раскопа, общей площадью 6 кв. м. В стратиграфическом разрезе выделено 6 слоев (рис. 2).

Слой 1 – дерн мощностью около 20 см, содержащий насыщенный культурный горизонт.

Слой 1.2 – поддерновый серо-коричневый, с редкими включениями мелкого щебня, сильно сцементированный.

Слой 2 – светлый лессовидный суглинок желто-серого цвета, с включениями мелкого щебня и редкой дресвы, мощностью 20–30 см. Слой карбонатный, присутствовал во всех предыдущих раскопах [Окладников, 1981; Vertran et al., 2003]. Наиболее вероятным представляется эоловый генезис с участием делювиальных процессов.

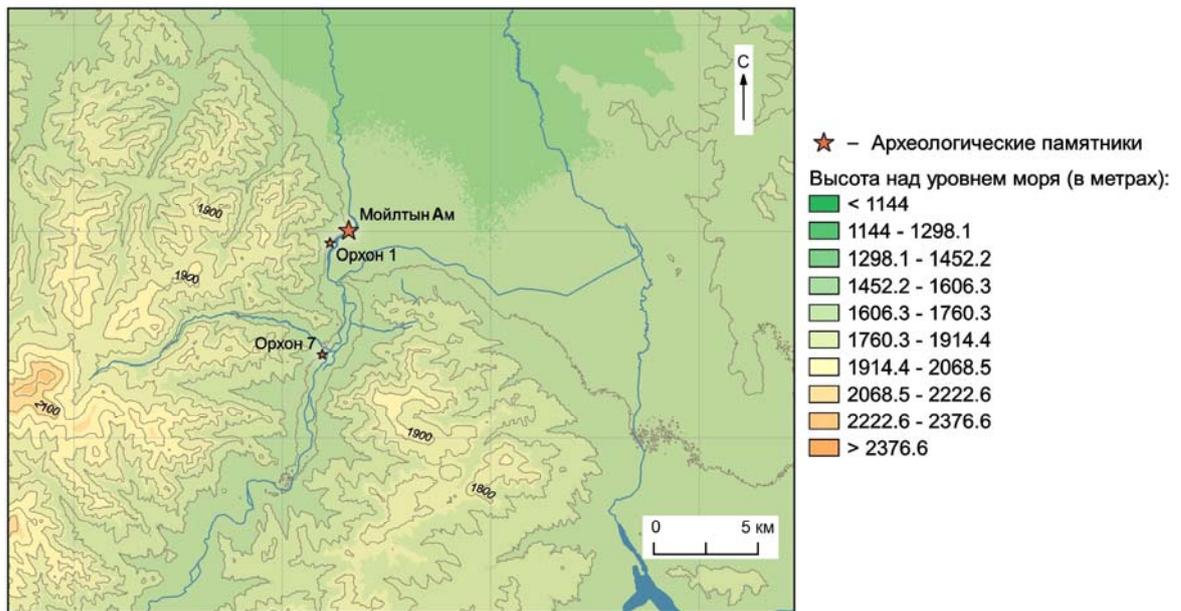

Рис. 1. Местоположение памятника Мойлтын Ам

Fig. 1. Location of the Moiltyn Am object

Рис. 2. Стратиграфический разрез (северо-западная стенка)

Fig. 2. Stratigraphic section (northwest wall)

Слой 3 – светлый желто-коричневый суглинок: содержит включения мелкого и крупного щебня мощностью 25–40 см, эолового генезиса с участием делювиальных процессов.

Слой 4 имел слабовыраженную смятую ламинарную структуру, представляющую собой чередование сцементированных, насыщенных мелкой щебенкой слоев двух типов – темно-коричневых суглинистых и светлых песчаных. Встречались и средние редкие валунчики. Мощность слоя 20–25 см. Описан в предыдущих исследованиях.

Слой 5 – темно-коричневый суглинок, с частыми включениями разрушающихся сланцеватых пород. Включенные породы имеют направление и слоистость, что указывает на возможный пролювиальный генезис. Мощность слоя до 45 см.

Слой 6 – светло-коричневый супесчаный, рыхлый, со значительным включением щебня. Подстигается горизонтом сланцеватых пород (не галечником). Мощность 10–12 см.

Слои 2–4 деформированы по одной линии, просаживаясь вниз, что может быть связано с криогенными процессами. Из каждого слоя были отобраны образцы для ОСЛ-датирования.

Слои 4, 5 и 6 объединяются нами в единую толщу. Соответствующие им культурные горизонты также, вероятнее всего, относились к одному времени.

Наиболее насыщенными археологическими находками оказались слои 2, 3 и 4. В слоях 5 и 6 артефакты зафиксированы, но плотность их распределения мала. В слое 5 найдена бусина из скорлупы азиатского страуса.

Методы

Входными данными для анализа направлений служат координаты двух концов находок, имеющих длинную ось (это могут быть, например, пластины, удлиненные обломки костей, обломки породы соответствующей формы). В нашем случае фаунистические находки, как и обломки породы, имевшие длинную ось, были немногочисленны (менее 10 экз. на один слой). По этой причине анализ проводился только по удлиненным каменным артефактам. При фиксации с помощью тахеометра три координаты (x , y и z) каждого из двух концов находки имеют достаточную точность для того, чтобы на их основе вычислить ориентацию и угол наклона длинной оси предмета. В исследовательской литературе было показано, как при использовании этой информации можно определить условия формирования отложений, а также характер и степень влияния постседиментационных процессов на палеолитические культурные слои [Lenoble, Bertran, 2004; Bertran, Texier, 1995; McPherron, 2005; 2018].

Процедура анализа требует вычисления собственных значений векторов (рассчитываются с помощью углов поворота и наклона длинной оси каждого предмета), на основе которых получаются два индекса: изотропии, который отражает степень разброса положений осей в трехмерном пространстве (при индексе изотропии, приближающемся к 1, длинные оси случайно ориентированы в трех измерениях), и вытянутости (если этот индекс приближается к 1, оси предметов параллельны друг другу). Использование обоих индексов дает объективную оценку положения длинных осей предметов в трехмерном пространстве. С помощью данных, полученных по современным отложениям в активных средах [Bertran et al., 1997; Lenoble et al., 2008], а также с привлечением экспериментальных данных [Texier et al., 1998; Domínguez-Rodrigo et al., 2014; Bertran et al., 2015], были определены диапазоны индексов, соответствующие различным деформациям отложений. При нанесении на треугольную диаграмму эти диапазоны образуют области (зоны), соответствующие результатам различных постдепозиционных процессов (солифлюкция, разная крутизна стока, осыпь и др.). Анализ направлений артефактов проводился с использованием ПО Stereonet для расчета собственных значений. Результаты представлены в виде розы-диаграммы для визуализации горизонтальной ориентации (север – юг) с ценой деления 20° . Наклоны каждого артефакта отражались на нижней полусфере Шмидта (подготовлены с использованием ПО PAST 3).

Сравнительный анализ направлений между культурными горизонтами подразумевал выполнение следующих задач:

- вычисление углов поворота и углов наклона, определение доминирующей ориентации удлинённых артефактов в каждом литологическом слое;
- сопоставление доли вертикально стоящих находок и их распределения в каждом слое;
- вычисление индексов изотропии и вытянутости, нанесение их на треугольную диаграмму, сопоставление с результатами исследований прошлых лет¹, сравнение показателей индексов между слоями.

Результаты

Анализ направлений был проведен на материалах четырех слоев: 1.2, 2, 3 и 4, содержащих более 10 удлинённых артефактов (далее УА). В слоях 1, 5 и 6 число УА было меньшим, по причине чего они не анализировались (см. таблицу).

Слой 1.2 представлял собой плотную глинистую линзу толщиной около 10 см. Она залегала под несколькими блоками породы и содержала в основном находки небольших размеров, а также фаунистические остатки. Ориентация удлинённых артефактов в ней тяготеет к оси северо-запад – юго-восток (рис. 3). Находки с наибольшим углом наклона (более 40°) концентрируются в восточном углу раскопа (рис. 4). Центральная часть раскопа рассечена длинной кротовиной, в которой находился один УА в вертикальном положении.

Слой 2, наиболее мощный в исследуемой пачке, в верхней части сильно нарушен роющими животными. УА с большим углом наклона встречались по всей толще слоя, концентрируясь в северо-восточной части раскопа (см. рис. 4). Доминирующей горизонтальной ориентации не наблюдается.

В слое 3 УА также не имеют доминирующей ориентации, вертикально стоящие находки в нем имеют наибольший удельный вес (см. таблицу). В плане УА с большим углом наклона сосредоточены у северо-западной стенки раскопа (см. рис. 4).

УА слоя 4 ориентированы по оси северо-запад – юго-восток. Доля вертикально стоящих находок в этом слое минимальна, планиграфически они тяготеют к юго-восточной стенке раскопа (см. рис. 4). Важно отметить, что в этой стенке, на уровне нижележащего слоя 5, было обнаружено смятое и почти вертикально стоящее пятно прокала.

Значения индексов изотропии и вытянутости распределились соответствующим образом (рис. 5, А). Индексы, полученные П. Бертраном, нанесены на график согласно их распределению на опубликованной треугольной диаграмме [Lenoble, Bertran, 2004. P. 468]. Верхние слои наших раскопок (1.2, 2 и 3) демонстрируют очень высокий уровень изотропии, слой 4 отличается от вышележащих как по уровню изотропии, так и по значению вытянутости удлинённых артефактов. Показатели индексов в сочетании с доминирующей ориентацией говорят об участии солифлюкции в формировании этого слоя: при движении по склону сухих частиц доминирующая ориентация возникает только на склонах круче 30° [Ibid. P. 462], в то время как на исследуемом участке склон гораздо более пологий. При нанесении индексов на треугольную диаграмму с обозначенными на ней диапазонами, характеризующими различные условия формирования отложений (солифлюкция, разная крутизна стока, осыпь и др.) (рис. 5, Б), индексы слоя 1.2 попадают в диапазон значений, характерный для осыпи; слои 2 и 3 также наиболее близки к осыпи, однако превосходят ее диапазон по уровню изотропии. Слой 4 наиболее близок по показателям к солифлюкции. В эту же группу попадают два из трех значений, полученных по результатам прошлых лет исследований этого памятника [Ibid.].

¹ См.: *Жобер Ж., Бертран П., Олив М., Эрденебаатар С.* Мойлтын-ам (Харорин, Увэр-Хангайский аймак, Монголия). Переход от среднего палеолита к верхнему в Монголии. 1997. 50 с. (рукопись); см. также: [Lenoble, Bertran, 2004].

Углы наклона и поворота удлиненных артефактов в литологических слоях памятника Мойлтын Ам
по материалам раскопок 2018–2019 гг.

The angles of inclination and rotation of elongated artifacts in the lithological layers of the Moiltyn Am site
based on excavation materials from 2018–2019

Слой	Количество УА	Всего артефактов	Доминирующая ориентация	Вертикально стоящих (угол погружения > 65°)		Угол погружения < 10°		Коэффициент	
				экз.	%	экз.	%	изотропии (IS)	выгнутоги (EL)
1	3	29	?	0	0	0	0	0,013	0,438
1.2	11	90	СВ-ЮЗ	2	18,18	4	36,36	0,513	0,359
2	55	381	нет	9	16,36	12	21,81	0,654	0,167
3	38	213	нет	12	31,57	10	26,31	0,623	0,314
4	15	197	СЗ-ЮВ	2	13,33	6	40	0,248	0,699
5	3	47	?	1	2,13	0	0	0,002	0,487
6	6	21	?	0	0	0	0	0,237	0,563

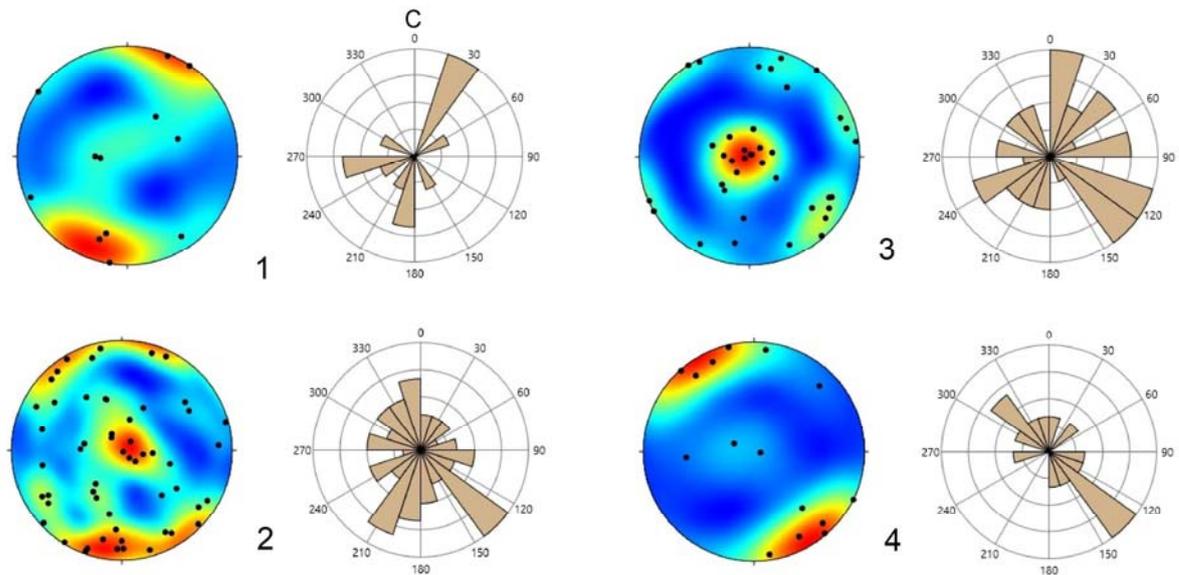

Рис. 3. Нижние полусферы Шмидта и роза-диаграммы для литологических слоев памятника Мойлтын Ам (по каменным артефактам): 1 – слой 1.2; 2 – слой 2; 3 – слой 3; 4 – слой 4

Fig. 3. The lower hemispheres of Schmidt and the rose diagram for the lithological layers of the object at Moiltyn Am (according to stone artifacts): 1 – layer 1.2; 2 – layer 2; 3 – layer 3; 4 – layer 4

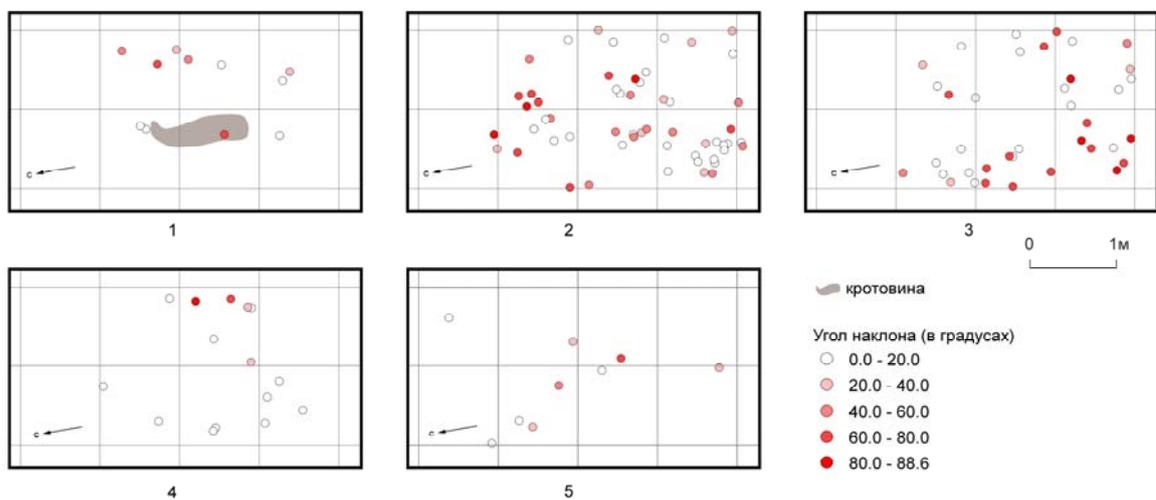

Рис. 4. Распределение углов наклона УА в плане:

1 – слой 1.2; 2 – слой 2; 3 – слой 3; 4 – слой 4; 5 – слои 5 и 6

Fig. 4. The distribution of the angle of inclination of the elongated artifacts in terms of: 1 – layer 1.2; 2 – layer 2; 3 – layer 3; 4 – layer 4; 5 – layers 5 and 6

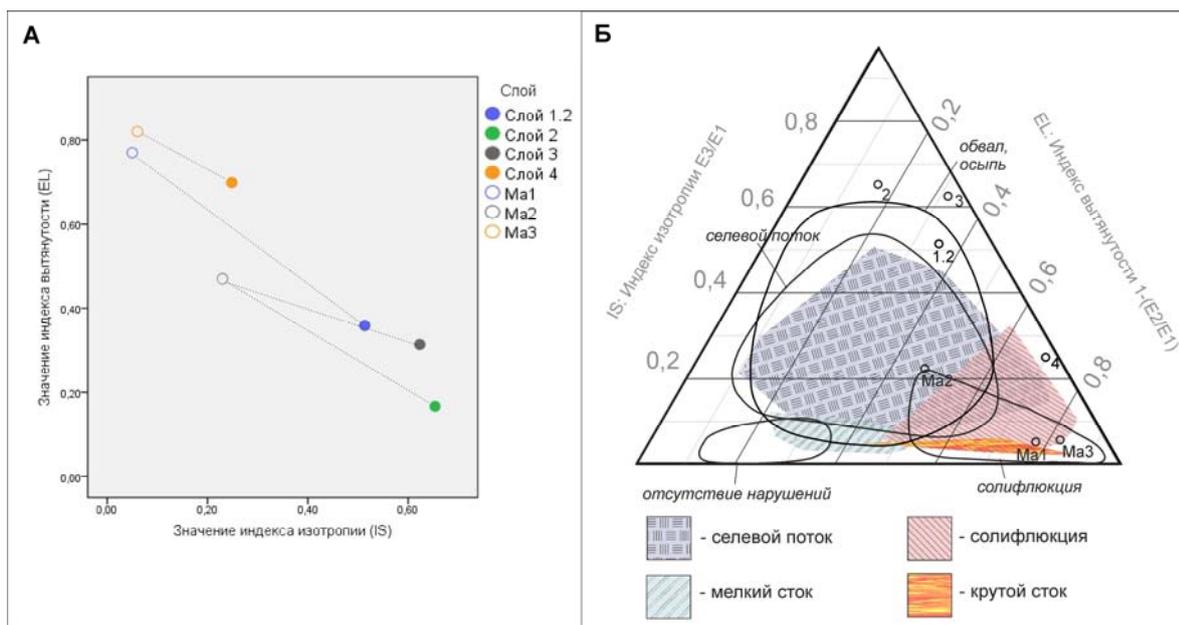

Рис. 5. Соотношение индексов изотропии и вытянутости:

А – индексы, нанесенные на график; Б – те же индексы, нанесенные на треугольную диаграмму с обозначением областей, соответствующих постдепозиционным процессам. Данные по слоям из отчета французско-монгольской археологической экспедиции обозначены Ma1, Ma2, Ma3; пунктирной линией связаны показатели слоев, выделенных французско-монгольской экспедицией, и соответствующих им слоев в раскопках 2018–2019 гг. Закрашенные области по: [McPherron, 2018], незакрашенные области по: [Lenoble, Bertran, 2004]

Fig. 5. The ratio of the indices of isotropy and elongation:

А – Indices plotted on the graph; Б – the same indices plotted on a triangular diagram with the designation of areas corresponding to post-deposition processes. The data on the layers from the report of the French-Mongolian archaeological expedition are designated Ma1, Ma2, Ma3; the dashed line shows the indicators of the layers identified by the French-Mongolian expedition and the layers corresponding to them in the excavations of 2018–2019. Shaded areas by: [McPherron, 2018], unshaded areas by: [Lenoble, Bertran, 2004]

Обсуждение

Французско-монгольской экспедицией на памятнике Мойлтын Ам была выявлена следующая стратиграфическая последовательность: слой 1 – поверхностная коллювиальная почва (мощность варьирует в разных разрезах от 20 до 45 см), в котором выделяются подразделения А и В; слой 2, подразделяющийся на карбонатный горизонт (мощностью от 20 до 35 см) и светло-желто-коричневый суглинок (мощностью 35–40 см), интерпретируется как лессовый². Эти подразделения выделялись как в основном разрезе (разрез 1), так и при описании шурфов, сделанном по условным горизонтам вскрытия (разрез 2)³.

Данное стратиграфическое деление в целом согласуется с тем, что было сделано в ходе наших работ 2018–2019 гг.: подразделение 1А соответствует слою 1, подразделение 1В – слою 1.2, верхнее подразделение слоя 2 соответствует слою 2, нижнее – слою 3 работ 2018–2019 гг.

² См.: Жобер Ж. и др. Мойлтын-ам... С. 23.

³ Там же. С. 21–22. В отчете Ж. Жобера условные горизонты вскрытия в пределах литологических слоев обозначены символом «штрих».

Французскими исследователями слой 3 был определен как гравелистый уровень с глинисто-песчаным цементирующим веществом мощностью около 20 см (разрез 1), что согласуется с характеристиками слоя 4 работ 2018–2019 гг. В разрезе 2 горизонт вскрытия 3' имел мощность 75 см и включал галечный слабосортированный материал и нижележащие линзы, располагающиеся по склону. Эти отложения интерпретировались как сформированные солифлюкцией⁴. Нижележащий слой 4 описывался как слоистые отложения, включавшие сланцевые обломки, чередующиеся с песчаными и плотными песчано-гравелистыми слоями. Эти образования интерпретировались французскими исследователями как пролювиальные уровни; фиксирующиеся в них галечные и щебнистые отложения они связывали с солифлюкционными потоками с каменистым фронтом. Ниже залегал стратифицированный галечник с малым количеством цементирующего материала (слой 5, мощность 30 см). На глубине более 2,5 м зафиксирована фрагментированная скальная порода⁵.

Археологический материал, согласно отчету, концентрировался в верхней части стратиграфической последовательности и в основном происходил из слоев 1, 2 и 3; слой 2 являлся наиболее насыщенным находками⁶, но ниже по разрезу их количество сильно уменьшалось вплоть до полного отсутствия. По этой причине в своем отчете французские исследователи говорят об «ансамблях» 1, 2 и 3⁷. Анализ направлений, выполнявшийся П. Бертраном в основном по каменным артефактам, показал случайное распределение археологического материала в слое 2, интерпретированное как следствие криотурбации – «пертурбации одного или нескольких уровней обитания под воздействием замерзания в активном слое мерзлоты». Слой 3 показал наличие предпочтительной ориентации, хорошо выраженной на склоне; его показатели на диаграмме вошли в сферу отложений, подвергшихся солифлюкции. В нижележащих отложениях зафиксирована доминирующая ориентация на склоне, а также растянутая угольная линза, что указывало на воздействие солифлюкции⁸. Результаты этого анализа вошли в публикацию [Lenoble, Bertran, 2004], где на треугольную диаграмму, наряду с данными по палеолитическим памятникам Франции, были нанесены показатели ансамблей 1, 2 и 3 Мойлтын Ам. Согласно этим результатам, слой 2 отличался от ниже- и вышележащих, входящих в зону солифлюкции.

При сравнении этих показателей с результатами, полученными по материалам 2018–2019 гг., наиболее близкие показатели демонстрируют ансамбль 3 и слой 4 (см. рис. 5, А). В целом в исследованных нами материалах отмечается более высокий уровень изотропии и несколько пониженные показатели вытянутости, что, вероятно, отражает различия в сохранности отложений на разных участках склона. Раскоп 2018–2019 гг. был расположен на относительно выположенной террасе, тогда как раскопы французско-монгольской экспедиции находились выше по склону. Материалы памятника, вероятнее всего, пережили неоднократное переотложение. Артефакты из слоя 2 были покрыты патиной и толстой карбонатной коркой с двух сторон, тогда как при спокойном положении артефакта корка образуется на его нижней части, а на верхней появляется патина. Это свидетельствует о неоднократных перемещениях археологического материала не только в слое, но и на поверхности.

Заключение

В результате анализа слой 4 памятника Мойлтын Ам продемонстрировал принципиально иные показатели, чем вышележащие отложения, как по доминирующей ориентации, так и по индексам изотропии и вытянутости. Это говорит о самостоятельности его образования. Значения для слоя в треугольной диаграмме приближаются к солифлюкции (см. рис. 5, Б). Не-

⁴ См.: *Жобер Ж. и др.* Мойлтын-ам... С. 23.

⁵ Там же. С. 22.

⁶ Там же. С. 34.

⁷ Там же. С. 28.

⁸ Там же. С. 26.

смотря на влияние этого процесса, слой 4 имеет лучшую сохранность в сравнении с верхними слоями. Сопоставление с материалами предшествующих исследований показало его близость к ансамблю 3, который, как и в нашем случае, фиксировал нижнюю границу концентрации археологических остатков в разрезе. Нижележащие слои, где археологические находки единичны, судя по расположению смятой линзы прокала в слое 5 на том же участке, где концентрируются вертикально стоящие находки слоя 4, подверглись нарушению вместе со слоем 4 уже после его образования. Сопоставление с результатами исследований прошлых лет подтверждает пролювиальную интерпретацию нижней части последовательности, подстилаемой скальной породой (слои 5 и 6).

Индексы остальных слоев (1.2, 2 и 3) находятся у верхней границы показателей осыпи (см. рис. 5, Б). Опираясь на диаграмму Шмидта по слою 2 (см. рис. 3), можно предполагать, что вскрытый участок фиксирует результат индивидуальных движений материала, а именно нижнюю часть осыпи, в которой УА не имеют доминирующей ориентации и демонстрируют сильный разброс в углах наклона [Bertran, Texier, 1995. P. 525]. На основе проведенного анализа можно заключить, что слой 4, в образовании которого принимали участие процессы солифлюкции, претерпел постседиментационные нарушения, видимые у юго-восточной стенки раскопа. Они затронули и нижележащие слои (в частности, слой 5). В иных, менее влажных, условиях формировались слои 3 и 2, образовавшие толщу мощностью около 50 см на исследуемом участке. Вышележащая тонкая поддерновая прослойка характеризуется схожими показателями индексов, однако в ней прослеживается доминирующая ориентация, что может быть следствием увлажнения.

Наблюдаемый во всех изученных слоях «сдвиг» в сторону увеличения индексов изотропии (см. рис. 5, А) при небольшом уменьшении вытянутости объясняется, по нашему мнению, локацией наших раскопок в нижней части склона относительно предыдущих исследований. Склон в этой части выполаживается, что уменьшает вытянутость осей по направлению склона, при этом высокие индексы изотропии характеризуют нижнюю часть осыпных отложений.

Таким образом, нами установлено соответствие между наблюдаемыми при раскопках 2018–2019 гг. литологическими единицами и стратиграфическим делением, которым оперировали предшествующие исследователи. С учетом результатов исследований прошлых лет прослежены изменения показателей направлений внутри слоев в зависимости от части склона, на которой они были изучены (увеличение индексов изотропии вниз по склону). Выявлено, что слой 4 являлся самостоятельным образованием, т. е. сформированным под действием солифлюкционных процессов, влияния которых выше по разрезу, в слоях 3 и 2, не наблюдается. Эти слои имеют близкие между собой показатели и, скорее всего, содержат разновременный перемещенный по склону материал.

Касаясь вопроса интерпретации культурно-стратиграфической последовательности памятника Мойлтын Ам с учетом полученных данных, можно отметить следующие основные позиции: верхние слои объекта представляют собой переотложенные разновременные комплексы, включающие материалы различных стадий верхнего и, возможно, среднего палеолита; именно этим объясняется сочетание довольно поздних дат с леваллуазским компонентом индустрии, отдельными формами, характерными для ранних стадий верхнего палеолита и отщеповым верхним палеолитом, характерным для поздних стадий МИС-3 и начала МИС-2 в Монголии. Иначе выглядят комплекс слоя 4 и нижележащие горизонты. Здесь возможны относительно гомогенные либо включающие переотложенные, близкие по времени, ассамбляжи начального верхнего палеолита с существенной, характерной для НВП Монголии леваллуазской составляющей.

Остается открытым вопрос выделения среднепалеолитических компонентов Мойлтын Ам. На участке, изученном Ж. Жобером, и на участке раскопа 2018–2019 гг. выделить среднепалеолитический слой не представляется возможным. В то же время, судя по рисункам из монографии А. П. Окладникова [1981] и предложенной им интерпретации горизонтов 5 и 4, па-

мятник Мойлтын Ам представляет собой ярко выраженный «леваллуа-мустьерский» комплекс. Действительно, на предложенных иллюстрациях имеются многочисленные яркие формы леваллуазских изделий, артефакты, типичные для НВП, единичны. Возможны два варианта объяснения этого феномена: раскоп А. П. Окладникова располагался на участке памятника, где имелся не представленный в других частях слой среднего палеолита; на рисунках присутствует определенная выборка изделий, учитывая, что общая площадь раскопов А. П. Окладникова (178 кв. м) в десятки раз больше территории, вскрытой более поздними раскопами. В коллекции, которой оперировал А. П. Окладников, имеется и куда более представительная в количественном отношении (по сравнению с остальными категориями артефактов, представленных на рисунках) выборка леваллуазских изделий. Учитывая это, вероятно отнесение комплексов нижних горизонтов к одной традиции начального верхнего палеолита, исключая возможный среднепалеолитический компонент. Более определенно на этот вопрос могло бы ответить изучение в настоящее время недоступного материала из коллекций старых раскопок. Однако, учитывая имеющиеся данные из различных частей памятника, вторая точка зрения представляется предпочтительной. В данном случае комплексы Мойлтын Ам демонстрируют схожую с долиной Толбора в Северной Монголии последовательность смены этапов, когда индустрии НВП / РВП с характерной для восточной части Центральной Азии выраженной леваллуазской составляющей замещаются отщеповыми комплексами последнего ледникового максимума и финала МИС-3.

Список литературы

- Деревянко А. П., Кандыба А. В., Петрин В. Т. Палеолит Орхона. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. 384 с.
- Окладников А. П. Палеолит Центральной Азии. Мойлтын ам. Новосибирск: Наука, 1981. 460 с.
- Рыбин Е. П., Хаценович А. М., Кандыба А. В. Палеолитическое заселение Монголии: по данным абсолютной хронологии // Изв. АлтГУ. 2016. Вып. 2 (90). С. 245–254.
- Хаценович А. М. Ранние этапы верхнего палеолита Северной Монголии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2018. 30 с.
- Bertran P., Fontugne M., Jaubert J. Permafrost Aggradation followed by Brutal Degradation During the Upper Pleniglacial in Mongolia: the Probable Response to the H2 Heinrich Event at 21 kyr BP. *Permafrost Periglacial Process*, 2003, vol. 14, p. 1–9.
- Bertran P., Texier J.-P. Fabric Analysis: Application to Paleolithic Sites. *Journal of Archaeological Science*, 1995, vol. 22, p. 521–535.
- Bertran P., Hétu B., Texier J.-P., Van Steijn H. Fabric characteristics of subaerial slope deposits. *Sedimentology*, 1997, vol. 44, p. 1–16.
- Domínguez-Rodrigo M., Uribelarrea D., Santonja M., Bunn H. T., García-Pérez A., Pérez-González A., Panera J., Rubio-Jara S., Mabulla A., Baquedano E., Yravedra J., Diez-Martín F. Autochthonous anisotropy of archaeological materials by the action of water: experimental and archaeological reassessment of the orientation patterns at the Olduvai sites. *Journal of Archaeological Science*, 2014, vol. 41, p. 44–68.
- Bertran P., Beauval C., Boulogne S., Brenet M., Costamagno S., Feuillet T., Laroulandie V., Lenoble A., Malaurent Ph., Mallye J.-B. Experimental archaeology in a mid-latitude periglacial context: insight into site formation and taphonomic processes. *Journal of Archaeological Science*, 2015, vol. 57, p. 283–301.
- Lenoble A., Bertran P. Fabric of Palaeolithic levels: methods and implications for site formation processes. *Journal of Archaeological Science*, 2004, vol. 31, p. 457–469.
- Lenoble A., Bertran P., Lacrampe F. Solifluction-induced modifications of archaeological levels: simulation based on experimental data from a modern periglacial slope and application to French Palaeolithic sites. *Journal of Archaeological Science*, 2008, vol. 35, p. 99–110.

- McPherron S. J. P.** Artifact orientations and site formation processes from total station proveniences. *Journal of Archaeological Science*, 2005, vol. 32, p. 1003–1014.
- McPherron S. J. P.** Additional statistical and graphical methods for analyzing site formation processes using artifact orientations. *PLoS ONE*, 2018, vol. 13 (1). DOI 10.1371/journal.pone.0190195
- Texier J. P., Bertran P., Coutard J. P., Francou B., Gabert P., Guadelli J. L., Ozouf J. C., Plisson H., Raynal J. P., Vivent D.** TRANSIT, An Experimental Archaeological Program in Periglacial Environment: Problem, Methodology, First Results. *Geoarchaeology: An International Journal*, 1998, vol. 13, no. 5, p. 433–473.

References

- Bertran P., Beauval C., Boulogne S., Brenet M., Costamagno S., Feuillet T., Laroulandie V., Lenoble A., Malaurent Ph., Mallye J.-B.** Experimental archaeology in a mid-latitude periglacial context: insight into site formation and taphonomic processes. *Journal of Archaeological Science*, 2015, vol. 57, p. 283–301.
- Bertran P., Fontugne M., Jaubert J.** Permafrost Aggradation followed by Brutal Degradation During the Upper Pleniglacial in Mongolia: the Probable Response to the H2 Heinrich Event at 21 kyr BP. *Permafrost Periglacial Process*, 2003, vol. 14, p. 1–9.
- Bertran P., Héту B., Texier J.-P., Van Steijn H.** Fabric characteristics of subaerial slope deposits. *Sedimentology*, 1997, vol. 44, p. 1–16.
- Bertran P., Texier J.-P.** Fabric Analysis: Application to Paleolithic Sites. *Journal of Archaeological Science*, 1995, vol. 22, p. 521–535.
- Derevianko A. P., Kandyba A. V., Petrin V. T.** Paleolit Orkhona [Paleolithic of Orkhon]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2010, 384 p. (in Russ.)
- Domínguez-Rodrigo M., Uribelarrea D., Santonja M., Bunn H. T., García-Pérez A., Pérez-González A., Panera J., Rubio-Jara S., Mabulla A., Baquedano E., Yravedra J., Díez-Martín F.** Autochthonous anisotropy of archaeological materials by the action of water: experimental and archaeological reassessment of the orientation patterns at the Olduvai sites. *Journal of Archaeological Science*, 2014, vol. 41, p. 44–68.
- Khatsenovich A. M.** Rannie etapy verkhnego paleolita Severnoi Mongolii [Early stages of the Upper Paleolithic in Northern Mongolia]. Cand. hist. sci. syn. diss. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2018, 30 p. (in Russ.)
- Lenoble A., Bertran P.** Fabric of Palaeolithic levels: methods and implications for site formation processes. *Journal of Archaeological Science*, 2004, vol. 31, p. 457–469.
- Lenoble A., Bertran P., Lacrampe F.** Solifluction-induced modifications of archaeological levels: simulation based on experimental data from a modern periglacial slope and application to French Palaeolithic sites. *Journal of Archaeological Science*, 2008, vol. 35, p. 99–110.
- McPherron S. J. P.** Additional statistical and graphical methods for analyzing site formation processes using artifact orientations. *PLoS ONE*, 2018, vol. 13 (1). DOI 10.1371/journal.pone.0190195
- McPherron S. J. P.** Artifact orientations and site formation processes from total station proveniences. *Journal of Archaeological Science*, 2005, vol. 32, p. 1003–1014.
- Okladnikov A. P.** Paleolit Tsentral'noi Azii. Moiltyn Am [Paleolithic of Central Asia. Moiltyn Am]. Novosibirsk, Nauka, 1981, 460 p. (in Russ.)
- Rybin E. P., Khatsenovich A. M., Kandyba A. V.** Paleoliticheskoe zaselenie Mongolii: po danym absolyutnoi khronologii [Paleolithic settlement of Mongolia: according to absolute chronology]. *Izvestiya AltGU [Izvestiya of Altai State University]*, 2016, iss. 2 (90), p. 245–254. (in Russ.)
- Texier J. P., Bertran P., Coutard J. P., Francou B., Gabert P., Guadelli J. L., Ozouf J. C., Plisson H., Raynal J. P., Vivent D.** TRANSIT, An Experimental Archaeological Program in

Periglacial Environment: Problem, Methodology, First Results. *Geoarchaeology: An International Journal*, 1998, vol. 13, no. 5, p. 433–473.

Материал поступил в редколлегию
Received
25.02.2020

Сведения об авторах

Марченко Дарья Валерьевна, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
dasha-smychagina@yandex.ru
ORCID 0000-0003-3021-0749

Хаценович Арина Михайловна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
archeomongolia@gmail.com
ORCID 0000-0002-8093-5716

Рыбин Евгений Павладьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
ryber@yandex.ru
ORCID 0000-0001-7434-2757

Базаргур Дашзевег, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии МАН (ул. Жукова, 77, Улан-Батор, 13343, Монголия)
dbazargur_0622@yahoo.com

Гунчинсүрэн Бямбаа, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии каменного века Института археологии МАН (ул. Жукова, 77, Улан-Батор, 13343, Монголия)
bgunchinsuren@yahoo.com
ORCID 0000-0001-5052-5081

Олсен Джон Уилфред, почетный регент-профессор Школы антропологии Университета Аризоны (Юго-Восточный проезд, 1009, Тусон, AZ 85721, США)
olsenj@email.arizona.edu
ORCID 0000-0001-5295-7451

Information about the Authors

Daria V. Marchenko, Junior Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
dasha-smychagina@yandex.ru
ORCID 0000-0003-3021-0749

Arina M. Khatsenovich, PhD in History, Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
archeomongolia@gmail.com
ORCID 0000-0002-8093-5716

Evgeny P. Rybin, PhD in History, Senior Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
rybep@yandex.ru
ORCID 0000-0001-7434-2757

Dashzeveg Bazargur, PhD in History, Senior Researcher at the Institute of Archaeology MAS (77 Zhukov St., Ulaanbaatar, 13343, Mongolia)
dbazargur_0622@yahoo.com

Byambaa Gunchinsuren, PhD in History, Head of Stone Age Department at the Institute of Archaeology MAS (77 Zhukov St., Ulaanbaatar, 13343, Mongolia)
bgunchinsuren@yahoo.com
ORCID 0000-0001-5052-5081

John W. Olsen, Regents' Professor Emeritus at the School of Anthropology of the University of Arizona (1009 Southeast Road, Tucson, AZ 85721, USA)
olsenj@email.arizona.edu
ORCID 0000-0001-5295-7451

УДК 902

DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-86-102

Средний неолит полуострова Камчатка

И. Ю. Понкратова

*Северо-Восточный государственный университет
Магадан, Россия*

Аннотация

При исследовании памятников среднего неолита Камчатки важно установить хронологию и набор критериев для выделения данного периода в древнейшей истории региона. Источниками нашей работы послужили материалы изучения культурных слоев, жилищ и отдельных артефактов 46 археологических объектов. Установлено, что средний неолит Камчатки может быть датирован периодом 4 000–1 500 кал. л. н. Допустимо предположить, что при возросшей численности населения и изменении экологической обстановки сложился новый уклад жизни населения, связанный с высокоспециализированной комплексной присваивающей экономикой, что привело к формированию отдельной археологической культуры (тарьинской).

Ключевые слова

Камчатка, вулканическая активность, средний неолит, тарьинская культура, трехгранные наконечники, тесла, посуда из дерева, плетение, мелкая пластика

Для цитирования

Понкратова И. Ю. Средний неолит полуострова Камчатка // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография. С. 86–102. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-86-102

Middle Neolithic of the Kamchatka Peninsula

I. Yu. Ponkratova

*North-Eastern State University
Magadan, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The study of archaeological sites of the Middle Neolithic of Kamchatka should offer a chronology and a set of criteria for identifying the period.

Results. The research data is based on the materials of the studied cultural layer, buried dwellings and individual artifacts of 46 archaeological sites. It has been established that the average Neolithic of Kamchatka can be dated back to 4 000–1 500 cal BP. The sites were found on high water-glacial terraces with a height of 4 to 30 meters on the banks of large rivers and lakes, the sea coast of the eastern part of the peninsula. Their number had increased compared to the previous period. Dwellings had become more complex. Perhaps this is due to the need to have more reliable shelters in the conditions of the marine climate and frequent precipitation of volcanic ash. The ground buildings, semi-underground dwellings and workshops for the manufacture of stone tools were found at the sites. Near the dwellings, special fortifications in the form of artificial ditches and ramparts made of stones and soil were also found. These may have been defensive structures. The increased population size, its settlement mainly along the coast in order to develop marine resources, may have caused conflicts between certain groups of the population in the struggle for the best fishing sites. The stone industry is represented by cores (amorphous and prismatic knife-shaped blades) and primary cleavage products (knife-shaped blades of different sizes without retouching, with edge retouching and on both sides). Among the tools there were retouched triangular stone arrowheads without stem and with stem, leaf-shaped, including miniature, arrowheads; knives – narrow and wide-bladed with a dedicated handle, leaf-shaped oval; roughly beaten and polished sharp-edged adzes of different sizes with a sub-triangular and oval cross-section; end scrapers of various geometric shapes; calibrators of arrow shafts. The strategy of life support of society was aimed at hunting for marine mammals, fishing and gathering, including shellfish. In the sphere of spiritual culture, signs of ceremonial activity (labrets) and art (small figurines and ornaments) have also been identified.

© И. Ю. Понкратова, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography

Conclusion. It is assumed that with an increased population size and changes in the environmental situation, a new way of life of the population developed, associated with a highly specialized and complex appropriating economy which essentially formed its own archaeological culture (Taryinskaya culture).

Keywords

Kamchatka, volcanic activity, the Middle Neolithic, Taryinskaya culture, three-sided tips, adze, wooden utensils, weaving, small plastic

For citation

Ponkratova I. Yu. Middle Neolithic of the Kamchatka Peninsula. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 86–102. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-86-102

Введение

Периодизация археологических культур и памятников полуострова Камчатка впервые была составлена Н. Н. Диковым, который разделил неолит на ранний («первая ушковская мезолитическая культура»), средний («вторая ушковская мезолитическая культура»), развитый («тарьинская культура») и пережиточный неолит [1977. С. 61, 72; 1979. С. 106–128, 169].

Т. М. Диковой по радиоуглеродному датированию были определены этапы неолита юга Камчатки [1983. С. 167–168]:

- ранний – с $5\,200 \pm 100$ (МАГ-306) до $4\,210 \pm 135$ л. н. (МАГ-317);
- средний – с $3\,450 \pm 100$ (МАГ-310) до $1\,050 \pm 100$ л. н. (МАГ-722);
- поздний – с 950 ± 70 (МАГ-305) до 380 ± 50 л. н. (МАГ-315).

В последующие годы А. К. Пономаренко на основе открытых и исследованных новых памятников выделил ранний неолит с соответствующей ему «ушковско-авачинской культурой бродячих охотников» и развитый неолит «тарьинской культуры оседлых рыбаков». Тарьинская культура¹, по мнению исследователя, в своем развитии прошла три этапа: развитый – тарьинский ($5\,200 \pm 100$ – $2\,070 \pm 90$ л. н.), поздний – кроноцкий (I тыс. н. э.) и пережиточный – налычево-никульский (со II тыс. н. э. до XVII в.) [Пономаренко, 2005; 2014. С. 114–137].

Изучение в 2004–2011 гг. многослойных стоянок Ушки позволило автору конкретизировать хронологию, особенности этапов их заселения и применить эти данные для уточнения периодизации эпохи камня Камчатки. При этом учитывались материалы археологических памятников региона, исследованных в разные годы (например, [Диков, 1977; Дикова, 1983; Пономаренко, 1985; 2000; 2014] и др.).

К 2020 г. на Камчатке известно около 46 изученных в разной степени археологических памятников, которые могут быть отнесены к периоду среднего неолита (табл. 1). Из них наиболее полно исследованы стоянки Ушки II (слой II), Ушки III, Жупаново (слой III), Большой Камень I, Авача и др. На современном этапе самая ранняя дата получена по углю из культурного слоя на стоянке Извилистая – $3\,640 \pm 40$ л. н. / $4\,014$ – $3\,856$ кал. л. н. (NOSAMS-79250). Нижней границей среднего неолита могут быть даты стоянок Столбовая I (жилище 1) – $2\,020 \pm 25$ л. н. / $2\,049$ – $1\,919$ кал. л. н. (NOSAMS-85971) и Ушки III – $2\,070 \pm 190$ л. н. / $2\,491$ – $1\,562$ кал. л. н. (МО-354). Таким образом, хронологические рамки среднего неолита Камчатки могут быть ограничены временем около $4\,000$ – $1\,500$ кал. л. н.

Накопленные материалы нуждаются в обобщении, что на основе новых данных позволит выделить хронологические границы среднего неолита, охарактеризовать уклад жизни людей в этот период, связанный с развитием высокоспециализированной комплексной присваивающей экономики, а также выявить общее в материалах стоянок и этнографических коллекциях народов, населявших не только Камчатку, но соседние территории северной части Тихого океана. Решение данных трех исследовательских рабочих задач поможет в достижении цели настоящей публикации, состоящей в общей характеристике истории региона в этот период.

¹ Названа по первым находкам неолитического облика в бухте Тарья [Диков, 1979. С. 120].

Таблица 1

Археологические объекты среднего неолита полуострова Камчатка

Table 1

Archaeological sites of the Kamchatka Peninsula in Middle Neolithic period

№ п/п	Археологический объект	Индекс и номер ¹⁴ C даты	¹⁴ C дата, л. н.	Калиброванная дата, л. н., ± 2σ
Северо-восточная Камчатка				
1	Столбовая XIII			
2	Столбовая XIV			
3	Столбовая XV			
4	Столбовая I, жилище 1	NOSAMS-85971	2 020 ± 25	2 049–1 919
5	Кулук I	NOSAMS-79021	2 120 ± 25	2 152–2 003
6	Кулук II	NOSAMS-79022	2 320 ± 25	2 358–2 312
7	Кулук V			
8	Кулук VI			
Под пеплом вулкана Ксудач (извержение 1 800 л. н.)				
9	Извилистая	NOSAMS-79250 NOSAMS-79249 NOSAMS-79248	3 640 ± 40 3 320 ± 40 2 990 ± 30	4 014–3 856 3 640–3 452 3 265–3 075
10	Нерпичье			
11	Храпунское I, жилище 1	NOSAMS-85972	1 990 ± 25	1 992–1 887
Центральная Камчатка				
12	Ушки I (слой III)			
13	Ушки II (слой III)			
Нет данных				
14	Ушки III	МО-354 МАГ-5 РУЛ-607	2 070 ± 190 2 160 ± 290 2 440 ± 80	2 491–1 562 2 809–1 516 2 723–2 346
15	Застойчик			
16	Ключи	МАГ-4	3 875 ± 350	5 145–3 446
Восточная Камчатка				
17	Жупаново (слой III)	ГИН-8139 ИВАН-343 ИВАН-170	2 540 ± 60 2 470 ± 50 2 240 ± 60	2 758–2 451 2 624–2 425 2 352–2 115
18	Копыто II	ИВАН-343 ГИН-8139	2 470 ± 50 2 540 ± 60	2 624–2 425 2 757–2 451

№ п/п	Археологический объект	Индекс и номер ¹⁴ C даты	¹⁴ C дата, л. н.	Калиброванная дата, л. н., ± 2σ
Южная и юго-восточная Камчатка				
19	Авача (Авача VII) (слой II)	Крил-252 МАГ-310	2 990 ± 100 3 450 ± 100	3 388–2 919 3 933–3 468
20	Большой Камень I (Паратунка XIV)	ГИН-8147 ИВАН-355	2 910 ± 100 2 410 ± 180	3 338–2 844 2 852–2 032
21	Старый острог (Елизово)	ГИН-183	3 900 ± 100	4 584–4 068
22	Лиственничная II	ГИН-6381	2 360 ± 40	2 492–2 322
23	Вестник	ГИН-6384	2 690 ± 30	2 849–2 753
24	Устье ручья Рябухина (Лопатка)	ГИН-7049	3 540 ± 60	3 980–3 686
		ГИН-7048	3 330 ± 70	3 720–3 396
		ГИН-7046	3 050 ± 100	3 455–2 959
		ГИН-7047	3 000 ± 150	3 480–2 787
25	Лопатка I (жил. II)	МАГ-313	2 200 ± 100	2 366–1 925
26	Плотникова II	Нет данных	2 320 ± 170 3 440 ± 80	2 752–1 967 3 893–3 549
27	Большая Саранная	ГИН-6385	2 500 ± 50	2 740–2 435
28	Авача II	Под пеплом вулкана Ксудач (извержение 1 800 л. н.)		
29	Авача VI	ГИН-852а	2 540 ± 40	2 644 – 2 488
30	Авача VIII	Под пеплом вулкана Ксудач (извержение 1 800 л. н.)		
31–34	Паратунка II, V, VI, IX			
35–43	Островная X, XIX, XXVI, XXX, XXXVI, XXXVII, XLV, XLVII, XLVIII			
44–46	Вахиль II, VIII, X	Под пеплом вулкана Ксудач (извержение 1 800 л. н.)		

Примечание. Таблица составлена по: [Диков, 1977; 1979; Дикова, 1983; Понкратова, 2018; Понмаренко, 1985; 2000, 2014; Hulse et al., 2011; Pendea et al., 2017].
 Note. Table compiled by: [Dikov, 1977; 1979; Dikova, 1983; Ponomarenko, 2018; Ponomarenko, 1985; 2000, 2014; Hulse et al., 2011; Pendea et al., 2017].

Палеоклимат и природная среда

Средний неолит пришелся на время позднего голоцена, для которого был характерен более холодный климат, чем в предыдущий период [Дирксен, 2017. С. 35]. В интервале от 4 400 до 3 300 л. н.² увеличилась доля хвойной растительности (лиственница (*Larix*), распространился влаголюбивый высокорослый лабазник камчатский (*Filipendula camchatika*) – преобладающая трава и в современной растительности Камчатки. После 3 300 л. н. существенно расширились березовые леса и кустарники (*Betula ermanii*, *Betula nana*); распространились восковник (*Myrica*), вереск (*Ericaceae*), сосна стланиковая (*Pinus pumila*). В водно-болотных сообществах увеличились доли сфагнома (*Sphagnum*), хвоща (*Equisetum*), появилась вахта трехлистная (*Menyanthes trifoliata*). Между 3 000 и 1 500 л. н. климат, в целом прохладный и влажный, улучшился. В это время преобладали береза кустарниковая (*Betula nana / humilis*), восковник (*Myrica*), вереск (*Ericaceae*), сосна стланиковая (*Pinus pumila*), осоковые (*Cyperaceae*), злаковые (*Poaceae*), таволга (*Filipendula*) и др. Около 1 500 л. н. образовались современные пейзажи [Pendea et al., 2017].

Голоценовые комплексы сухопутных млекопитающих были представлены такими видами, как северный олень, снежный баран, возможно, овцебык, заяц, лисица, песец, волк, россомаха, выдра, соболь, горностаи, длиннохвостый суслик, черношапочный сурок, сибирский лемминг, полевки и др. В пресноводной ихтиофауне доминирующее положение занимали тихоокеанские лососи [Сметанин, 2011].

В периоды относительного похолодания в северо-западной части Тихого океана, т. е. в восточной части полуострова, общая биопродуктивность морских экосистем увеличивалась. Начиная со времени 4 800 л. н. на Камчатке основными видами морских млекопитающих были тюлени, северные морские котики, сивучи, каланы и др.; в числе промысловых птиц – чистики, трубконосы, бакланы и морские утки; рыбы – тихоокеанская треска, бровастый терпуг, бычок, морской окунь и др. [Крылович, 2013].

В голоцене на Камчатке произошло более 40 крупных вулканических извержений с объемами тефры 0,5–170 куб. км [Брайцева и др., 2001], из них в неолите – 34 (табл. 2). Самым крупным было эксплозивное извержение с образованием кальдеры Курильского озера. Семь извержений имели выброс пирокластического материала в интервале 8–19 куб. км. Пять привели к формированию кальдер, которые, в свою очередь, существенно изменили рельеф и гидросеть на огромной территории. В период с 4 000 по 1 500 л. н. произошло 11 катастрофических извержений. Как экологическая катастрофа оценивается извержение расположенного в южной части полуострова вулкана Ксудач, пепел которого выпал над всей восточной и южной Камчаткой около 1 800 л. н. [Пономарева и др., 2010. С. 231].

Археологические памятники среднего неолита Камчатки

Особенности эпохи среднего неолита Камчатки определяются по материалам археологических памятников. Для северо-восточной Камчатки это Столбовая I, XIII–XV, Култук I, II, V, VI, Извилистая, Нерпичье, Храпунское I; для центральной Камчатки – Ушки I, II (слой III), Ушки III, Застойчик, Ключи; для южной и юго-восточной Камчатки – Жупаново (слой III), Копыто II, Авача (Авача VII), Большой Камень I (Паратунка XIV), Старый острог (Елизово), Лиственничная II, Вестник, Устье ручья Рябухина и др. [Гусев и др., 2013; Диков, 1977; Дикова, 1983; Hulse et al, 2011; Pendea et al., 2017] (рис. 1).

В устье р. Столбовой в северо-восточной части Камчатки (Усть-Камчатский район) А. К. Пономаренко [2000] были открыты 2 стоянки. В результате обследования в 2010 г.

² Даты календарные с учетом калибровки.

Таблица 2

Крупнейшие вулканические извержения
на полуострове Камчатка в неолите

Table 2

Largest volcanic eruptions
on the Kamchatka Peninsula during the Neolithic period

№ п/п	Код и маркер возраста вулканического извержения	Источник извержения, объем изверженных продуктов, км ³	Средний ¹⁴ C возраст, л. н.
1	ОП	Опала, кратер Бараний Амфитеатр, 9–10	1500
2	КС¹	Ксудач, 18–19	1750
3	БЗ	Безымянный, ~ 1	2300
4	ХД	Ходуткинский кратер, 1–1.5	2500
5	Ш ⁵	Шивелуч, ~ 1	2550
6	Ш ²⁸⁰⁰	Шивелуч, ≥ 1	2800
7	П АВ ³	Авачинский, > 1.2	3300
8	П АВ1 (АВ1)	Авачинский, ≥ 3.6	3500
9	Ш ^{сп}	Шивелуч, ~ 1	3600
10	Ш	Шивелуч, ≥ 1	3750
11	ІАв24 (АВ2)	Авачинский, ≥ 0.6	4000
12	Ш ^{аб}	Шивелуч, ≥ 2	4100
13	ІАв20 (АВ3)	Авачинский, ≥ 1.1	4500
14	ОПтр	Кратер Чаша, 0.9–1	4600
15	Ш ⁴⁷⁰⁰	Шивелуч, ≥ 2	4700
16	ЖЛТ	Ильинский, 1.2–1.4	4850
17	Ш ⁴⁸⁰⁰	Шивелуч, ≥ 2	4800
18	ІАв12 (АВ ⁴)	Авачинский, ≥ 1.3	5500
19	Ш ⁵⁶⁰⁰	Шивелуч, ≥ 1	5600
20	КС²	Ксудач, 7–8	6000
21	КС ³	Ксудач, 0.5–1	6350
22	ІАв ⁵	Авачинский, ≥ 2,5	6500
23	Ш ⁶⁸⁵⁰	Шивелуч, 1.2	6850
24	ХГ	Хангар, 14–16	6900
26	ІАв2	Авачинский, ≥ 8–10	7150
26	КЗ	Кизимен, 4–5	7550
27	КО	Кальдера Курильского озера, 140–170	7600
28	Ш	Шивелуч, ≥ 1	7900
29	КРМ	Карымская кальдера, 13–16	7900
30	Ш	Шивелуч, ≥ 2	8100
31	Ш	Шивелуч, ≥ 1	8200
32	Ш ⁸³⁰⁰	Шивелуч, ≥ 2	8300
33	ПЛ	Плоские сопки (Ушковский), ≥ 2	8600
34	КС ⁴	Ксудач, 1.5–2	8850

Примечание. Извержения перечислены в хронологическом порядке. Радиоуглеродные возрасты круглены до ближайших 50 лет. Жирным шрифтом выделены извержения, последствия которых оценены как экологическая катастрофа для населения. Таблица составлена по: [Пономарева и др., 2010].

Note. Eruptions are listed in chronological order. Radiocarbon ages are rounded to the nearest 50 years. Bold italics indicate eruptions that have been assessed as an environmental disaster for the population. The table is based on: [Ponomareva et al., 2010].

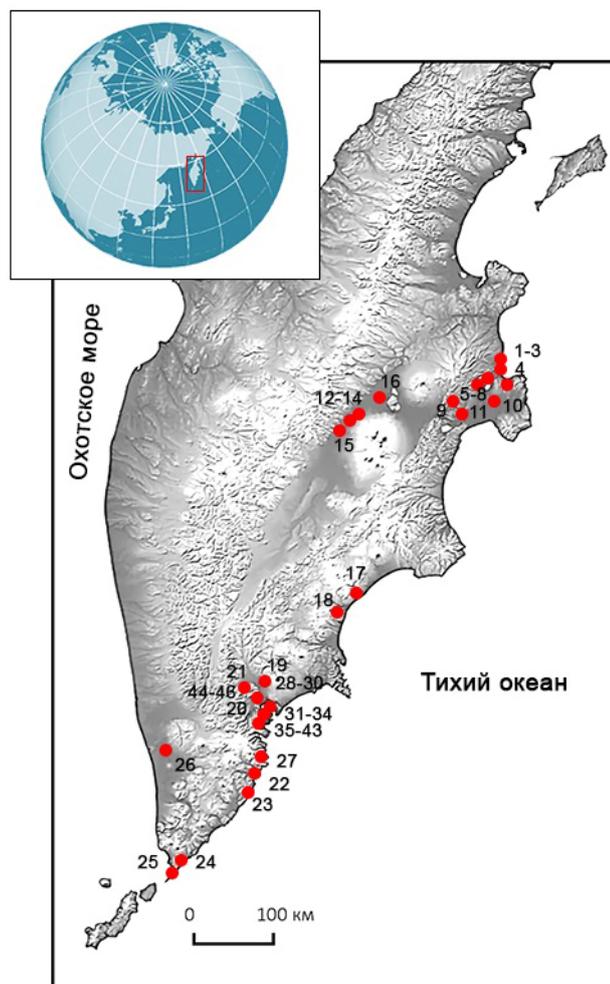

Рис. 1. Карта расположения памятников среднего неолита на полуострове Камчатка (составлена по: [Диков, 1977; 1979; Дикова, 1983; Пономаренко, 1985; 2000; 2014; Hulse et al., 2011; Pendea et al., 2017]):

1 – Столбовая XII; 2 – Столбовая XIII; 3 – Столбовая XV; 4 – Столбовая I; 5 – Култук I; 6 – Култук II; 7 – Култук V; 8 – Култук VI; 9 – Извилистая; 10 – Нерпичье; 11 – Храпунское I; 12 – Ушки I; 13 – Ушки II; 14 – Ушки III; 15 – Застойчик; 16 – Ключи; 17 – Жупаново; 18 – Копыто II; 19 – Авача (Авача VII); 20 – Большой Камень I (Паратунка XIV); 21 – Старый Острог (Елизово); 22 – Лиственничная II; 23 – Вестник; 24 – Устье Ручья Рябухина; 25 – Лопатка I; 26 – Плотникова II; 27 – Большая Саранная; 28 – Авача II; 29 – Авача VI; 30 – Авача VIII; 31 – Паратунка II; 32 – Паратунка V; 33 – Паратунка VI; 34 – Паратунка IX; 35 – Островная X; 36 – Островная XIX; 37 – Островная XXVI; 38 – Островная XXX; 39 – Островная XXXVI; 40 – Островная XXXVII; 41 – Островная XLV; 42 – Островная XLVII; 43 – Островная XLVIII; 44 – Вахиль II; 45 – Вахиль VIII; 46 – Вахиль X

Fig. 1. Map of the location of middle Neolithic sites on the Kamchatka Peninsula (by: [Dikov, 1977; 1979; Dikova, 1983; Ponomarenko, 1985; 2000; 2014; Hulse et al., 2011; Pendea et al., 2017]):

1 – Stolbovaya XII; 2 – Stolbovaya XIII; 3 – Stolbovaya XV; 4 – Stolbovaya I; 5 – Kultuk I; 6 – Kultuk II; 7 – Kultuk V; 8 – Kultuk VI; 9 – Izvilistaya; 10 – Nerpichie; 11 – Khrapunskoye I; 12 – Ushki I; 13 – Ushki II; 14 – Ushki III; 15 – Zastoichik; 16 – Kluchi; 17 – Zhupanovo; 18 – Kopyto II; 19 – Avacha (Avacha VII); 20 – Bolyshoi Kamen I (Paratunka XIV); 21 – Staryi Ostrog (Elizovo); 22 – Listvenichnaya II; 23 – Vestnik; 24 – Ustyie Ruchya Ryabukhina; 25 – Lopatka I; 26 – Plotnikova II; 27 – Bolshaya Sarannaya; 28 – Avacha II; 29 – Avacha VI; 30 – Avacha VIII; 31 – Paratunka II; 32 – Paratunka V; 33 – Paratunka VI; 34 – Paratunka IX; 35 – Ostrovnaya X; 36 – Ostrovnaya XIX; 37 – Ostrovnaya XXVI; 38 – Ostrovnaya XXX; 39 – Ostrovnaya XXXVI; 40 – Ostrovnaya XXXVII; 41 – Ostrovnaya XLV; 42 – Ostrovnaya XLVII; 43 – Ostrovnaya XLVIII; 44 – Vahil II; 45 – Vahil VIII; 46 – Vahil X

устья реки и бухты Столбовая на 15–20-метровых водно-ледниковых террасах выявлены еще 15 разновременных археологических объектов. По данным радиоуглеродного и тефрохронологического анализа к среднему неолиту отнесены стоянки Столбовая I, XIII–XV (рис. 1, 1–4). На них найдены артефакты разных видов. Это листовидные и с черешком ретушированные наконечники стрел из халцедона, обсидиана, кремня, в том числе миниатюрного размера; кремневые наконечники дротиков; скребки, обработанные по периметру; резцы на отщепах и пластинах из халцедона и кремня; ножи на отщепах из глинистого сланца; галечные орудия ударного типа из базальта; шлифованные тесла. В жилище 1 на стоянке Столбовая I, датированном ^{14}C $2\,020 \pm 25$ л. н. (NOSAMS-85971), обнаружены фигурка нерпы из обсидиана, шлифованная лабретка [Понкратова, 2018] (рис. 2, 3–17, 21–26).

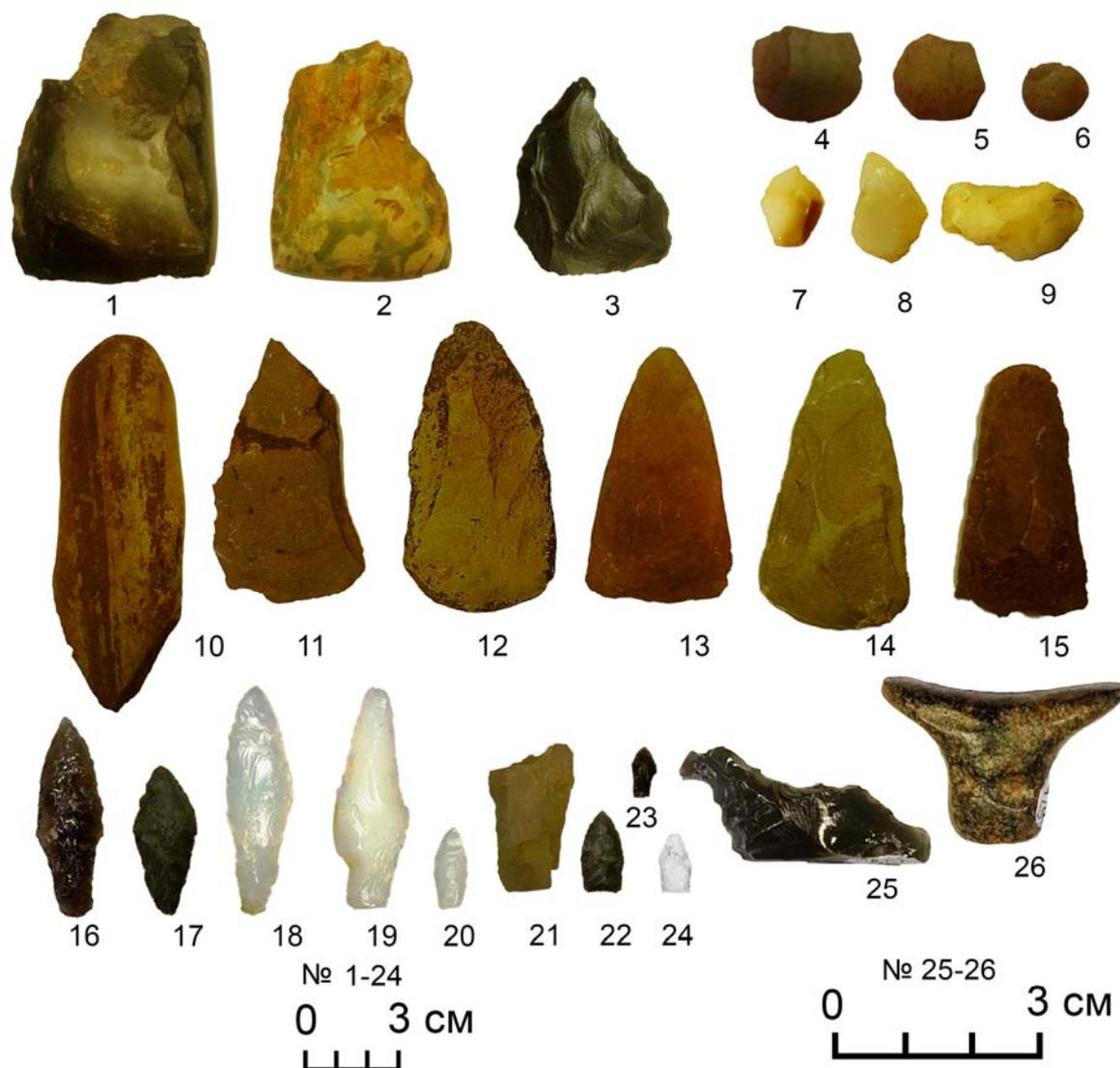

Рис. 2. Каменные артефакты стоянок Храпунское I (1–2, 18–20) и Столбовая I (3–17, 21–26):
1, 2, 10–15 – тесла; 3, 7–9 – скребки-ножи (?); 4–6 – ножи; 16–24 – наконечники стрел и их фрагменты;
25 – фигурка тюленя; 26 – лабретка

Fig. 2. Stone artifacts of Khrapunskoye I (1–2, 18–20) and Stolbovaya I (3–17, 21–26) sites:
1, 2, 10–15 – adzes; 3, 7–9 – scrapers-knives (?); 4–6 – knives; 16–24 – arrowheads and their fragments;
25 – figure of a seal; 26 – labret

В районе озера Култук, где А. К. Пономаренко [2000] были открыты разновременные стоянки, в 2009 г. обследовались 6 таких объектов, расположенных на первой морской террасе высотой 0,5–3 м. На стоянках Култук I – $2\,120 \pm 25$ л. н. (NOSAMS-79021), Култук II – $2\,320 \pm 25$ л. н. (NOSAMS-79022), Култук V и VI выявлен культурный слой под пеплом вулкана Ксудач (извержение 1 800 л. н.) (рис. 1, 5–8). Обнаружены отщепы из халцедона, зеленого кремня со следами утилизации [Hulse et al., 2011].

Анализ радиоуглеродных дат и особенности материальных комплексов позволяют предположить, что в этом районе к среднему неолиту также относятся стоянки Извилистая – $2\,000 \pm 40$ л. н. (NOSAMS-79247), $2\,990 \pm 30$ (NOSAMS-79248), $3\,320 \pm 40$ (NOSAMS-79249), $3\,640 \pm 40$ л. н. (NOSAMS-79250) (рис. 1, 9) и Нерпичье (под слоем пепла извержения вулкана Ксудач 1 800 л. н.) (рис. 1, 10) [Ibid.].

В 20 км к югу от пос. Усть-Камчатск на берегу оз. Храпунское обнаружены 12 стоянок с жилищными западинами, датируемыми по тефрохронологии от 5 000 до 500 кал. л. н. На стоянке Храпунское I культурный слой выявлен под пеплом вулкана Шивелуч (извержение 1 450 л. н.) (рис. 1, 11). В составе артефактов листовидные и с черешком ретушированные наконечники стрел из халцедона, фрагмент наконечника дротика из кремня, скребки, обработанные по периметру, резцы на отщепах и пластинах из халцедона и кремня, ножи на отщепах из базальта, галечные орудия ударного типа из базальта, фрагмент шлифованного тесла. Слой датирован по ^{14}C угля 1 990 \pm 25 л. н. (NOSAMS-85972) (рис. 2, 1–2, 18–20).

В Усть-Камчатском районе центральной Камчатки на берегу Большого Ушковского озера исследованы многослойные стоянки Ушки (рис. 1, 11–14). На стоянках Ушки I и II на глубине от 0,7 до 0,9 м в светло-желтой супеси, датируемой поздним голоценом, в культурном слое III выявлены артефакты. На стоянке Ушки I найдены два «обсидиановых черешковых трехгранных наконечника стрел, несколько ножевидных пластинок» [Диков, 1977. С. 61]. На стоянке Ушки II исследованы остатки наземного жилища площадью около 50 кв. м, трех кострищ, ямы и искусственной канавы длиной 5 м, шириной 50–70 см и глубиной 15 см. Найдены призматический нуклеус из обсидиана, карандашевидные нуклеусы, ножевидные пластинки, в том числе ретушированные по краю, трехгранные наконечники стрел, нож-скребок на массивной пластине [Там же. С. 72].

Ушки III (Култук) – однослойная стоянка из трех визуально фиксируемых котлованов, один из которых был исследован. Здесь под слоем вулканического пепла погребена землянка с прямоугольной рамой по центру в крыше и двенадцатью столбами. В центре жилища обнаружены очаг и шесть кострищ, расположенных вокруг него кольцом. Каменная индустрия представлена продуктами расщепления (нуклеус, ножевидные пластинки и отщепы) и орудиями (скребки, обломки тесел, нож, наконечник стрелы). Найдены обуглившиеся «остатки большого корытовидного деревянного сосуда», кости соболя. Даты стоянки, полученные по ^{14}C угля: $2\,070 \pm 190$ (Mo-354), $2\,160 \pm 290$ (МАГ-5) и $2\,440 \pm 80$ л. н. (РУЛ-607) [Там же. С. 82–84] (см. табл. 1).

На правом берегу р. Камчатка, на расстоянии около 18 км к югу от ушковских стоянок, исследована однослойная стоянка Застойчик (Усть-Камчатский район) (рис. 1, 15). Здесь зафиксировано «десять ям от древних землянок» диаметром от 4 до 12 м, глубиной от 0,5 до 1,2 м со входами с южной и западной сторон. Изучены остатки самой большой землянки – 9 м в диаметре. Выявлено, что жилище сгорело и погребено под слоем пепла (вероятно, в результате извержения вулкана Шивелуч 2 550 л. н.)³. Край землянки прослежен по бересте (облицовка стены?). В середине жилища яма около 1 м в диаметре, глубиной 0,5 м. В числе находок шлифованное острообушковое тесло, лабретные шпильки, «халцедоновые ретушированные осколки», наконечник стрелы, скребки, фрагменты обгоревшей бересты. Сырье – халцедон, серый кремнистый сланец [Там же. С. 86].

³ Предположение основано на сопоставлении стратиграфических профилей описываемой стоянки, ушковских стоянок и личных наблюдений.

Возможно, к среднему неолиту может быть отнесена однослойная стоянка Ключи – 3 875 ± 50 л. н. (МАГ-4) (рис. 1, 16), где под вулканическим пеплом обнаружены уголь и артефакты [Диков, 1977. С. 92].

На восточном побережье Камчатки, на мысе Памятник (Елизовский район), обнаружена трехслойная стоянка Жупаново (рис. 1, 17). Исследована и подробно описана А. К. Пономаренко. Выявлено три периода заселения. Для самого раннего из них (слой III) обнаружены находки средне-неолитического облика. Этот слой состоит из двух горизонтов, разделенных прослоем 6–14 см вулканического пепла. В верхнем горизонте в серовато-черной супеси с лапиллями пемзы выявлена углистая площадка размером 10–12 кв. м, датируемая по ¹⁴C угля 2 240 ± 60 л. н. (ИВАН-170). Найдены «три скопления аморфных отщепов, аморфный нуклеус, нож, два наконечника стрел и несколько кусков пемзы со следами работы». В нижнем горизонте мощностью от 4 до 22 см выявлены пятна охры, бурые пятна от костей (?), куски обуглившей древесины, два кострища без каменной обкладки, небольшие углистые пятна. Коллекция каменных изделий включает преимущественно черешковые наконечники усеченно-листовидной, листовидной, треугольной формы. Ножи – листовидные, узкоклинковые с черешками, «горбатые», треугольные с черешками. Тесла – острообушковые с подтреугольным поперечным сечением, лабретки [Пономаренко, 2000. С. 90–94, 294; 2005. С. 273–276].

По данным анализа материальных остатков и структуры культурных отложений, со слоем III стоянки Жупаново соотносится комплекс стоянки Копыто II (рис. 1, 18), расположенной в устье Жупановского лимана (восточная Камчатка) на скалистом мысе Копыто, который соединен с берегом песчаной косой. Около мыса находятся рифы, где обитают представители морской фауны. К юго-западу от мыса – небольшой залив с впадающей в него одной из крупнейших водных артерий Восточной Камчатки р. Жупаново. В обнажении выявлены скопления отщепов с аморфными нуклеусами, каменные орудия, кости рыб, птиц и животных, в том числе морских. Комплекс каменных орудий включает черешковые, усеченно-листовидные наконечники стрел; «горбатые», листовидные овальные, узкоклинковые ножи; круглые, грушевидные, боковые с режущим краем, черешковые круглые, трапециевидные скребки; тесла с подтреугольным поперечным сечением. Получены даты 2 470 ± 50 (ИВАН-343) и 2 540 ± 60 л. н. (ГИН-8139) [Пономаренко, 2000. С. 94–97].

В Авачинской бухте на юге полуострова, у устья р. Авача (Елизовский район), расположена трехслойная стоянка Авача (Авача VII)⁴ (рис. 1, 19). Обнаружена в 1971 г. Н. Н. Диковым. Раскопки проводились Т. М. Диковой в 1975 и 1977 г. В культурном слое II обнаружены часть искусственного вала из камней и земли высотой 0,2 м и шириной 1,7 м; яма глубиной 0,23 м и диаметром 0,65 м, дно и стены которой устланы берестой; пятно охры размерами 0,45 × 0,45 м, мощностью 3–4 см, с мелкими угольками по краям; мастерская по изготовлению каменных орудий с множеством микроотщепов, отщепов и готовых орудий; очаги с очажными камнями. Найдены артефакты: шлифованные и ретушированные лабретные шпильки из обсидиана, сланца, яшмы; резчики, резцы на отщепах из обсидиана и кварцита, отбойники, наконечники стрел из обсидиана; рыболовные грузила – с боковыми выемками и сквозным отверстием; скопления закрученной в трубочки бересты; мелкие осколки костей животных; каменный жирник (лампа для освещения и обогрева); зооморфные и антропоморфные фигурки. Наконечники стрел и дротиков разнообразны: листовидные, с черешком и без; иволистные; треугольные по форме; с тонким треугольным лезвием и небольшой выемкой в основании и др. Тесла и топоры изготовлены в основном из глинистого сланца – они односторонне выпуклые, подтреугольные в сечении. Ножи, ножи-бифасы с перехватом у рукояти, «горбатые» (коленчатые), листовидной формы изготовлены из обсидиана, кремневого сланца, кварца, глинистого сланца. Производилось переоформление обломов шлифованных тесел в ножи. Скребки на отщепах из халцедона и обсидиана, на пла-

⁴ Стоянка переименована А. К. Пономаренко в результате обнаружения еще одиннадцати стоянок в Авачинской бухте [Пономаренко, 2014. С. 16–17].

стинах из обсидиана с округлым рабочим краем; на плоских отщепах с ретушью по одному и по всем краям имели прямые основные рабочие лезвия. Датирован слой по ^{14}C угля 2 990 ± 100 л. н. (Крилл-252), 3 450 ± 100 л. н. (МАГ-310) [Дикова, 1983. С. 118–165].

Стоянка Большой Камень I (Паратунка XIV) (рис. 1, 20) расположена у устья впадающей в Авачинскую бухту р. Паратунка (Елизовский район), на холме высотой около 50 м. Обнаружено семь западин полуподземных жилищ подпрямоугольной формы размером от 3 до 5 м и котлован диаметром 9 м. Культурный слой зафиксирован в черновато-бурой супеси на глубине от 1 до 1,6 м. В слое выявлены углистые площадки и пятна (вероятно, разновременных костров), два очага с кольцевой кладкой. Особенность слоя – обнаруженные на разной глубине множественные ямки от столбов диаметром около 20 см, предназначенных, возможно, для свайных построек (балаганов).

Первичное расщепление представлено аморфными и призматическими нуклеусами, ножевидными пластинками. Каменные орудия – метательные наконечники (черешковые, листовидные, треугольный); ножи («горбатые», узко- и ширококлиновые, листовидные, трапециевидные, шлифованный); скребки (трапециевидные, овальные, грушевидные, черешковые, с режущим углом, колоколовидные, на отщепах); шлифовальные тесла и долота. Сырье – халцедон, обсидиан, кремь, яшма, туф. Отщепы располагались скоплениями разных размеров – от мельчайших чешуек до крупных экземпляров. Кроме того, найдены проколки, резцы, лабретки, каменные грузила в виде уплощенных окатанных обломков базальта, глинистого сланца, туфа и др. пород с просверленными в центре отверстиями и боковыми выемками. В культурном слое обнаружены обгоревшие кости (животных?), рыб. Даты слоя по ^{14}C угля: 2 910 ± 100 (ГИН-8147) и 2 410 ± 180 л. н. (ИВАН-355) [Пономаренко, 2000. С. 94–97; 2005. С. 276–277; 2014. С. 139].

Двухслойная стоянка Старый острог (Елизово) (рис. 1, 21) расположена на мысу правого берега р. Авача. На глубине 80 см обнаружен слой, в котором выявлено два очажных пятна. В одном из них (диаметром 1,4 м) с обрывками обгоревшей сверху бересты обнаружены две ямки с костями рыб. Рядом находились 8 аккуратно сложенных овальных галек. У очажного пятна найдены «большой, фигурного типа, отретушированный нож», наконечники стрел, в том числе с черешком, скребки, крупные и мелкие отщепы из халцедона. Дата по ^{14}C угля из очага – 3 900 ± 100 л. н. (ГИН-183) [Диков, 1977. С. 113].

Стоянка Лиственничная II находится на террасе склона сопки у одноименной бухты с лагунным озером (Елизовский район) (рис. 1, 22). Обнаружена и исследовалась А. К. Пономаренко. Выявлены 24 прямоугольные жилищные западины, у шести из них отмечены следы боковых выходов к реке и бухте. Найдены: массивный нуклеус; скопления аморфных отщепов; скопление усеченно-листовидных наконечников стрел из обсидиана и серого кремня; тесла; орудия неизвестного назначения с двумя шейками-перехватами с обоих концов и с зашлифованным корпусом; тесла (грубо оббитые и шлифованные) из базальта, вулканического туфа; наконечники (черешковые и листовидные) из обсидиана; листовидные ножи из кремня и обсидиана, а также черешковые ножи из халцедона, кремня и обсидиана; трапециевидный скребок; проколка на обсидиановом отщепах, отщепы с ретушью. Отщепы представлены обсидианом и кремневыми породами красного, коричневого и светло-коричневого цветов, базальтом. По углю из нижнего горизонта культурного слоя получена ^{14}C дата 2 360 ± 40 л. н. (ГИН-6381) [Пономаренко, 2000. С. 106–110; 2014. С. 9].

Стоянка Вестник находится у одноименной бухты на юго-восточном побережье Камчатки (Елизовский район) (рис. 1, 23). В числе находок присутствуют ретушер с зауженными шейками на концах и сработанными торцами, абразивные плитки, резцы с ретушированными и пришлифованными краями без оформленных рукоятей. Датировается по ^{14}C угля 2 690 ± 30 л. н. (ГИН-6384) [Пономаренко, 2014. С. 9, 115, 117].

Стоянка у устья ручья Рябухина на мысе Лопатка (южная часть Елизовского района), расположенная на прибрежной сложенной слабоцементированным галечником террасе высотой 10 м (рис. 1, 24), обнаружена Т. М. Диковой [1983. С. 65]. Исследовалась А. К. Пономаренко.

Выявлено 12 прямоугольных и одна округлая жилищные западины размерами от 3×3 до 7×7 м. У 6 жилищ прослежены боковые выходы, обращенные на запад. В культурном слое в большом количестве обнаружены кости и черепа птиц, животных, раковинные кучи, состоящие из трех видов моллюсков – *Nucella sp.*, *Collisella cassis*, *Modiolus sp.* Обширна коллекция каменных и костяных орудий, фрагментов костей кита, оленя, птиц, рогов оленя со следами обработки. Каменная индустрия представлена аморфными нуклеусами и продуктами первичного расщепления (отщепами), орудийным набором (черешковые наконечники; отбойники; проколки; тесла с острым обушком; скребки трапецевидной, колоколовидной форм, черешковые, боковые с режущим углом, круглые, овальные; ножи листовидные, узкоклиновые с черешком, черешковые с овальным лезвием, ширококлиновые черешковые, «горбатые», подтреугольные, круглые и пр.). Предметы из кости и рога – ретушеры, ланцетовидный остроконечник, фрагмент концевой пластины лука (?), инструменты для обработки травы в виде плоских лопаток, обломок наконечника стрелы, лопата, птичий клюв со следами работы; украшения – клювовидные костяные, с орнаментом и сквозными отверстиями; фигурка животного из кости и пр. Даты получены по раковинам – $3\ 050 \pm 100$ л. н. (ГИН-7046), $3\ 000 \pm 150$ (ГИН-7047), $3\ 330 \pm 70$ л. н. (ГИН-7048) и по костям морских животных – $3\ 540 \pm 60$ л. н. (ГИН-7049) [Пономаренко, 2000. С. 112–123. Табл. 112. С. 303; 2014. С. 110].

Анализ радиоуглеродных и калиброванных дат позволяет предположить, что на юге Камчатки к среднему неолиту относятся стоянки Лопатка I – $2\ 200 \pm 100$ л. н. (МАГ-313) (рис. 1, 25); Плотникова II – $2\ 320 \pm 170$ ($3\ 440 \pm 80$) л. н. (рис. 1, 26); Большая Саранная – $2\ 500 \pm 50$ (ГИН-6385) (рис. 1, 27); Авача VI – $2\ 540 \pm 40$ (ГИН-852a); Авача II и VIII (рис. 1, 28–30); Паратунка II, V, VI, IX (рис. 1, 31–34); Островная X, XIX, XXVI, XXX, XXXVI, XXXVII, XLV, XLVII, XLVIII (рис. 1, 35–43); Вахиль II, VIII, X (рис. 1, 44–46) [Гусев и др., 2013; Дикова, 1977. С. 92; Дикова, 1983. С. 40–49; Пономаренко, 2014. С. 9, 36].

Обсуждение результатов

Применение тефрохронологического метода к особенностям материальных комплексов, а также анализ радиоуглеродных дат археологических памятников позволили уточнить хронологические рамки эпохи среднего неолита полуострова Камчатка в пределах ^{14}C $3\ 640 \pm 40$ (NOSAMS-79250) – $2\ 070 \pm 190$ л. н. (МО-354).

Следует отметить, что по сравнению с предыдущим периодом в среднем неолите увеличилось количество стоянок, которые обнаружены в основном на высоких водно-ледниковых террасах высотой от 4 до 30 м на берегах крупных рек и озер, морском побережье восточной части полуострова. Отмечается усложнение жилищных построек, возможно, связанное с необходимостью иметь более надежные укрытия в условиях частого выпадения вулканического пепла, а также морского климата в целом.

Выявлены стоянки с наземными постройками и полуподземными жилищами, мастерскими по изготовлению каменных орудий. Наземные (свайные) постройки площадью до 50 кв. м предназначались, вероятно, для хранения хозяйственного инвентаря, плавательных средств, запасов продовольствия, зимней одежды. Полуподземные жилища округлой и квадратной форм имели площадь до 100 кв. м. Характерны шатровые конструкции с прямоугольной рамой по центру в крыше, поддерживаемой отдельными столбами, деревянные стены и крыши, очаги внутри с обкладкой и без нее. Для облицовки стен и крыш использовалась береста. Такие виды строений отмечены в последующем в культуре ительменов – аборигенного населения полуострова [История..., 1990].

Обращает на себя внимание тот факт, что практически на всех стоянках исследуемого периода обнаружены следы пожаров. Особенно это характерно для памятников, расположенных в континентальных районах. Пожары могли быть связаны с сопровождавшими вулканическую активность возгораниями растительности.

С этого времени возле жилищ фиксировались специальные укрепления в виде искусственных канав (стоянка Ушки II) и валов из камней и земли (стоянка Авача) – у ительменов такие сооружения служили «для защиты от нападения соседей» [История..., 1990. С. 59]. Возросшая численность населения, его распространение с целью освоения морских ресурсов преимущественно по побережью, возможно, могли вызывать конфликты между отдельными группами в борьбе за лучшие места промысла.

В состав каменной индустрии археологических памятников среднего неолита Камчатки входили нуклеусы (аморфные и призматические снятия ножевидных пластин), продукты первичного расщепления (ножевидные пластины разных размеров без ретуши, с краевой ретушью и с обеих сторон), орудийный набор (наконечники стрел – преимущественно ретушированные трехгранные каменные без черешка и с черешком, листовидные, в том числе миниатюрные; ножи – узко- и широко-клинковые с выделенной рукоятью, листовидные овальные; тесла – грубо оббитые и шлифованные острообушковые разных размеров с подтреугольным и овальным сечением; скребки – концевые разнообразных геометрических форм; калибраторы древков стрел).

Многочисленными находками в жилищах этого времени являются тесла, что, вероятно, связано с усложнением конструкций и увеличением количества жилищ, для строительства и ремонта которых необходим был специальный инструмент. Наличие разнообразных по форме ножей и скребков предполагает их использование в различных целях: для разделки рыбы, мяса, работы по дереву, при заготовке трав.

Сырьем для каменных орудий в основном являлись обсидиан, халцедон белого цвета, сланец, кремль, базальт. Из кости и рога изготавливали зубчатые наконечники гарпунов, лопаты, клинья, проколки, игольники, орудия для обработки стеблей травы и пр.

На памятниках среднего неолита Камчатки пока не обнаружены изделия из глины, хотя фрагменты керамики были найдены в ранне-неолитическом слое стоянки Ушки V. Возможно, условия для производства керамической посуды (климат, слабая сырьевая база, частые вулканические извержения и пр.) не были благоприятными. Это характерно для большинства археологических комплексов севера Дальнего Востока. Население Камчатки при изготовлении емкостей для сервировки, хранения и приготовления пищи активно использовало другие материалы, такие как дерево, береста и трава, – найдены остатки плетеных из травы изделий, инструменты для обработки растительных волокон, посуда из дерева. Горячую пищу готовили в деревянной посуде при помощи раскаленных камней, что также подтверждается сведениями этнографического характера относительно материальной культуры ительменов [Крашенинников, 1994]. Выстилаемые берестой глубокие (до 0,5 м) ямы внутри и вне жилищ, возможно, использовались для приготовления рыбы, мяса, кипрея (запекание, квашение) [История..., 1990. С. 16, 67].

В сфере духовной культуры выявлены признаки обрядовой деятельности (лабретки)⁵ и искусства (мелкая пластика, украшения). Самое северное, на современном этапе изучения, местонахождение лабреток Камчатки – стоянка Столбовая I (см. рис. 2, 26). Этот предмет изготовлен из кремнистой породы и подшлифован. Судя по размеру, предназначался для взрослого человека. Не исключено, что находки лабреток связаны с культурным взаимодействием с населением Чукотки, северо-западного побережья Северной Америки и Алеутских островов, Японии. Зооморфные фигурки из камня и кости (например, фигурка тюленя со стоянки Столбовая I (см. рис. 2, 25) могли использоваться в обрядово-промысловых праздниках в честь животных. Известно, что такие мероприятия устраивались и ительменами [История..., 1990. С. 38; Крашенинников, 1994]. Клювовидные украшения с орнаментом и сквозными отверстиями со стоянки у устья ручья Рябухина – свидетельство самоидентификации членов коллектива, чья деятельность была связана с охотой на птиц.

⁵ Каменные вставки в нижнюю или в верхнюю губу, щеки; знаки принадлежности к определенной половозрастной или социальной группе [Васильевский, 2002].

Система размещения стоянок на берегах морских и речных водоемов, состав археологического инвентаря, наличие в культурных слоях каменных грузил и органических остатков (костей морских животных, рыб, раковин моллюсков) предполагают, что стратегия жизнеобеспечения общества была направлена на охоту, промысел морских млекопитающих, рыболовство и собирательство. Предметами сбора могли быть не только плоды и корни растений, но и моллюски, раковины которых в большом количестве обнаружены в культурных слоях прибрежных стоянок.

Заключение

Проведенный сопоставительный обзор материалов археологических комплексов среднего неолита Камчатки позволяет констатировать, что в этот исторический период на Камчатке в условиях возросшей численности населения и постоянных изменений окружающей среды сформировался новый уклад жизни людей, связанный с развитием высокоспециализированной комплексной присваивающей экономики. На базе данной формы хозяйства и традиций полуседлой и оседлой жизни и сформировалась тарьинская археологическая культура, на основе которой позднее сложился этнос «ительмены».

Некоторые сходные элементы материальных комплексов среднего неолита Камчатки (каменный инвентарь, стратегия жизнеобеспечения) прослеживаются в кашкалебагшской культуре финально-неолитического облика с развитой каменной индустрией и плоскодонной керамикой, существовавшей на территории о. Сахалин с начала и до середины I тыс. до н. э. [Грищенко, 2015]. Сходство экологических условий, определяемых спецификой островного и полуостровного положения близких к Камчатке регионов северной части Тихого океана, вероятно, способствовали появлению общих черт в стратегии жизнеобеспечения населения (домостроительство, приготовление пищи при помощи раскаленных камней, плетение из травы различных изделий, искусство в виде антропоморфных и зооморфных скульптур, украшения из клювов птиц и др.) [Алеуты..., 2014; Индейцы..., 2018].

Список литературы

- Алеуты: Каталог коллекций Кунсткамеры. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 384 с.
- Брайцева О. А., Мелекесцев И. В., Пономарева В. В., Базанова Л. И., Сулержицкий Л. Д.** Сильные и катастрофические эксплозивные извержения на Камчатке за последние 10 тысяч лет // Геодинамика и вулканизм Курило-Камчатской островодужной системы. Петропавловск-Камчатский: ИВГиГ ДВО РАН, 2001. С. 235–252.
- Васильевский Р. С.** Лабретки в культурах Северотихоокеанского региона // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 2 (10). С. 71–78.
- Грищенко В. А.** Кашкалебагшская культура финального неолита острова Сахалин (к вопросу о сосуществовании традиций эпох камня и палеометалла в I тыс. до н. э. в островном мире дальнего Востока // Учен. зап. Сахалин. гос. ун-та. Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2015. С. 117–131.
- Гусев С. В., Барышев И. Б., Макаров И. В.** Исследования Берингийской экспедиции на Камчатке // Археологические открытия 2009 года. М.: ИА РАН, 2013. С. 275–276.
- Диков Н. Н.** Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы (Азия на стыке с Америкой в древности). М.: Наука, 1977. 391 с.
- Диков Н. Н.** Древние культуры Северо-Восточной Азии (Азия на стыке с Америкой в древности). М.: Наука, 1979. 352 с.
- Дикова Т. М.** Археология Южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М.: Наука, 1983. 232 с.
- Дирксен В. Г.** Эволюция климата и природной среды Камчатки в голоцене по данным изучения озерных отложений // Материалы XX региональной научной конференции «Вул-

- канизм и связанные с ним процессы» (30–31.03.2017). Петропавловск-Камчатский: ИВиС ДВО РАН, 2017. С. 34–37.
- Индейцы Калифорнии. Каталог коллекций Кунсткамеры. СПб.: МАЭ РАН, 2018. 344 с.
- История и культура ительменов. Историко-этнографические очерки. Л.: Наука, 1990. 208 с.
- Крашенинников С. П.** Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Камшат, 1994. Т. 1. 253 с.
- Крылович О. А.** Динамика фауны позвоночных Командорско-Алеутской островной гряды в среднем и позднем голоцене: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М.: [б. и.], 2013. 24 с.
- Понкратова И. Ю.** Археологические исследования на северо-восточном побережье полуострова Камчатки в 2009–2011 годах // Восток Азии: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия региона. СПб.: Росток, 2018. С. 229–236.
- Пономарева В. В.** Крупнейшие эксплозивные вулканические извержения и применение их тефры для датирования и корреляции форм рельефа и отложений: Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. М.: [б. и.], 2010. 53 с.
- Пономарева В. В., Мелекесцев И. В., Базанова Л. И., Биндеман И. Н., Леонов В. Л., Сулержицкий Л. Д.** Вулканические катастрофы на Камчатке в среднем плейстоцене – голоцене // Экстремальные природные явления и катастрофы. М.: Изд-во ИФЗ РАН, 2010. Т. 1. С. 219–238.
- Пономаренко А. К.** Древняя культура ительменов Восточной Камчатки. М.: Наука, 1985. 216 с.
- Пономаренко А. К.** Древняя культура ительменов Камчатки. Петропавловск-Камчатский: «Оперативная топография» ИП М. И. Романенко, 2000. 312 с.
- Пономаренко А. К.** Неолит Камчатки: периодизация и основные особенности эволюции древних культур // Российский Дальний Восток в древности и Средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 268–291.
- Пономаренко А. К.** Тарьинская культура неолита Камчатки // Тихоокеанская археология. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2014. Вып. 30. С. 7–230.
- Сметанин А. Н.** Функциональная структура биоты в природных экосистемах Камчатки: Автореф. дис. ... д-ра биол. наук. М.: [б. и.], 2011. 43 с.
- Hulse E. L., Keeler D. M., Zubrow E. B. W., Korosec G. J., Ponkratova I., Curtis C.** A Preliminary Report on Archaeological Fieldwork in the Kamchatka Region of Russia. *Sibirica: International Journal of Siberian Studies*, 2011, vol. 10, iss. 1, p. 48–74.
- Pendea I. F., Ponomareva V., Bourgeois, J., Zubrow, E. B., Portnyagin, M., Ponkratova I., Harmsen H., Korosec G.** Late Glacial to Holocene paleoenvironmental change on the north-western Pacific seaboard, Kamchatka Peninsula (Russia). *Quaternary Science Reviews*, 2017, vol. 157, p. 14–28.

References

- Aleuty: Katalog kolekcii Kunstkamery [Aleutians: Catalog of collections of the Kunstkamera]. St. Petersburg, MAE RAS Publ., 2014, 384 p. (in Russ.)
- Braitseva O. A., Melekestsev I. V., Ponomareva V. V., Bazanova L. I., Sulerzhitskiy L. D.** Sil'nye i katastroficheskie eksplozivnye izverzheniya na Kamchatke za poslednie 10 tysyach let [Strong and catastrophic explosive eruptions in Kamchatka over the past 10 thousand years]. In: Geodinamika i vulkanizm Kurilo-Kamchatskoi ostrovoduzhnoi sistemy [Geodynamics and volcanism of the Kuril-Kamchatka island-arc system]. Petropavlovsk-Kamchatskii, IVGiG DVO RAN, 2001, p. 235–252. (in Russ.)
- Dikov N. N.** Arkheologicheskie pamyatniki Kamchatki, Chukotki i Verkhnei Kolymy (Aziya na styke s Amerikoi v drevnosti) [Archaeological sites of Kamchatka, Chukotka and Upper Kolyma (Asia at crossroads with America in antiquity)]. Moscow, Nauka, 1977, 391 p. (in Russ.)

- Dikov N. N.** Drevnie kul'tury Severo-Vostochnoi Azii (Aziya na styke s Amerikoi v drevnosti) [Ancient cultures of northeast Asia (Asia at crossroads with America in antiquity)]. Moscow, Nauka, 1979, 352 p. (in Russ.)
- Dikova T. M.** Arkheologiya Yuzhnoi Kamchatki v svyazi s problemoi rasseleniya ainov [Archaeology of Southern Kamchatka in connection with the problem of Ainu settlement]. Moscow, Nauka, 1983, 232 p. (in Russ.)
- Dirksen V. G.** Evolyutsiya klimata i prirodnoi sredy Kamchatki v golotsene po dannym izucheniya ozernykh otlozhenii [Evolution of the climate and natural environment of Kamchatka in the Holocene according to the study of lake deposits]. In: Materialy XX regional'noi nauchnoi konferentsii "Vulkanizm i svyazannye s nim protsessy" [Proceedings of the 20th Regional Scientific Conference "Volcanism and related processes" (30–31.03.2017)]. Petropavlovsk-Kamchatskii, IVG&G FEB RAS Publ., 2017, p. 34–37. (in Russ.)
- Grishchenko V. A.** Kashkalebagshskaya kul'tura final'nogo neolita ostrova Sakhalin (k voprosu o sosushchestvovanii traditsii epokh kamnya i paleometalla v I tys. do n. e. v ostrovnom mire Dal'nego Vostoka [Kashkalebagsh culture of the final Neolithic of Sakhalin island (on the issue of the coexistence of traditions of the stone and paleometal epochs in the I thousand BC in the island world of the far East)]. In: Uchenye zapiski Sakhalinskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes of Sakhalin State University]. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalinsk State Uni. Publ., 2015, p. 117–131. (in Russ.)
- Gusev S. V., Baryshev I. B., Makarov I. V.** Issledovaniya Beringiiskoi ekspeditsii na Kamchatke [Research of the Beringian expedition in Kamchatka]. In: Arkheologicheskie otkrytiya 2009 goda [Archaeological discoveries of 2009]. Moscow, IA RAS Publ., 2013, p. 275–276. (in Russ.)
- Hulse E. L., Keeler D. M., Zubrow E. B. W., Korosec G. J., Ponkratova I., Curtis C.** A Preliminary Report on Archaeological Fieldwork in the Kamchatka Region of Russia. *Sibirica: International Journal of Siberian Studies*, 2011, vol. 10, iss. 1, p. 48–74.
- Indeitsy Kalifornii. Katalog kollektzii Kunstkamery [The Indians of California. Catalog of collections of the Kunstkamera]. St. Petersburg, MAE RAS Publ., 2018, 344 p. (in Russ.)
- Istoriya i kul'tura itel'menov. Istoriko-etnograficheskie ocherki [History and culture of Itelmen. Historical and ethnographic essays]. Leningrad, Nauka, 1990, 208 p. (in Russ.)
- Krashennnikov S. P.** Opisanie zemli Kamchatki [The description of Kamchatka Land]. Petropavlovsk-Kamchatskii, Kamshat Publ., 1994, vol. 1, 253 p. (in Russ.)
- Krylovich O. A.** Dinamika fauny pozvonochnykh Komandorsko-Aleutskoi ostrovnnoi gryady v srednem i pozdnem golotsene [Dynamics of vertebrate fauna of the Commander-Aleutian island range in the middle and late Holocene]. Cand. biol. sci. syn. diss. Moscow, 2013, 24 p. (in Russ.)
- Pendea I. F., Ponomareva V., Bourgeois, J., Zubrow, E. B., Portnyagin, M., Ponkratova I., Harmsen H., Korosec G.** Late Glacial to Holocene paleoenvironmental change on the north-western Pacific seaboard, Kamchatka Peninsula (Russia). *Quaternary Science Reviews*, 2017, vol. 157, p. 14–28.
- Ponkratova I. Yu.** Arkheologicheskie issledovaniya na severo-vostochnom poberezh'e poluostrova Kamchatki v 2009–2011 godakh [Archaeological research on the North-Eastern coast of the Kamchatka Peninsula in 2009–2011]. In: Vostok Azii: problemy izucheniya i sokhraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya regiona [East Asia: problems of studying and preserving the historical and cultural heritage of the region]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2018, p. 229–236. (in Russ.)
- Ponomarenko A. K.** Drevnyaya kul'tura itel'menov Vostochnoi Kamchatki [The ancient culture of the Itelmens of Eastern Kamchatka]. Moscow, Nauka, 1985, 216 p. (in Russ.)
- Ponomarenko A. K.** Neolit Kamchatki: periodizatsiya i osnovnye osobennosti evolyutsii drevnykh kul'tur [Neolithic of Kamchatka: periodization and main features of the evolution of ancient cultures]. In: Rossiiskii Dal'nii Vostok v drevnosti i srednevekov'e. Otkrytiya, problemy,

- gipotezy [Russian Far East in antiquity and the middle ages. Discoveries, problems, hypotheses]. Vladivostok, Dal'nauka, 2005, p. 268–291. (in Russ.)
- Ponomarenko A. K.** Tar'inskaya kul'tura neolita Kamchatki [Tarya culture of the Neolithic Kamchatka]. In: Tikhookeanskaya arkheologiya [Pacific archaeology]. Vladivostok, Far Eastern Federal Uni., 2014, iss. 30, p. 7–230. (in Russ.)
- Ponomarenko A. K.** Drevnyaya kul'tura itel'menov Kamchatki [The ancient culture of the Itelmens of Kamchatka]. Petropavlovsk-Kamchatskii, "Operational printing house" Individual Entrepreneur M. I. Romanenko Publ., 2000, 312 p. (in Russ.)
- Ponomareva V. V.** Krupneishie eksplozivnye vulkanicheskie izverzheniya i primeneniye ikh tefry dlya datirovaniya i korrelyatsii form rel'efa i otlozhenii [Major explosive volcanic eruptions and the use of their tephra for dating and correlating landforms and sediments]. Doct. geogr. sci. syn. diss. Moscow, 2010, 53 p. (in Russ.)
- Ponomareva V. V., Melekestsev I. V., Bazanova L. I., Bindeman I. N., Leonov V. L., Sulerzhitskiy L. D.** Vulkanicheskie katastrofy na Kamchatke v srednem pleistotsene-golotsene [Volcanic disasters in Kamchatka in the middle Pleistocene-Holocene]. In: Ekstremal'nye prirodnye yavleniya i katastrofy [Extreme natural phenomena and disasters]. Moscow, IFE RAS Publ., 2010, vol. 1. p. 219–238. (in Russ.)
- Smetanin A. N.** Funktsional'naya struktura bioty v prirodnykh ekosistemakh Kamchatki [Functional structure of biota in natural ecosystems of Kamchatka]. Doct. biol. sci. syn. diss. Moscow, 2011, 43 p. (in Russ.)
- Vasilievskiy R. S.** Labretki v kul'turakh Severotikhookeanskogo regiona [Labrets in the cultures of the North Pacific region]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and anthropology of Eurasia], 2002, no. 2 (10), p. 71–78. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
28.02.2020

Сведения об авторе

Понкратова Ирина Юрьевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Северо-Восточного государственного университета (ул. Портовая, 13, Магадан, 685000, Россия)
ponkratoval@yandex.ru
SPIN 6324-7078
AuthorID 137574
ORCID 0000-0003-3410-3430

Information about the Author

Irina Yu. Ponkratova, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at North-Eastern State University (13 Portovaya Str., Magadan, 685000, Russian Federation)
ponkratoval@yandex.ru
SPIN 6324-7078
AuthorID 137574
ORCID 0000-0003-3410-3430

УДК 902/904

DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-103-118

Предметы сейминско-турбинского металлического комплекса с Нижней Пышмы

А. П. Бородовский¹, Ю. В. Оборин²

¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

² *Независимый исследователь
Красноярск, Россия*

Аннотация

Изучается комплекс бронзовых предметов (копья, ножи, кельты, пешня и личина), недавно обнаруженных на территории Тюменской области в нижнем течении р. Пышма. Состав этих изделий в полной мере соответствует типичному комплексу артефактов сейминско-турбинского периода. Особое внимание в составе коллекции привлекает пластинчатая личина с рельефным составным носом. Иконография и конструктивные особенности этого предмета торовтики эпохи развитой бронзы имеют аналогии как среди объемных каменных антропоморфных изображений самусьской культуры на юге Западной Сибири, так и среди деревянных масок с гипертрофированными носами культуры Сяохэ в Синьцзяне. В дальнейшем такие стилистические особенности антропоморфных масок сохранялись вплоть до этнографического времени не только на лесных территориях Западной Сибири, но и в Центральной Азии. В целом все найденные предметы позволяют рассматривать их в рамках культовой атрибутики и транскультурного феномена развитой бронзы.

Ключевые слова

Западная Сибирь, эпоха развитой бронзы, сейминско-турбинский период, комплекс бронзовых металлических предметов, культовая атрибутика, ритуальные личины, транскультурный феномен

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН (№ 0329-2019-0007 «Изучение, сохранение и музеефикация археологического и этнокультурного наследия Сибири»)

Для цитирования

Бородовский А. П., Оборин Ю. В. Предметы сейминско-турбинского металлического комплекса с Нижней Пышмы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография. С. 103–118. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-103-118

Items of the Seima-Turbino Metal Complex from Lower Pyshma River

A. P. Borodovsky¹, Yu. V. Oborin²

¹ *Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

² *Independent Researcher
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. This article examines the collection of recently discovered items from lower Pyshma River (Tyumen region, Tyumen district), belonging to the Seima-Turbino time, which to be found on the territory of Eurasia is rather a rare archaeological phenomenon.

© А. П. Бородовский, Ю. В. Оборин, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography

Results. The researchers identified a set of items encompassing bronze objects – spears, knives, celts, an ice pick and mask. This composition of items entirely reflects a standard set of artifacts belonging to the Seima-Turbino time. Furthermore, this set of items is obviously close to religious collections (Galichsky Klad), which contained anthropomorphic metal objects. Of special interest in the collection is a metal mask with a protruding nose made of bronze plates. The sharp angled upper and lower parts of the face are considered to be its culturally determining signs. The shape and appearance of the top of the head may well be classified as headgear characteristic of the Samus'sko-Seima time. Such tight-fitting hats are typical of various samples of anthropomorphic plastic art in the south of Western Siberia. The iconographic features of this totemic item belonging to the Bronze Age largely encapsulates peculiarities of similar-purpose images that existed in the forest territories of Western Siberia up until the Middle Ages.

Conclusion. It is important to emphasize that this collection presents great significance in terms of studying non-ferrous processing technologies. Overall, the discovered items can be considered as both a set of tools, and as part of cult paraphernalia and the transcultural phenomenon of Middle bronze Age, especially in connection with the discovered bronze mask.

Keywords

Western Siberia, the era of developed bronze, the Seima-Turbino period, a complex of bronze metal objects, religious paraphernalia, ritual masks, transcultural phenomenon

Acknowledgements

The work was performed as part of the Research program IAE SB RAS (project 0329-2019-0007 “Study, conservation and museumification of the archaeological and ethno-cultural heritage of Siberia”)

For citation

Borodovsky A. P., Oborin Yu. V. Items of the Seima-Turbino Metal Complex from Lower Pyshma River. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 103–118. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-103-118

Введение

В 2018 г. авторам настоящей статьи стало известно о существовании частной коллекции, включающей несколько серий металлических предметов сейминско-турбинского типа. Она происходила с территории нижнего течения р. Пышма (Тюменский район Тюменской области) (рис. 1). Удалось установить, что это собрание было обнаружено не ранее 2017 г. В его состав входят 20 металлических предметов, представленных наборами пластинчатых ножей, вильчатых одношковых копий, кельтов и единичных изделий (личина и пешня) (рис. 2). Учитывая актуальность сейминско-турбинской проблематики как в евразийском, так и в более локальном контексте, данное собрание, безусловно, представляет научный интерес, даже с учетом его неоднозначного происхождения. Прежде всего речь идет о необходимости введения в научный оборот серийных и уникальных металлических предметов эпохи бронзы Урала и Западной Сибири, полученных вне контекста профессиональных археологических исследований [Молодин, Нескоров, 2010; Дегтярева, Нескоров, 2015]. Не менее важным фактором является попытка установления территориальной закономерности происхождения этой коллекции и ее интерпретация в рамках сейминско-турбинского транскультурного феномена. Все это является целью и задачами нашего исследования.

Анализ материалов

Пышма является правым притоком Туры. Она от своего истока на восточном склоне Уральских гор протекает в основном в юго-восточном направлении по территории Среднего Урала (югу Свердловской области) и Западной Сибири (Тюменской области), по границе зон южной тайги и затем северной лесостепи. Протяженность нижнего течения Пышмы в пределах Тюменского района Тюменской области составляет 150 км (см. рис. 1). К началу 90-х гг. прошлого века на территории Тюменской области по р. Пышма (правобережье и левобережье) было известно три десятка различных археологических памятников [Бородовский, Бородовская, 2013. С. 83–85]. В связи с тем, что точная локализация Пышминской коллекции не установлена, ее местонахождение можно связывать только с нижним течением р. Пышма в целом.

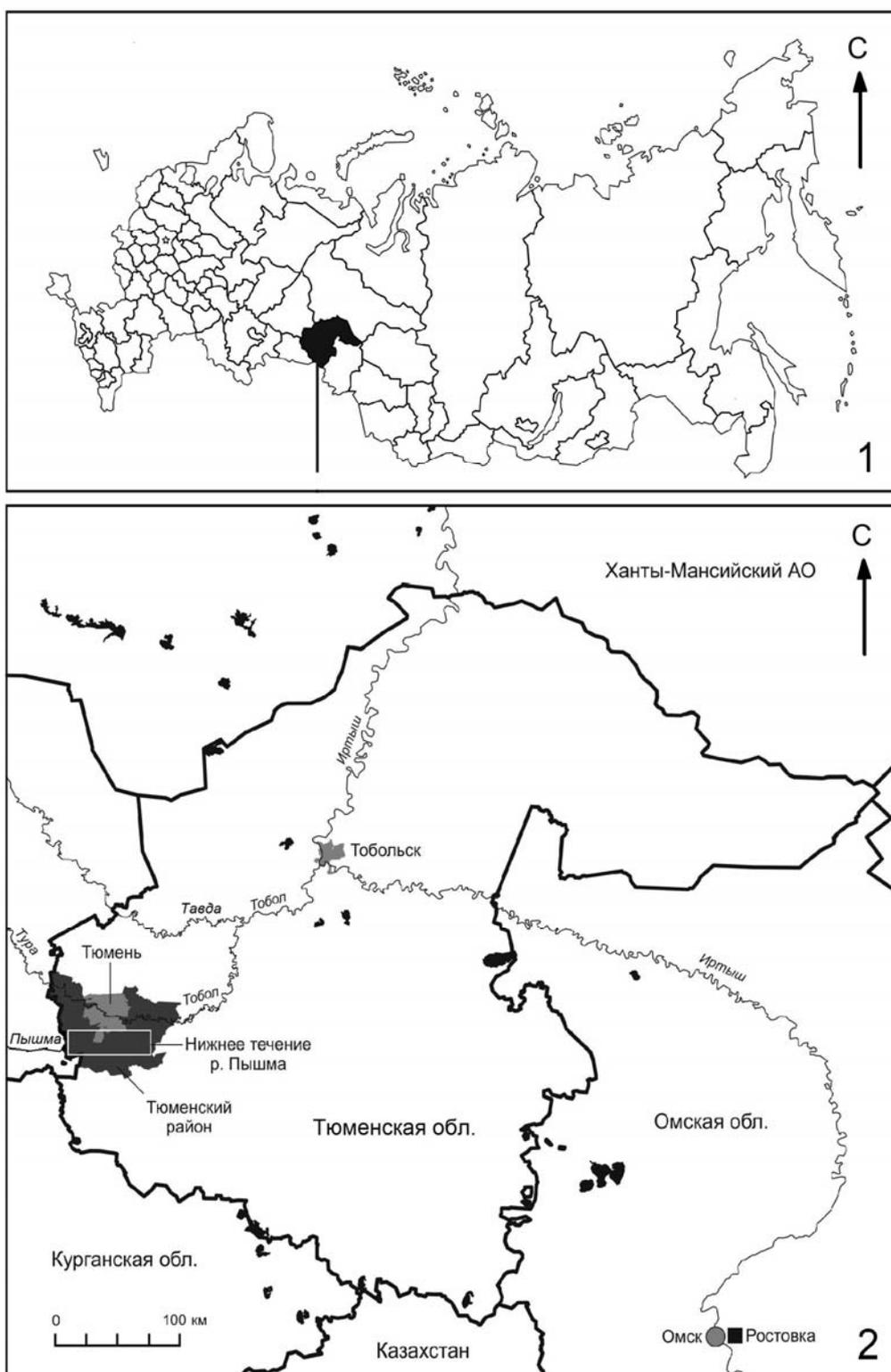

Рис. 1. Место нахождения Пышминской коллекции:
 1 – Тюменская область; 2 – Тюменский район Тюменской области (нижнее течение р. Пышма)

Fig. 1. The location of the Pyshminsky collection:
 1 – Tyumen region; 2 – Tyumen district of the Tyumen region (the Lower reaches of Pyshma River)

Рис. 2. Пышминская коллекция:

*1–4 – наконечники копий; 5–7 – ножи; 8 – личина; 9–19 – кельты; 20 – пешня
(1–7, 9–20 – бронза; 8 – бронза, дерево)
(фото Ю. В. Оборина)*

Fig. 2. Pyshminsky collection:

*1–4 – spearheads; 5–7 – knives; 8 – mask; 9–19 – celts; 20 – ice pick
(1–7, 9–20 – bronze; 8 – bronze, wood)
(photo by Yu. V. Oborin)*

Характеризуя эту коллекцию, следует подчеркнуть, что в ней представлен практически полный комплект изделий, которые характеризуются как сейминско-турбинский металлический комплекс – втульчатые наконечники копий, пластинчатые ножи и кельты (рис. 2–5) [Черных, Кузьминых, 1989. С. 38–100].

Размеры наконечников (4 экз.) различные – от 40,6 см до 10,8 см. Такие особенности изделий, скорее всего, отражают различное функциональное назначение этих предметов вооружения – от полноценных копий до дротиков.

Все они имеют удлиненное широкое перо. Однако его очертания у отдельных предметов различны. Так у одного из самых больших наконечников перо наиболее близко к обоюдно заостренной листовидной форме (рис. 3, 1), тогда как лезвия других имеют «пламевидные» очертания (рис. 3, 2–4). В этой связи следует подчеркнуть, что такая особенность морфологии втульчатых сейминско-турбинских копий характерна для них в целом [Там же. С. 66. Рис. 26, 3; С. 68. Рис. 28, 1].

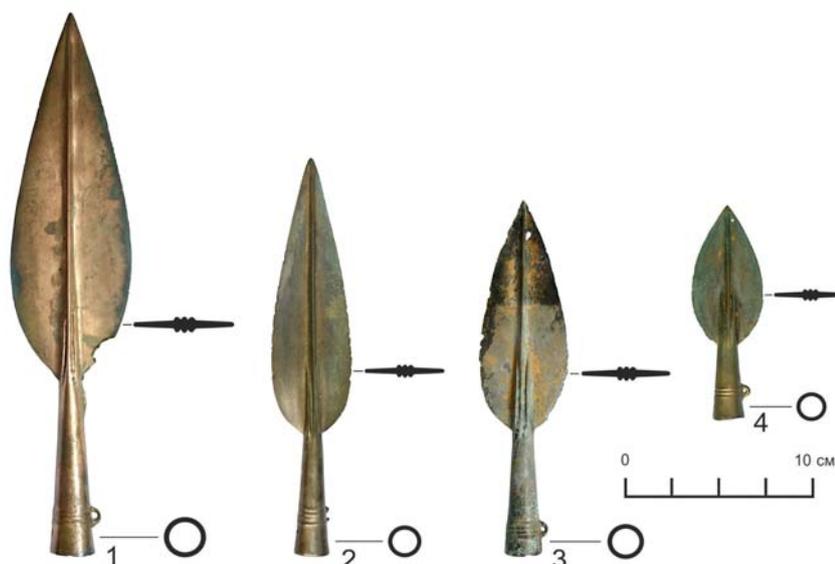

Рис. 3. Наконечники копий (фото Ю. В. Оборина)

Fig. 3. Spear tips (photo by Yu. V. Oborin)

Лезвия всех наконечников из Пышминской коллекции дополнены трехреберчатым вильчатый стержнем, переходящим во втулку изделия с одним боковым ушком. Центральная часть стержня имела наибольшую длину и являлась ребром жесткости лезвия предмета. Форма втулки обладала небольшой конусностью, необходимой для более надежного (уплотняющего) крепления деревянного древка. На всех наконечниках на втулке располагался рельефный декор в виде нескольких (от двух до пяти) рельефных горизонтальных валиков. На втулке одного из них боковое ушко, примыкающее к рельефному декору, сохранилось частично (рис. 3, 2). Все предметы имели хорошую сохранность, но на них присутствовали явные следы их использования, представленные сколами и небольшими погнутостями пера, а также утратами части краев и фрагментацией одного из ушек (рис. 3, 1–4).

В целом набор предметов мог составлять специализированный метательный комплект. По типологии Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых, копьа и дротики коллекции относятся к разряду копий КД-4 и КД-8 [Черных, Кузьминых, 1989. С. 66. Рис. 26, 3; С. 68. Рис. 28, 1, 3]. Такая разновидность предметов является одной из наиболее специфических категорий сейминско-турбинских металлических изделий [Там же. С. 70, 73. Рис. 33]. При этом необходимо отметить, что все втульчатые наконечники копий достаточно равномерно распространены по территории Евразии [Там же. С. 73]. Это затрудняет использование их в качестве узко датированных изделий в составе различных собраний, включая ритуальные и погребальные комплексы, а также клады. Наиболее территориально близкой аналогией копий из Пышминской коллекции являются наконечник из Омского «клада» и случайная находка копьа с устья р. Тары [Косарев, 1981. С. 94. Рис. 34, 5; Черных, Кузьминых, 1989. С. 68. Рис. 28, 3].

Следует также упомянуть о нескольких интересных особенностях так называемых «ушко-вых» наконечников копий. Одной из них является престижность предметов колющего вооружения с таким элементом, которая позволяла использовать копье еще и как навершие «штандарта» с определенной ритуальной символикой [Бочкарев, 2010. С. 141]. Другой важной особенностью является то обстоятельство, что к середине II тыс. до н. э. ушки на втулках копий стали самодостаточным и самостоятельным элементом, вытеснив другие детали их декора [Бочкарев, 2010. С. 138]. Поэтому сочетание на всех втулках ушек и различных вариантов рельефных валиков позволяет датировать эти предметы временем до первой половины II тыс. до н. э.

Поскольку ранее более половины находок сейминско-турбинских втульчатых наконечников копий локализовалось к западу от Урала [Черных, Кузьминых, 1989. С. 73], то Пышминская коллекция позволяет внести существенные коррективы в наши представления о пропорциональности соотношения таких артефактов в различных регионах Северной Евразии. Следует также подчеркнуть, что находка еще четырех втульчатых наконечников копий с боковой петелькой существенно расширяет собрание такой разновидности колющего оружия указанного времени для Западной Сибири в целом.

Двулезвийные пластинчатые ножи (3 шт.) из изучаемой коллекции – это короткие (10,2 см), средние (13 см) и длинные (19 см) изделия (рис. 4), представляющие все основные параметрические группы таких ножей. По типологии Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых, они относятся к разряду НК-6. Имеют выделенные массивные короткие черенки, на которых сохранились фрагменты древесных волокон от рукоятей. Клинки подтреугольного или листовидного очертания прокованы с двух сторон и отделены от черенков сравнительно слабо намеченными «плечиками». Такие разновидности режуще-колющих инструментов сейминско-турбинского времени были широко распространены в Восточной Европе, Зауралье и Западной Сибири, включая Прииртышье (Ростовка) и Приобье (Клепиково) [Черных, Кузьминых, 1989. С. 92–99. Рис. 55; Сериков и др., 2009. С. 71. Рис. 4; Сатыга..., 2011. С. 106. Рис. 2. 2, 6; С. 110. Рис. 2.7, 2; Илл. 5, 2–6]. Среди ножей Пышминской коллекции особое внимание следует обратить на изделие с боковым выступом (не срезанная литейная закраина) на участке края окончания его черенка (рис. 4, 2). Этот предмет имеет явные аналогии с одним из пластинчатых ножей из культового собрания памятника Шайтанское Озеро II на Среднем Урале [Сериков и др., 2009. С. 71. Рис. 4, 11].

Рис. 4. Ножи (фото Ю. В. Оборина)
Fig. 4. Knives (photo by Yu. V. Oborin)

Кельты (11 шт.) отличаются целым рядом характерных особенностей (рис. 5, 1–11). Их длина варьирует от 18 до 10 см. Все они имеют по краям резко выраженные рельефные ребра жесткости. По сравнению со втулками лезвия расширены. Кроме соответствующих пропорций данного элемента, заложенного уже на уровне литейной формы, лезвия кельтов приобретали свой окончательный вид при проковке. Венчики втулок не были усилены дополнительными валиками, боковые ушки на изделиях отсутствовали. Неорнаментированными были семь кельтов (рис. 5, 1–7). Такие признаки позволяют отнести их к относительно ранним сейминско-турбинским формам [Сатыга..., 2011. С. 72]. По типологии Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых, все безушковые кельты из Пышминской коллекции можно отнести к нескольким разрядам: К-4, К-6, К-14 [Черных, Кузьминых, 1989. С. 40. Рис. 3; С. 44. Рис. 7; С. 50. Рис. 12].

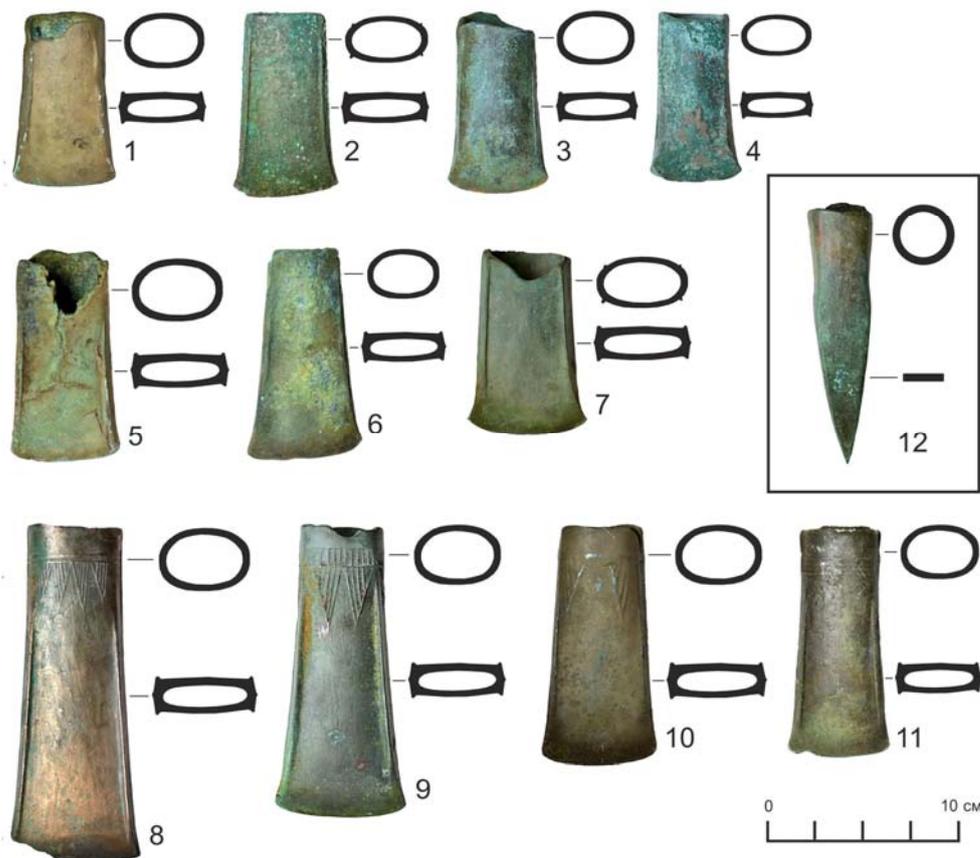

Рис. 5. Втульчатые орудия: 1–11 – кельты; 12 – пешня
(фото Ю. В. Оборина)

Fig. 5. Bronze sleeve tools: 1–11 – celts; 12 – ice pick
(photo by Yu. V. Oborin)

Инструменты имели следы активного использования (сколы и замятости по краям лезвия, обломы краев втулки и др.). На нескольких предметах фиксировалась выработка с одной стороны лезвия (рис. 5, 2, 8, 11). Это обстоятельство указывает на использование их в качестве топоров (лезвия орудий располагались параллельно оси рукояти). Остальные орудия, видимо, применялись в качестве тесел (рис. 5, 1, 3–7, 9, 10). В целом кельты из Пышминской коллекции отличаются значительным разнообразием (включая декорирование). Такая специфика может косвенно свидетельствовать о длительности периода их собирания (при условии, что находки являются одним комплексом).

Отдельно следует остановиться на изучении орнаментики данных изделий. Так, четыре кельта украшены параллельными тонкими валиками (иногда с внутренней перпендикулярной штриховкой) с поясом в виде заштрихованных треугольников-фестонов (рис. 5, 8–11). Внутренняя «штриховка» длинных треугольных фестонов представлена в двух вариантах: один из них – это почти вертикальная «штриховка» (рис. 5, 8, 9); другой – наклонная (рис. 5, 10–11). На некоторых экземплярах с фестонами верхние параллельные валики имели перпендикулярную «штриховку» (рис. 5, 8–11). Этот орнаментальный элемент именуется «сейминской» лесенкой и является одним из характерных и определяющих в композиционном смысле [Бочкарев, 2010. С. 65]. Часть предметов (рис. 5, 8–10) относится ко второму типу композиции декора сейминско-турбинских кельтов, датирующихся в пределах XVIII–

XIV вв. до н. э. [Там же. С. 67, 70]. Наиболее близкой территориальной аналогией орнаментированным кельтам Пышминской коллекции является предмет из Омского «клада» [Косарев, 1981. С. 94. Рис. 34, 6].

Назначение единичного втульчатого приостренного изделия длиной 12 см из Пышминской коллекции (рис. 5, 12) необходимо уточнить. Так, в публикациях различных авторов подобные инструменты назывались либо втульчатыми копьевидными долотами [Мошинская, 1957. С. 145. Рис. 61, 2; Кузьмина, 1968. С. 13. Рис. 4, 3], либо втульчатыми чеканами [Сериков и др., 2009. С. 69, 73]. Однако в действительности по своим морфологическим и функциональным признакам это изделие соответствует пешне (лому) – острому металлическому наконечнику на деревянной рукояти. Такие изделия достаточно часто встречались в составе предметных комплексов кладов эпохи палеометалла на территории юга Западной Сибири и Средней Азии [Мошинская, 1957. С. 145. Рис. 61, 2; Кузьмина, 1968. С. 13. Рис. 4, 3], а также в собраниях культовых комплексов Среднего Прииртышья и Среднего Урала [Матющенко, Сеницына, 1988. С. 100. Рис. 80; С. 101. Рис. 89, 1, 2; Сериков и др., 2009. С. 69, 71]. Наиболее территориально близкой находкой на востоке является изделие из Баландинского клада (Омская область, левый берег Иртыша) [Мошинская, 1957. С. 145. Рис. 61, 2]. На западе аналогии этому изделию можно найти среди комплекта металлических изделий ритуального (культового) места Шайтанское Озеро II на Среднем Урале [Сериков и др., 2009. С. 73. Рис. 7, 9, 1]. Впоследствии именно такой тип инструментов достаточно часто встречался в составе кладов различных периодов эпохи раннего железа на Среднем Енисее. Таким образом, бронзовую пешню можно рассматривать в качестве одного из наиболее поздних по происхождению предметов изучаемой коллекции. Датировка изделия – рубеж II–I тыс. до н. э., т. е. эпоха поздней бронзы.

Особое внимание в составе Пышминской коллекции привлекает металлическая пластинчатая личина с рельефным составным носом (рис. 6). Размер изделия – 186 × 128 мм. Имеет овальную форму. Выполнено методомковки (чеканки) из листа цветного металла. По периметру пробито 31 отверстие для крепления к органической основе. Глаза выполнены в виде небольших округлых отверстий, обрамленных невысоким валиком. Надбровные дуги намечены рельефными чеканными выступами. Нос был изготовлен отдельно и представляет собой полую подквадратную втулку из листа цветного металла. В нее вставлялся небольшой деревянный стержень с подчеркнuto клиновидным окончанием (рис. 6, 4, 5), возможно, являвшийся частью сучка дерева (или отдельного клина). Рот выполнен чеканкой с одним рельефно обозначенным рядом оскаленных зубов.

Отметим, что иконография и конструктивные особенности этой личины имеют явные аналогии с ритуальными деревянными масками культуры Сяохэ в Синьцзяне [Молодин и др., 2019. С. 74–75. Рис. 2]. Среди признаков сходства следует особо отметить крупные, объемно обработанные, сильно выступающие носы, рельефно выполненные брови и округлые глаза. Не менее важной изобразительной деталью является открытый рот с одним рядом оскаленных зубов – эта деталь близка по своему оформлению декоративному элементу «сейминская лесенка», широко распространенному в металлопластике эпохи развитой бронзы Евразии. [Бочкарев, 2010. С. 65]. Подчеркнем, что возможное покрытие деревянной скульптуры маской из металла в Пышминской коллекции и кожей на нескольких сходных изделиях с оз. Лобнор (Синьзянь) [Там же. С. 75. Рис. 2, 1б, 2б], вероятно, являются не только технологическими особенностями, но и важными атрибутами, подчеркивающими ритуальный статус таких предметов. Так, в более поздней антропоморфной ритуальной атрибутике севера Западной Сибири использование металла было одновременно статусным и сакральным признаком.

Особое значение имеет датировка маски из Пышминской коллекции. Подчеркнем, что хронология деревянных масок с гипертрофированными носами с оз. Лобнор относится их исследователями к XVII–XV вв. до н. э. [Молодин и др., 2019. С. 71]. Следует также упомянуть,

Рис. 6. Личина:

1 – лицевая сторона; 2 – оборотная сторона; 3 – лицевая сторона в пол-оборота;
4 – деревянное основание носа; 5 – металлическое покрытие носа
(фото Ю. В. Оборина)

Fig. 6. Mask:

1 – front side; 2 – back side; 3 – front half angle view;
4 – wooden base of the nose; 5 – metal coating of the nose
(photo by Yu. V. Oborin)

что «некитайские» модели лица представлены в объемном декоре некоторых ритуальных металлических сосудов заключительного периода Шан (XIII–XII вв. до н. э.) на юге Китая [Погребенные..., 1998, С. 35, 36; Стафутти, Романгнопи, 2015. С. 35. Рис. 35]. В то же время среди каменных антропоморфных объемных изображений самусьской культуры на юге Западной Сибири широко представлена передача вида человеческих лиц с гипертрофированно длинными выступающими крупными носами, широко открытыми округлыми глазами [Косарев, 1981. С. 102. Рис. 37, 7, 8; Матющенко, 2006. С. 316. Рис. 1, 3, 6, 8]. Такие особенности можно интерпретировать как воспроизведение определенного антропологического своеобразия, что более всего соответствует не монголоидному, а европеоидному типу лица. Следует подчеркнуть, что в Синьцзяне «европеоидные» культуры представлены уже начиная с афанасьевского времени [Молодин, Алкин, 2012. С. 152, 153].

В отношении пышминской личины можно также говорить о попытке достаточно точного воспроизведения антропологических особенностей. Это, кроме сильно выдающегося носа, косвенно подтверждается совпадением пропорций расстояния между изображением круглых зрачков. Оно составляет 58 мм, что примерно соответствует межцентровому расстоянию между зрачками глаз человека.

Но кроме сходства антропологических прототипов для деревянных масок с оз. Лобнор и металлической личины из Пышминской коллекции следует отметить и их отличия. Так, для определения культурного и хронологического своеобразия антропоморфных предметов из Синьцзяна особое значение имеет обмотка лиц нитями. Они образуют несколько поперечных полос на лице. Именно этот элемент позволяет соотносить маски с оз. Лобнор с окуневской традицией, представленной не только на каменных изваяниях [Молодин и др., 2019. С. 76,

77. Рис. 3], но и на рельефных изображениях отдельных каменных плит погребальных ящиков Среднего Енисея [Материалы..., 2012. С. 222. Рис. 7, 10; С. 224].

Для личины из Пышминской коллекции культурно определяющими признаками можно считать приострение верхней и нижней частей лица. Верхняя приостренная часть головы вполне может быть соотнесена с характерным для самусько-сейминского времени головным убором. Именно такие плотно облегающие голову «шапочки» типичны для различных образцов антропоморфной пластики юга Западной Сибири [Molodin, 2015]. Следует также упомянуть о недавно обнаруженном каменном остроголовом антропоморфном жезле из с. Долина Свободы на Северном Алтае [Бородовский, Бородовская, 2013. С. 144. Рис. 51, 1, 2], на котором подбородок явно приострен [Там же. С. 214. Рис. 121, 12]. Такая деталь сближает его с общим абрисом нижней части головы на пышминской личине, что позволяет предполагать попытку изображения клиновидной бородки в обоих случаях. Аналогичное приострение подбородка характерно также для одной из антропоморфных фигурок из памятника Турист-2, изготовленной из бивня мамонта в эпоху развитой бронзы в Новосибирском Приобье [Басова и др., 2019. С. 57. Рис. 4]. Другим вариантом интерпретации приостренного подбородка у пышминской личины могут быть достаточно многочисленные аналогии с таким элементом среди петроглифики и некоторых предметов мобильного искусства, выступающим характерной чертой антропоморфных изображений Верхнего и Среднего Енисея окуневского времени [Заика, 2013. С. 37. Рис. 1, 16; С. 39. Рис. 3, 6, 8, 9; 4, 10, 15; Кожин, 2013. С. 32]. В этой связи необходимо подчеркнуть, что на деревянных масках с гипертрофированными носами с оз. Лобнор, в сравнении с металлической личиной из Пышминской коллекции, верхняя часть головы уплощена значительно больше, а подбородок имеет более плавные очертания, близкие к естественной форме [Молодин и др., 2019. С. 75. Рис. 2, 1а–3а]. Очевидно, что в таких особенностях проявляются локально-территориальные отличия антропоморфных изображений эпохи бронзы юга Западной Сибири и Центральной Азии.

Важно подчеркнуть, что «остроголовость» ритуальных антропоморфных изображений, происходящих с различных территорий Западной Сибири, прослеживается с эпохи развитой бронзы [Колобова и др., 2019. С. 74. Рис. 9] и до этнографической современности [Бауло, 2013. С. 54. Рис. 53–64]. Для ритуальной практики населения северных территорий Западной Сибири, соседствующих с Зауральем, также характерно сохранение вплоть до современности берестяных масок с удлинненными носами [Там же. С. 156. Рис. 204].

Обсуждение

Разнообразие изделий и их размеров, а также несколько функциональных категорий предметов (орудия, оружие и ритуальные принадлежности) Пышминской коллекции вполне соответствуют наборам кладов или предметных собраний культовых комплексов. Если ее интерпретировать как клад, то можно указать на упоминание И. Я. Словцовым в конце XIX в. о попытке поиска клада на Мулашинском городище, расположенном напротив одноименных юрт на левом берегу нижнего течения Пышмы (в пределах современных границ Тюменского района Тюменской области) [Бородовский, Бородовская, 2013. С. 83]. В наше время попытки поиска кладов на этой территории продолжились. При этом следует подчеркнуть, что Пышминская коллекция имеет целый ряд признаков, сближающих его с кладами. Прежде всего это явные отличия предметных собраний кладов, состоящих из многочисленных и разнообразных изделий от «аналогичных» комплектов сопроводительного инвентаря из погребений по целому ряду критериев. Среди них сочетание компактности и широты хронологических рамок предметных комплексов, а также встречаемости различных типов вещей и их серийности.

По количественному критерию клады можно разделить на несколько групп: большекомплектные (от сотни предметов и больше), среднекомплектные (несколько десятков изделий), малокомплектные (несколько вещей). Исходя из этих параметров Пышминскую коллекцию,

если она является кладом, следует отнести к среднекомплектному собранию (два десятка предметов). В его состав входит серия различных бронзовых вещей (наконечники копий, ножи, кельты), а также единичные изделия (пешня и личина). Кроме того, сочетание в коллекции серий однотипных ножей, наконечников копий и кельтов может быть одним из оснований для относительной датировки этого предметного комплекса. Втульчатые одноушковые наконечники копий с широким пером, как и безушковые кельты из описанного собрания, скорее всего, относятся к периоду не ранее середины II тыс. до н. э.

Если Пышминская коллекция является кладом, то этот предметный комплекс соответствует наиболее раннему периоду его формирования. К тому же времени, возможно, относится и металлическая личина. Широта встречаемости таких объемных антропоморфных изображений с гипертрофированными носами совпадает с периодом максимального территориального распространения сейминско-турбинских бронз на территории Евразии [Черных, Кузьминых, 1989. С. 261]. Однако в таком случае наличие единичного наконечника бронзовой пешни среди комплекта сейминско-турбинских изделий (кинжалов, кельтов и копий) указывает на относительно позднее время завершения его формирования). Хронологически это рубеж II–I тыс. до н. э. Для данной коллекции одним из ближайших комплексов, включающих сейминско-турбинские предметы, является Ростовкинский клад [Молодин, Нескоров, 2009; Дегтярева, Нескоров, 2015]. В этом собрании они также являются наиболее архаичными вещами.

В качестве явного отличия собрания кладов от сопроводительного инвентаря разрушенных погребальных комплексов следует привести аргументацию по интерпретации Омского и Омарского «кладов». Эти комплексы, хотя и совпадают с Пышминской коллекцией по основному перечню входящих в них предметов (пластинчатые двулезвийные ножи, втульчатые одноушковые наконечники копий и кельты), но не соответствуют ей по незначительному количеству предметов [Черных, Кузьминых, 1989. С. 6, 28]. Кроме того, для некоторых из этих собраний (Омарский «клад») позднее были установлены косвенные признаки наличия на территории их обнаружения погребальных комплексов (могильник Березняки-Омары). Для коллекции сейминско-турбинских металлических предметов с Нижней Пышмы такая детализация контекста обнаружения не может быть установлена. Поэтому следует еще рассмотреть возможность ее принадлежности к ритуальному комплексу.

В рамках интерпретации коллекции как комплекта предметов культового или ритуального места следует упомянуть, что, по одной из версий, происхождение гидронима Пышма соотносится с хантыйским словом «пысынг» – «святой» [Матвеев, 2008]. Не менее важно и то, что в районе верховьев этой реки (на Среднем Урале) расположено культовое место на Шайтанском озере, среди комплекта сейминско-турбинских металлических изделий которого есть целый ряд сходных категорий [Серикив и др., 2009. С. 71. Рис. 5; С. 73. Рис. 7].

Кроме обсуждения вариантов интерпретации функциональной принадлежности Пышминской коллекции не менее важным является ее историко-культурное значение. Давно отмечено, что сейминско-турбинский культурный феномен имеет несколько выраженных (западных и восточных) территориальных компонентов [Черных, 2013. Т. 1. С. 269; Т. 2. С. 391; Молодин, Комиссаров, 2001]. Для предметного комплекса данной коллекции все эти компоненты представлены в полной мере. Первый (алтайский культурный компонент) проявляется в типичных бронзовых предметах – наконечниках копий, кельтах и ножах-кинжалах. Второй (центрально-азиатский) вполне наглядно представлен металлической личиной с гипертрофированным носом, аналогии которой известны на территории Синьцзяна. Такое органичное слияние различных культурных составляющих явно соответствует периоду наибольшего «расцвета» сейминско-турбинского феномена как транскультурного евразийского явления в период XVII–XVI вв. до н. э. Именно в это время как на западе, так и на востоке Евразии, отмечалась активизация интеграционных культурных процессов [Черных, Кузьминых, 1989. С. 261].

При оценке значимости восточных регионов Евразии для локализации территорий с максимальной насыщенностью предметными комплексами сейминско-турбинского времени следует отметить особенности географического контекста расположения Пышминской коллекции. Ее локация достаточно любопытна. К западу (на Среднем Урале в районе верховий Пышмы) находится один из культовых комплексов эпохи бронзы – Шайтанское Озеро II, располагающий достаточно обширным собранием металлических предметов сейминско-турбинского типа [Сериков и др., 2009. С. 71. Рис. 5; С. 73. Рис. 7]. Для территорий восточнее нижнего течения Пышмы (Среднее Прииртышье), а также нижнего и среднего течения Оми, характерно не только обилие, но и разнообразие сейминско-турбинских предметов [Молодин, Нескоров, 2010]. Отмеченные пространственные особенности позволяют специалистам, рассматривать эту часть Западной Сибири как особый район в рамках самусько-сейминского транскультурного феномена. В связи с этим следует отметить, что наиболее знаковые предметы Пышминской коллекции (ножи, наконечники копий, кельты и личина) вполне соответствуют такой историко-культурной интерпретации. Поэтому ее можно рассматривать в контексте двух фаз распространения (как последствий процессов быстрого перемещения и стабильного обитания на определенной территории) носителей сейминско-турбинской культурной традиции [Черных, Кузьминых, 1989. С. 261]. В таких рамках, очевидно, существовали два пути распространения и концентрации сейминско-турбинских металлических предметов.

Северный путь проходил по лесостепному коридору, на протяжении которого располагались несколько зон стабильности, среди них Барабинская лесостепь и Северный Алтай [Савинов, 2013. С. 7, 9, 12]. На этой территории, кроме достаточно многочисленных металлических сейминско-турбинских предметов, выявленных в погребальных комплексах, известен еще достаточно многочисленный Ростовкинский клад [Молодин, Нескоров, 2009; Дегтярева, Нескоров, 2015]. Другой – южный – путь проходил по предгорьям северо-запада Центральной Азии и восточным отрогам Тянь-Шаня. Здесь локализовались несколько зон (очагов) стабилизации – Семиречье (внутренние районы Тянь-Шаня) и Синьцзян (Восточный Туркестан) [Там же. С. 12]. Именно с этими транспортными коридорами явную связь демонстрирует изучаемое собрание.

Заключение

Комплектность изделий Пышминской коллекции, связанной с северным путем распространения и концентрации сейминско-турбинских бронзовых предметов, демонстрирует явную близость к культовым собраниям (Галичский «клад»), в состав которых также входили антропоморфные металлические предметы [Студзицкая, Кузьминых, 2001]. Такое сходство позволяет рассматривать Пышминскую коллекцию в рамках транскультурного феномена – одной из отличительных черт материальной культуры сейминско-турбинского периода эпохи бронзы.

Список литературы

- Басова Н. В., Постнов А. В., Заика А. Л., Молодин В. И.** Предметы мобильного искусства из могильника эпохи бронзы на поселении Турист-2 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47, № 4. С. 53–65.
- Бауло А. В.** Священные места и атрибуты манси в начале XXI века. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Баско, 2013. 208 с.
- Бородовский А. П., Бородовская Е. Л.** Археологические памятники горной долины Нижней Катуни в эпоху палеометалла. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. 220 с.
- Бочкарев В. С.** Культурогенез и древняя металлообработка Восточной Европы. СПб.: Инфо-Ол, 2010. 231 с.

- Дегтярева А. Д., Нескоров А. В. Ростовкинский клад бронзовых изделий эпохи бронзы (культурная интерпретация) // Вестник антропологии и этнографии. 2015. № 3 (30). С. 32–41.
- Заика А. Л. Сердцевидные личины в петроглифах Южной Сибири // Научное обозрение Саяно-Алтая. Серия: Археология. 2013. № 1 (5). С. 35–51.
- Кожин П. М. Древнейший портрет на Енисее // Научное обозрение Саяно-Алтая. Серия: Археология. 2013. № 1 (5). С. 28–34.
- Колобова К. А., Федорченко А. Ю., Басова Н. В., Постнов А. В., Ковалев В. С., Чистяков П. В., Молодин В. И. Применение 3D-моделирования для реконструкции облика и функции предметов неутилитарного назначения (на примере антропоморфной скульптуры из материалов могильника Турист-2) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47, № 4. С. 66–76.
- Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 278 с.
- Кузьмина Е. Е. Клад эпохи бронзы из Каракола // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 13–15.
- Материалы по энеолиту Хакасии из архива А. И. Липского (подготовлено Л. А. Соколовой) // Афанасьевский сборник – 2. Барнаул: Азбука, 2012. С. 210–224.
- Матвеев А. К. Географические названия Урала: Топонимический словарь. Екатеринбург: Сократ, 2008. 352 с.
- Матющенко В. И. О северо-западных границах самусько-сейминской общности // Окуневский сборник-2: Культура и ее окружение. СПб.: Изд-во ГАИ; СПбГУ, 2006. С. 312–321.
- Матющенко В. И., Синицына Г. В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во ТГУ, 1988. 132 с.
- Молодин В. И., Алкин С. В. Памятники афанасьевского времени на северо-западе Китая (Синьцзян) // Афанасьевский сборник – 2. Барнаул: Азбука, 2012. С. 149–154.
- Молодин В. И., Комиссаров С. А. Сейминское копье из Цинхая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. 7. С. 374–381.
- Молодин В. И., Комиссаров С. А., Нестеркина А. Л. Материалы из окрестностей озера Лобнор в фондах Центрального национального музея Республики Корея и их осмысление в контексте современных археологических исследований в Синьцзяне // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 5: Археология и этнография. С. 69–85.
- Молодин В. И., Нескоров А. В. Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (трагедия уникального памятника – последствия бугровщичества XXI века) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 3. С. 58–71.
- Мошинская В. И. Баландинский клад бронзовых инструментов // КСИИМК. 1957. Вып. 67. С. 144–146.
- Погребенные царства Китая. М.: Изд-во «Терра – Книжный клуб», 1998. 168 с.
- Савинов Д. Г. О двух путях распространения бронзовых изделий сейминского типа на восток // Теория и практика археологических исследований. 2013. Вып. 8. С. 5–16.
- Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2011. 192 с.
- Сериков Ю. Б., Корочкова О. И., Кузьминых С. В., Стефанов В. И. Шайтанское Озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 2 (38). С. 67–78.
- Стафутти С., Романгнони Ф. Китай. История и сокровища античной цивилизации. Астана: Фолиант, 2015. 208 с.
- Студзицкая С. В., Кузьминых С. В. Галичский «клад» (к проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии) // Мировоззрение древнего населения Евразии. М.: [Б. и.], 2001. С. 123–165.
- Черных Е. Н. Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира. М.: Языки славянской культуры, 2013. Т. 1. 368 с.; Т. 2. 433 с.

Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Molodin V. I. Scepters of the developed Early Bronze Age in the South of Western Siberia (iconography and semantics) // Искусство бронзового века: Материалы междунар. симп. Новосибирск; Берлин: [Б. и.], 2015. С. 189–210.

References

Basova N. V., Postnov A. V., Zaika A. L., Molodin V. I. Predmety mobil'nogo iskusstva iz mogil'nika epokhi bronzy na poselenii Tunist-2 [Items of mobile art from the burial ground of the Bronze Age in the settlement of Tourist-2]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2019, no. 4, p. 53–65. (in Russ.)

Baulo A. V. Svyashchennye mesta i atributy mansi v nachale XXI veka [Sacred places and attributes of Mansi at the beginning of the 21st century]. Khanty-Mansiisk, Ekaterinburg, Basko Publ., 2013, 208 p. (in Russ.)

Bochkarev V. S. Kul'turogenez, i drevnyaya metalloobrabotka Vostochnoi Evropy [Cultural Genesis, and Ancient Metalworking of Eastern Europe]. St. Petersburg, Info-Ol Publ., 2010, 231 p. (in Russ.)

Borodovsky A. P., Borodovskaya E. L. Arkheologicheskie pamyatniki gornoj doliny nizhnei Katuni v epokhu paleometalla [Archaeological sites of the mountain valley of lower Katun in the era of the paleometal]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2013, 220 p. (in Russ.)

Chernykh E. N. Kul'tury nomadov v megastrukture Evrazijskogo mira [Culture of nomads in the megastructure of the Eurasian world]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2013, vol. 1, 368 p.; vol. 2, 433 p. (in Russ.)

Chernykh E. N., Kuzminykh S. V. Drevnyaya metallurgiya Severnoi Evrazii (seiminsko-turbin-skii fenomen) [Ancient metallurgy of Northern Eurasia (Sejm-Turbino phenomenon)]. Moscow, Nauka, 1989, 320 p. (in Russ.)

Degtyareva A. D., Neskorov A. V. Rostovkinskii klad bronzovykh izdelii epokhi bronzy (kul'turnaya interpretatsiya) [Rostovkin treasure of bronze products of the Bronze Age (cultural interpretation)]. *Vestnik antropologii i etnografii* [Bulletin of Anthropology and Ethnography], 2015, no. 3, p. 32–41. (in Russ.)

Kolobova K. A., Fedorchenko A. Yu., Basova N. V., Postnov A. V., Kovalev V. S., Chistyakov P. V., Molodin V. I. Primenenie 3D-modelirovaniya dlya rekonstruktsii oblika i funktsii predmetov neutilitarnogo naznacheniya (na primere antropomorfnoi skul'ptury iz materialov mogil'nika Tunist-2) [The use of 3D modeling for reconstructing the appearance and function of non-utilitarian objects (by the example of an anthropomorphic sculpture from materials from the burial ground Tourist-2)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2019, no. 4, p. 66–76. (in Russ.)

Kosarev M. F. Bronzovyi vek Zapadnoi Sibiri [Bronze Age of Western Siberia]. Moscow, Nauka, 1981, 278 p. (in Russ.)

Kozhin P. M. Drevneishii portret na Enisee [The oldest portrait on the Yenisei]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya* [Scientific Review of Sayano-Altai], 2013, no. 1, p. 28–34. (in Russ.)

Kuzmina E. E. Klad epokhi bronzy iz Karakola [Treasure of the Bronze Age from Karakol]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications from the Institute of Archaeology], 1968, iss. 114, p. 13–15. (in Russ.)

Materialy po eneolitu Khakasii iz arkhiva A. I. Lipskogo (podgotovleno L. A. Sokolova) [Materials on the Eneolithic of Khakassia from the archive of A. I. Lipsky (prepared by L. A. Sokolov)]. In: Afanasievskii sbornik 2 [Afanasyevsky collection 2]. Barnaul, Azbuka Publ., 2012, p. 210–224. (in Russ.)

- Matveev A. K.** Geograficheskie nazvaniya Urala: Toponimicheskii slovar' [Geographical names of the Urals: Toponymic Dictionary]. Ekaterinburg, Sokrat Publ., 2008, 352 p. (in Russ.)
- Matyushchenko V. I.** O severo-zapadnykh granitsakh samus'sko-seiminskoi obshchnosti [On the northwestern borders of the Samusko-Seyminsk community]. In: Okunevskii sbornik 2 [Okunevsky collection 2]. St. Petersburg, GAI, St. Petersburg State Uni. Publ., 2006, p. 312–321. (in Russ.)
- Matyushchenko V. I., Sinitsyna G. V.** Mogil'nik u d. Rostovka vblizi Omska [The burial ground near the village of Rostovka near Omsk]. Tomsk, Tomsk State Uni. Publ., 1988, 132 p. (in Russ.)
- Molodin V. I.** Scepters of the developed Early Bronze Age in the South of Western Siberia (iconography and semantics) [Scepters of the developed Early Bronze Age in the South of Western Siberia (iconography and semantics)]. In: Iskusstvo bronzovogo veka. Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma [Bronze Age Art Materials of the International Symposium]. Novosibirsk, Berlin, 2015, p. 189–210. (in Russ.)
- Molodin V. I., Komissarov S. A.** Seiminskoe kop'e iz Tsinkhaya [Seima spear from Qinghai]. In: Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2001, p. 374–381 (in Russ.)
- Molodin V. I., Komissarov S. A., Nesterkina A. L.** Materialy iz okrestnostei ozera Lobnor v fondakh Tsentral'nogo natsional'nogo muzeya Respubliki Koreya i ikh osmyslenie v kontekste sovremennykh arkheologicheskikh issledovaniy v Sin'tszyane [Materials from the surroundings of Lake Lobnor in the funds of the Central National Museum of the Republic of Korea and their interpretation in the context of modern archaeological research in Xinjiang]. *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2019, no. 5, p. 69–85. (in Russ.)
- Molodin V. I., Neskorov A. V.** Kolleksiya seiminsko-turbinskikh bronz iz Priirtysh'ya (tragediya unikal'nogo pamyatnika – posledstviya bugrovshchichestva XXI veka) [The collection of the Seima-Turbino bronzes from the Irtysh region (the tragedy of a unique site destroyed by unauthorized excavations in the 21st century)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2010, no. 3, p. 58–71. (in Russ.)
- Molodin V. I., Alkin S. V.** Pamyatniki afanas'evskogo vremeni na severo-zapade Kitaya (Sin'tszyan) [Monuments of Afanasyev's time in the north-west of China (Xinjiang)]. In: Afanasievskii sbornik 2 [Afanasyevsky collection 2]. Barnaul, Azbuka Publ., 2012, p. 149–154. (in Russ.)
- Moshinskaya V. I.** Balandinskii klad bronzovykh instrumentov [Balandin's treasure of bronze instruments]. *Kratkie soobshcheniya Instituta isorii material'noi kul'tury* [Brief Communications from the Institute of the History of Material Culture], 1957, iss. 67, p. 144–146. (in Russ.)
- Pogrebennye tsarstva Kitaya [Buried Kingdoms of China]. Moscow, Terra – Knizhnyi klub Publ., 1998, 168 p. (in Russ.)
- Satyga XVI: seiminsko-turbinskii mogil'nik v taezhnoi zone Zapadnoi Sibiri [Satyga XVI: Seima-Turbino burial ground in the taiga zone of Western Siberia]. Ekaterinburg, Ural'skii rabochii Publ., 2011, 192 p. (in Russ.)
- Savinov D. G.** O dvukh putyakh rasprostraneniya bronzovykh izdelii seiminskogo tipa na vostok [About the two ways of distribution of bronze objects of the Seymin type to the east]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research], 2013, no. 8, p. 5–16. (in Russ.)
- Serikov Yu. B., Korochkova O. I., Kuzminykh S. V., Stefanov V. I.** Shaitanskoe ozero II: novye syuzhety v izuchenii bronzovogo veka Urals [Shaitan Lake II: new subjects in the study of the Bronze Age of the Urals]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2009, no. 2, p. 67–78. (in Russ.)
- Stafutti S., Romangnopi F.** Kitai. Istoriya i sokrovishcha antichnoi tsivilizatsii [China. History and treasures of the ancient civilization]. Astana, Foliant Publ., 2015, 208 p. (in Russ.)

- Studitskaya S. V., Kuzminykh S. V.** Galichskii “klad” (k probleme stanovleniya shamanizma v bronzovom veke Severnoi Evrazii) [Galich “treasure” (on the problem of the formation of shamanism in the Bronze Age of Northern Eurasia)]. In: Mirovozzrenie drevnego naseleniya Evrazii [The worldview of the ancient population of Eurasia], 2001, p. 123–165. (in Russ.)
- Zaika A. L.** Sertsevidnye lichiny v petroglifakh Yuzhnoi Sibiri [Heart-shaped masks in petroglyphs of South Siberia]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya* [Scientific Review of Sayano-Altai], 2013, no. 1, p. 35–51. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
13.03.2020

Сведения об авторах

Бородовский Андрей Павлович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
altaicenter2011@gmail.com
ORCID 0000-0002-6312-1024

Оборин Юрий Владимирович, независимый исследователь (Красноярск, Россия)
oborin.yur@yandex.ru

Information about the Authors

Andrew P. Borodovsky, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
altaicenter2011@gmail.com
ORCID 0000-0002-6312-1024

Yuri V. Oborin, Independent Researcher (Krasnoyarsk, Russian Federation)
oborin.yur@yandex.ru

УДК 903.22
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-119-129

Железный чекан сакского времени из могильника Джал-Арык II (Кетмень-Тюбинская долина, Западный Тянь-Шань)

С. С. Иванов

*Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына
Бишкек, Кыргызстан*

Аннотация

Проводится определение культурно-хронологической принадлежности железного чекана из кургана 2 могильника Джал-Арык II в Кетмень-Тюбинской долине Западного Тянь-Шаня. Данный вид вооружения был одним из самых редких на территории Притяньшанья в раннем железном веке. Имеет прямой боек, массивный молотовидный обух и закрытую втулку; был снабжен крупным железным втоком. На основе сопроводительного инвентаря из данного погребения и аналогий из Средней Азии и сопредельных территорий он был датирован рубежом V–IV вв. до н. э. Имеет очень близкие аналогии не только в соседнем Семиречье, также входившем в ареал распространения сакской культуры Притяньшанья, но и среди материалов родственной ей в этнокультурном отношении каменной культуры лесостепного Алтая. Кроме того, по-видимому, именно из этого района чеканы такого облика распространялись в Притяньшанье, на что указывают характерные детали, известные только в этих регионах. Однако на основании ряда деталей было установлено, что он имеет местное происхождение и отражает самостоятельную линию развития чеканов в одном из районов распространения сакской культуры, в основе которой лежали образцы из лесостепного Алтая.

Ключевые слова

Западный Тянь-Шань, сакский период, археология, вооружение, чекан

Для цитирования

Иванов С. С. Железный чекан сакского времени из могильника Джал-Арык II (Кетмень-Тюбинская долина, Западный Тянь-Шань) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография. С. 119–129. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-119-129

The Iron Hatchet of Saka Period from Burial Site Jal-Aryk II (Ketmen-Tyube Valley, Western Tien Shan)

S. S. Ivanov

*Kyrgyz National University named after J. Balasagyn
Bishkek, Kyrgyzstan*

Abstract

The article is devoted to the analysis of the iron battle hatchet from mound 2 of the Jal-Aryk II burial site in Ketmen-Tyube valley in the western part of Tien Shan.

Purpose. Battle hatchets are a rare category of weapons of Saka culture in the Tien Shan region. Therefore, the publication of one of the first finds of this type of weapon, which was made in the 1960s, is considered important.

Results. The combat hatchet has a straight pin, massive hammered butt and closed shaft-hole for the wooden handle. The combat hatchet also has iron capping, protecting the end of the handle. The features of the funeral inventory from the burial where the hatchet was found and based on analogies from Central Asia and Altai, and dates back to the late 5th – early 4th centuries BC. The closest parallels to it can be found in Saka burials in Semirechie and in related materials of the Kamen (Kamenskaya) culture in the Forest-Steppe of Altai.

© С. С. Иванов, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography

Conclusion. The investigated combat hatchet is one of the earliest examples of iron arms of the Saka culture in the Tien Shan region. In addition, we can conclude that this type of weapon appeared in their culture as a result of very close cultural contacts with the ancient population of the Forest-Steppe of Altai. However it was ultimately concluded that the combat hatchet from the Ketmen-Tyube valley had local origin and reflects the independent line of development of this type of weapon in the local Saka culture, based on samples from the Forest-Steppe of Altai.

Keywords

Western Tien Shan, Saka period, archaeology, weapons, combat hatchet

For citation

Ivanov S. S. The Iron Hatchet of Saka Period from Burial Site Jal-Aryk II (Ketmen-Tyube Valley, Western Tien Shan). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 119–129. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-119-129

Введение

В начале 60-х гг. прошлого века Токтогульским археологическим отрядом экспедиции Института истории АН Киргизской ССР под руководством И. К. Кожомбердиева в зоне строительства будущей Токтогульской ГЭС в Кетмень-Тюбинской долине (Западный Тянь-Шань) активно исследовались разновременные могильники. В их числе был крупный некрополь Джал-Арык II (рис. 1), на котором в богатом, непо потревоженном погребении кургана 2 был обнаружен уникальный железный чекан¹ со втоком² [Ташбаева, 2011. С. 45–46. Рис. 9]. Вплоть до настоящего времени он остается единичной находкой подобного вида вооружения на территории Кыргызстана.

Несколько раз чекан упоминался и воспроизводился в публикациях [Кожомбердиев, 1975а. С. 171; Заднепровский, Кожомбердиев, 1984. С. 157; Заднепровский, 1992. С. 88. Табл. 32, 10, 11], но так и не получил полного освещения в научной литературе, за исключением, пожалуй, недавней монографии К. И. Ташбаевой [2011. С. 69, 89–90. Рис. 63]. Однако и в последнем случае этому уникальному предмету дается относительно краткая характеристика.

К сожалению, в отмеченных работах приведена не совсем точная прорисовка предмета, на основе которой была составлена его неверная графическая реконструкция. Это заставило нас еще раз обратиться к данной, столь редкой в Притяньшанье, находке³. Детальный визуальный осмотр предмета позволил уточнить важные морфологические особенности.

Результаты исследования и обсуждение

Чекан удовлетворительной степени сохранности зафиксирован в захоронении *in situ*, располагался справа вдоль бедра погребенного воина.

Относится к группе втульчатых. Обладает прямым массивным бойком, овальным в сечении, плавно расширяющимся от основания к острию. При этом он деформирован и неестественно выгнут в одну сторону. Обух чекана относительно короткий, конец его скруглен и в сечении овальный. Втулка закрытая, заметно выступающая в верхней части. На уровне верхних границ бойка и обуха она имеет небольшой уступ, после которого начинает сужаться. В нижней части втулка также несколько выступает. В разрезе она имеет овальную форму.

¹ Вплоть до настоящего времени в оружейведческой литературе понятия «чекан» и «клевец» до конца не разграничены и часто служат синонимами (см. [Членова, 1967. С. 25; Кочеев, 1988. С. 146–148] и др.). Впрочем, еще в середине прошлого столетия М. П. Грязнов вполне обоснованно предложил чеканами называть только те экземпляры, которые имеют прямой боек, а клевцами – соответственно, загнутые экземпляры [1956. С. 39]. Исходя из этого, мы относим находку из могильника Джал-Арык II к чеканам.

² В настоящее время он экспонируется в Государственном историческом музее Кыргызской Республики, г. Бишкек, инв. № кп 2514/1 (оа 9/26).

³ Территория Притяньшанья представляет собой регион, охватывающий современную северную часть Кыргызстана, юго-восточную часть Казахстана и западную часть китайского Синьцзяна, где на протяжении большей части I тыс. до н. э. существовала самобытная сакская культура (подробнее см.: [Иванов, 2018]).

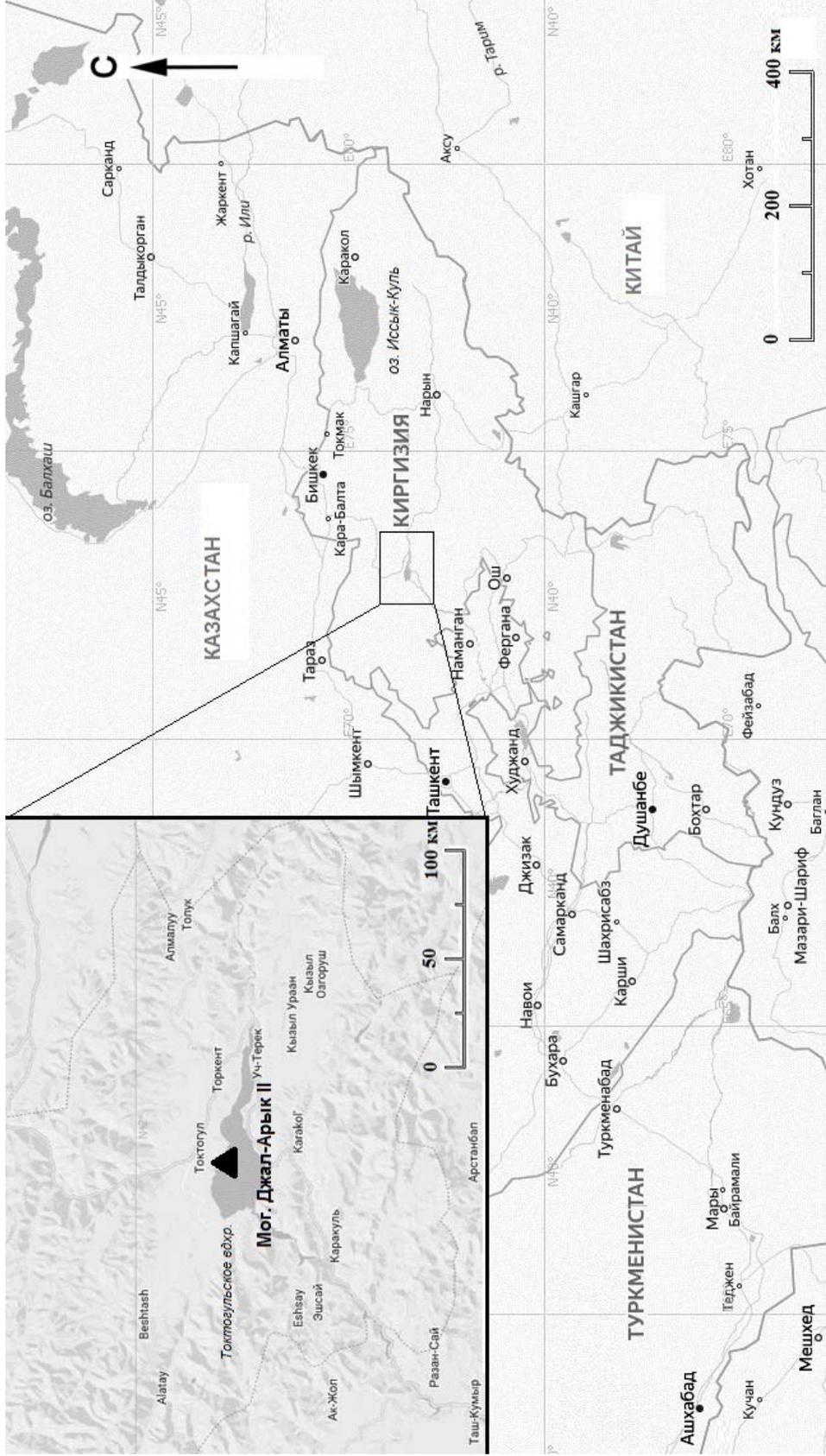

Рис. 1. Место расположения могильника Джал-Арык II (Кетмень-Тюбинская долина, Западный Тянь-Шань)
 Fig. 1. Localization of burial site Jal-Aryk II (Ketmen-Tyube valley, Western Tien Shan)

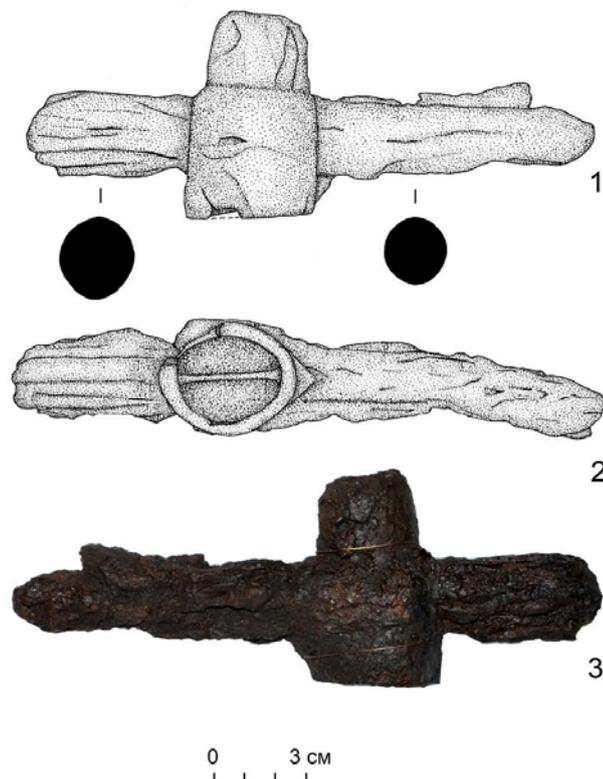

Рис. 2. Железный чекан из кургана 2 могильника Джал-Арык II:
1 – вид сбоку; 2 – вид сверху; 3 – фото автора

Fig. 2. The iron combat hatchet from mound 2 of Jal-Aryk II burial site:
1 – drawing (side view); 2 – drawing (top view); 3 – author's photo

Во внутренней части небольшая продольная перегородка, призванная при насаживании чекана на деревянное древко раскалывать его, подобно клину, для лучшей фиксации. Между нижней частью втулки и бойком имеется небольшой выступ-перемычка (рис. 2, 1–3).

Общая длина чекана 21,2 см, длина бойка 10,7 см, ширина 2,5 см, длина обуха 6,4 см, ширина обуха 3,3 см, высота втулки 8 см, размер устья втулки 3,7 × 3,1 см.

Вместе с чеканом был найден массивный железный вток хорошей сохранности. Он имеет овально-трапезиевидную форму, т. е. полукруглое тулово, постепенно сужающееся к устью [Лихачева, 2013. С. 62–63]. По краю устья проходит рельефно выделенный валик. В профиль он прямоугольной формы с приостренной нижней частью. Устье втока имеет форму неправильного овала. В одной из стенок предмета имелось отверстие, в котором сохранился массивный гвоздь конической формы, позволявший закрепить вток на рукояти (рис. 3, 1–2). Длина втока 8,2 см, ширина 5 см, размер устья 3,3 × 2 см.

Поскольку чекан был зафиксирован в не потревоженном состоянии, удалось установить, что его общая длина вместе с рукоятью из арчи (можжевельника) составляла порядка 55 см [Ташбаева, 2011. С. 69]. Рукоять, по-видимому, слегка сужалась книзу, так как диаметр устья чекана несколько больше, чем у втока. Учитывая, что она обтесывалась с обоих концов, данные величины указывают на размер порядка 4 × 3,5 см.

Еще более полувека назад была сделана графическая реконструкция этого чекана, которая должна была достаточно точно воспроизвести его особенности до разрушающего воздействия времени. Однако в 60–80-е гг. XX в. часто не обращалось достаточного внимания на второстепенные конструктивные особенности археологических предметов, поэтому, к сожа-

лению, данная реконструкция изобилует значительными неточностями. При современном же типолого-морфологическом подходе все конструктивные детали необходимо учитывать, так как они позволяют не только более полно реконструировать первоначальный облик изучаемого предмета, но и уточнить его хронологию. Не является в этом случае исключением и рассматриваемый чекан из Кетмень-Тюбинской долины. Несмотря на коррозированность, все его морфологические особенности хорошо видны.

Детальный осмотр находки позволил выявить, что на реконструкции он показан с более широким и коротким бойком, чем в действительности. Кроме того, не была учтена деформация, вследствие которой предмет искривился. Обух чекана передан на ней заостренным с двух сторон, подобно узкому топорыку, в то время как он оказался округлым и предназначался не для рубящих, а для дробящих ударов. Некорректно также воспроизведена втулка, как имеющая поперечное расширение в средней части, хотя на самом деле она сужалась только в верхней [Заднепровский, Кожомбердиев, 1984. С. 157; Ташбаева, 2011. С. 69. Рис. 63]. В целом, тщательное изучение чекана позволило уточнить его конструктивные особенности, что необходимо для более объективного восприятия этого предмета вооружения и его реконструкции с учетом устранения отмеченных выше неточностей.

В первых публикациях материалов сакских погребений Кетмень-Тюбинской долины его относили к кругу предметов, которые суммарно датировали в рамках VI–III вв. до н. э. [Кожомбердиев, 1975а. С. 171–172] или V–III вв. до н. э. [Заднепровский, 1992. С. 88].

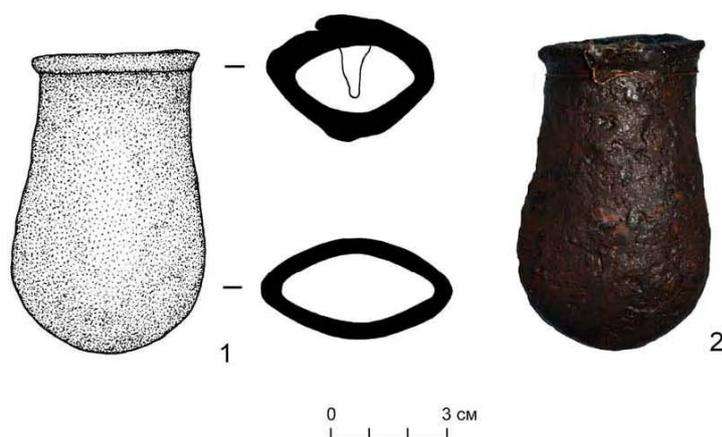

Рис. 3. Железный вток чекана из кургана 2 могильника Джал-Арык II:
1 – прорисовка; 2 – фото автора

Fig. 3. The iron capping of the combat hatchet from mound 2 of Jal-Aryk II burial site
(Ketmen-Tyube valley, Western Tien Shan):
1 – drawing; 2 – author's photo

Несколько позднее К. И. Ташбаева отнесла чекан к концу VI – V в. до н. э., приведя в качестве наиболее близких аналогий тагарские бронзовые чеканы из Минусинской котловины [2011. С. 89–90]. Однако последние при общем сходстве с кетмень-тюбинским экземпляром отличаются не только материалом изготовления, но и в большинстве случаев оформлением бойка и обуха. Из этого становится очевидным, что подобные отдаленные аналогии не могут служить достаточным основанием для определения хронологических позиций данного предмета.

Изделие происходит из достаточно богатого погребения, где вместе с ним было найдено значительное количество сопроводительного инвентаря, позволяющего вполне точно определить время его использования.

Наиболее информативными в этом отношении являются парные «костыльки», поясная обойма и пуговица, выполненная в «зверином» стиле.

Железные «костыльки» с кольцевидными навершиями служили наконечниками завязок от воинского пояса [Ташбаева, 2011. С. 70. Рис. 65, 7, 8]. Подобные предметы имеют значительный круг аналогий в культурах «скифского» типа Саяно-Алтая, на основании которых уверенно датируются концом VI – III в. до н. э. [Сингаевский, 2007. С. 170. Рис. 6].

Из этого же кургана происходит массивная поясная обойма [Ташбаева, 2011. С. 72. Рис. 68, 4] с петелькой в нижней части. Предмет может быть отнесен к IV – началу III в. до н. э. [Иванов, 2009. С. 70–71. Рис. III, 11].

Крупная серебряная пуговица имеет стилизованные изображения двух крылатых коней. Датируется V в. до н. э. с возможным заходом в IV в. до н. э. [Кожомбердиев, 1975б. С. 179; Заднепровский, 1992. Табл. 32, 20; Ташбаева, 2011. С. 80. Фото 1; Рис. 77].

Исходя из анализа сопутствовавших чекану предметов погребального инвентаря его можно датировать в пределах конца V – IV в. до н. э. Уточнить хронологию позволяют аналогии как из Средней Азии, так и с сопредельных территорий.

В Средней Азии в сакский период чеканы и клеветы появились еще в раннесакское время. Так, одним из наиболее ранних экземпляров считается биметаллический клевет из могильника Уйгарак в Восточном Приаралье. Но морфологически он существенно отличается от рассматриваемого нами чекана. В частности, он обладает характерными для наиболее архаичных образцов этого оружия плоскими бойком и обухом [Вишневская, 1973. С. 97–98. Табл. XX, 1, 2].

Второй пункт в регионе, где отмечена целая серия железных клеветов и чеканов – это Памир. Впрочем, здесь также основная их часть не находит заметного сходства с кетмень-тюбинской находкой. Лишь один железный чекан (могильник Тегермансу I, курган 31) относительно близок к нашему экземпляру, но имеет открытую сверху втулку, к тому же не выступающую сверху над уровнем бойка и обуха. Б. А. Литвинский отнес курган, из которого он происходит, к группе погребений, датирующихся в рамках V–III вв. до н. э. [1972. С. 29, 120–123. Табл. 43, 8].

Значительно отличаются от кетмень-тюбинского чеканы из сопредельного Синьцзяна. Все они изготовлены из бронзы, большая их часть обладает архаичными плоскими бойком и обухом [Горелик, 2003. Табл. XXVIII, 70, 71; Шульга, 2010. С. 79. Рис. 79, 7–11]. Два чекана имеют обушковую часть, оформленную в виде головок птиц. Еще два экземпляра по своим особенностям сближаются с ранними тагарскими чеканами [Шульга, 2010. Рис. 79, 10, 11]. С ними имеются не только существенные морфологические, но и хронологические различия – все отмеченные предметы вооружения из Синьцзяна относятся к раннесакскому периоду, за исключением двух чеканов из района Хотана [Горелик, 2003. Табл. XXVIII, 70, 71]. Последние имеют близкие по виду втулки, выступающие с обеих сторон бойка и обуха. Эти два экземпляра М. В. Горелик датировал V–IV вв. до н. э., что несколько завышено – один из них обладал таким архаичным признаком, как плоский боек (у второго он не сохранился). По этой причине они могут быть отнесены к времени не ранее VI–V вв. до н. э.

Наиболее близкую параллель чекану из долины Кетмень-Тюбе представляет собой экземпляр из могильника Орнек в соседнем Семиречье. Он, несмотря на плохую сохранность, все же демонстрирует сходные черты: это удлиненная сверху втулка, прямой боек, но в то же время более массивный обух. Кроме того, у орнекского чекана обух был молотовидным, в отличие от кетмень-тюбинского, имевшего скругленный конец обуха. Предмет из могильника Орнек может быть датирован в пределах IV–III вв. до н. э., на что твердо указывает сопутствующая ему находка мелких бронзовых наконечников стрел с узкой треугольной головкой и скрытой втулкой, оканчивающейся шипами [Тулегенов, Иванов, 2016. С. 151. Фото 3] – они были характерны именно для этого времени [Смирнов, 1961. С. 57. Табл. V, Г, 6–8; Кадырбаев, 1966. С. 364. Рис. 55].

За пределами Средней Азии аналогии чекану из Кетмень-Тюбе известны только в материалах каменной культуры лесостепного Алтая. Так, ему очень близок экземпляр из могильника Новотроицкое-1 (курган 15, могила 1), который отличается от кетмень-тюбинского наличием колпачка, прикрывающего выступавший из втулки конец рукояти, в то время как верхняя, сужающаяся часть втулки экземпляра из Джал-Арыка II только имитировала эту деталь или же выступающий конец деревянной рукояти. Алтайский чекан датирован в пределах второй половины VI – первой половины V в. до н. э. [Шульга, Уманский, 2009. С. 149, 181. Рис. 109, 4; Лихачева, 2013. С. 60. Рис. 3, 1].

Необходимо отдельно остановиться на хронологии железного втока, сопутствовавшего находке чекана из могильника Джал-Арык II. Аналогичный предмет найден вместе с экземпляром чекана из могильника Орнек [Тулегенов, Иванов, 2016. С. 150. Фото 2]. Подобная идентичность не случайна и может быть объяснена близкой хронологией обоих предметов. Точно такие же железные и бронзовые втоки известны в памятниках культур «скифского» типа лесостепного и Горного Алтая, где они датируются в пределах V–III вв. до н. э. [Кубарев, Шульга, 2007. С. 89. Рис. 38, 6; 67, 1; Лихачева, 2013. С. 68–69. Рис. 3, 1; 4, 1]. В целом это не выходит за пределы хронологии чеканов, с которыми они были найдены в сакских погребениях в могильниках Джал-Арык II и Орнек.

Артефакт из Кетмень-Тюбе обладает еще одной интересной деталью, которая может пролить свет на его хронологию, – наличием небольшой перемычки между бойком и втулкой, напоминающей характерную для архаичных образцов этого типа оружия головку хищной птицы [Курочкин, Субботин, 1993. С. 59–63. Рис. 1]. В Средней Азии такой деталью обладал раннесакский биметаллический клевец из могильника Уйгарак [Вишневская, 1973. С. 97–98. Табл. XX, 1]. Позднее она редуцировалась в небольшой выступ-перемычку между боевой частью и втулкой у чеканов и клевцов. Подобный элемент зафиксирован не только у чекана из Кетмень-Тюбе, но и у предмета из могильника Новотроицкое-2 (курган 15, могила 3), который датирован в рамках второй половины VI – первой половины V в. до н. э. [Шульга, Уманский, 2009. С. 149, 181. Рис. 109, 1]. Это обстоятельство позволяет скорректировать предложенную выше датировку кетмень-тюбинского чекана и определить ее в рамках рубежа V–IV вв. до н. э.

Заключение

Проведенное исследование показало, что чекан из Кетмень-Тюбинской долины находит наибольшее типологическое сходство с образцами этого вида вооружения с территории лесостепного Алтая и каменной культуры в частности. Это выглядит несколько необычным, так как не имеется близких аналогий в соседних синхронных культурах Средней Азии. Данные обстоятельства могут указывать на то, что он появился здесь как результат прямого влияния каменной культуры, с носителями которой саки Притяньшанья поддерживали тесные этнокультурные контакты на протяжении всего скифского периода [Шульга, Уманский, 2009. С. 180–181].

Связи с культурами Саяно-Алтая проявляются также в способе ношения чекана. Как уже упоминалось, в погребении кургана 2 Джал-Арыка II он был зафиксирован в положении вдоль бедра погребенного, втоком к ногам. Это указывает, что в боевом положении чекан носился вертикально. Совершенно аналогичным образом клевцы и чеканы носили воины в синхронных культурах скифского типа на Алтае, в Туве и Западной Монголии [Кочеев, 1988. С. 151. Рис. 5].

В Притяньшанье клевцы и чеканы применялись преимущественно конными воинами, на что указывает общая длина экземпляра из Кетмень-Тюбе, составлявшая порядка 55 см. Пропорционально схожую длину имеют чеканы в руках двух сакских воинов на наскальном изображении из местности Кулжабасы в Семиречье [Чотбаев, 2013. Рис. 47]. Близки по размеру образцы с территории Горного Алтая с рукоятями длиной 60–80 см [Кочеев, 1988. С. 151].

Подобные габариты делали этот вид оружия оптимальным для ведения эффективного ближнего боя как в конном строю, так и, при необходимости, в пешем порядке.

Таким образом, чекан из Кетмень-Тюбинской долины можно отнести к рубежу V–IV вв. до н. э. и связать его появление на территории сакской культуры Притяньшанья с воздействием каменной культуры лесостепного Алтая. Впрочем, не совсем ясно в этом отношении, являлся он импортным или же имел местное происхождение. На то, что он мог быть произведен местными мастерами, указывает такая деталь, как отсутствие специального защитного колпачка на выступающей сверху части рукояти, в то время как большая часть каменных втульчатых чеканов их имела [Лихачева, 2013. С. 70. Рис. 3, 1, 3; 4, 2; 5, 1]. Поэтому он, как и близкий экземпляр из могильника Орнек, представлял собой самостоятельную линию развития чеканов в Притяньшанье, в основе оформления которой лежали образцы с территории лесостепного Алтая.

Список литературы

- Вишневская О. А.** Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. (по материалам Уйгарака). М.: Наука, 1973. 160 с.
- Горелик М. В.** Оружие Древнего Востока. IV тысячелетие – IV в. до н. э. СПб.: Атлант, 2003. 336 с.
- Грязнов М. П.** История древних племен Верхней Оби. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 228 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 48)
- Заднепровский Ю. А., Кожомбердиев И. К.** Кочевники в VI в. до н. э. – середине VI в. н. э. // История Киргизской ССР. Фрунзе: Илим, 1984. Т. 1: С древнейших времен до середины XIX в. С. 144–177.
- Заднепровский Ю. А.** Ранние кочевники Кетмень-Тюбе, Ферганы и Алая // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 87–95. (Археология СССР)
- Иванов С. С.** Боевые пояса ранних кочевников Центральной Азии // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек: Илим, 2009. Вып. 4. С. 66–75.
- Иванов С. С.** Культура саков Притяньшанья: современное состояние и важнейшие проблемы исследования // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. М.: Собрание, 2018. Т. 7. С. 11–23.
- Кадырбаев М. К.** Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. С. 303–433.
- Кожомбердиев И. К.** Саки Кетмень-Тюбе // Страницы истории и материальной культуры Кыргызстана. Фрунзе: Илим, 1975а. С. 168–174.
- Кожомбердиев И. К.** Искусство саков Тянь-Шаня // Страницы истории и материальной культуры Кыргызстана. Фрунзе: Илим, 1975б. С. 175–180.
- Кочеев В. А.** Чеканы Горного Алтая // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1988. С. 145–162.
- Кубарев В. Д., Шульга П. И.** Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. 282 с.
- Куручкин Г. Н., Субботин А. В.** Боевые чеканы (клевец) с головкой хищной птицы между бойком и втулкой в азиатской и европейской частях скифского мира: к проблеме происхождения и распространения // Античная цивилизация и варварский мир: Материалы III Археологического семинара. Новочеркасск: [б. и.], 1993. Ч. 2. С. 59–64.
- Литвинский Б. А.** Древние кочевники «крыши мира». М.: Наука, 1972. 272 с.
- Лихачева О. С.** Системный анализ чеканов VI–I веков до н. э. (по материалам памятников лесостепного Алтая) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. СПб.: ВИ-МАИВиВС, 2013. Ч. 3. С. 56–72.

- Сингаевский А. Т.** Поясные подвески VII в. до н. э. – I в. н. э. с территории Обь-Иртышского междуречья как культурный и хронологический индикатор // Изв. АлтГУ. Серия: История. Политология. 2007. Т. 3, № 4 (56). С. 161–173.
- Смирнов К. Ф.** Вооружение савроматов. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 162 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 101)
- Ташбаева К. И.** Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая. Бишкек: Илим, 2011. 274 с.
- Тулегенов Т. Ж., Иванов С. С.** Новые находки предметов вооружения сакского времени из могильника Орнек (Семиречье) // Кадырбаевские чтения – 2016. Актобе: Изд-во Ин-та археологии им. А. Х. Маргулана, 2016. С. 150–155.
- Членова Н. Л.** Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.
- Чотбаев А.** Вооружение древних кочевников казахских степей (VIII–VI вв. до н. э.). Астана: Изд-во Ин-та археологии им. А. Х. Маргулана, 2013. 200 с.
- Шульга П. И.** Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. Погребальные комплексы. Хронология и периодизация. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2010. 238 с.
- Шульга П. И., Уманский А. П.** Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009. 329 с.

References

- Vishnevskaya O. A.** Kul'tura saksikh plemen nizov'ev Syrdar'i v VII–V vv. do n. e. (po materialam Uigaraka) [Culture of Saka tribes of low Syr-Daria in 7th – 5th centuries BC (on materials of Uigarak)]. Moscow, Nauka, 1973, 160 p. (in Russ.)
- Gorelik M. V.** Ouzhie Drevnego Vostoka. IV tysyacheletie – IV v. do n. e. [The weapons of Ancient East. 4th Millennium – 4th Century BC]. St. Petersburg, Atlant Publ., 2003, 336 p. (in Russ.)
- Gryaznov M. P.** Istoriya drevnikh plemen Verhnei Obi [The history of ancient tribes of Upper Ob' river]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1956, 228 p. (Materials and Research about Archaeology of USSR, no. 48). (in Russ.)
- Ivanov S. S.** Boevye poyasa rannikh kochevnikov Tsentral'noi Azii [The military belts of ancient nomads of Central Asia]. In: Materialy i issledovaniya po arheologii Kyrgyzstana [The materials and research on archaeology of Kyrgyzstan]. Bishkek, Ilim Publ., 2009, iss. 4, p. 66–75. (in Russ.)
- Zadneprovsky Yu. A., Kozhombardiev I. K.** Kochevniki v VI v. do n.e. – seredine VI v. n. e. [The nomads in 6th Century BC – middle of 6th Century AD]. In: Istoriya Kirgizskoy SSR [The history of Kyrgyz SSR]. Frunze, Ilim Publ., 1984, vol. 1. From Prehistoric period to the middle of 19th Century, p. 144–177. (in Russ.)
- Zadneprovsky Yu. A.** Rannie kochevniki Ketmen'-Tyube, Fergany i Alaya [The ancient nomads of Ketmen-Tyube, Fergana and Alai]. In: Stepnaya polosа aziatskoi chasti SSSR v skifosarmatskoe vremya [The steppe belt of Asian part of USSR in Scyth-Sarmatian epoch]. Moscow, Nauka, 1992, p. 87–95. (in Russ.)
- Ivanov S. S.** Kul'tura sakov Prityanshan'ya: sovremennoe sostoyanie i vazhneishie voprosy issledovaniya [Saka culture of Tien Shan region: current state and general problem of study]. In: Scripta antiqua. Voprosy drevnei istorii, filologii, iskusstva i material'noi kul'tury [Scripta antiqua. Questions of ancient history, philology, art and material culture]. Moscow, Sobranie Publ., 2018, vol. 7, p. 11–23. (in Russ.)
- Kadyrbaev M. K.** Pamyatniki tasmolinskoй kul'tury [The monuments of Tasmola culture]. In: Drevnyaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana [The ancient culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata, Nauka, 1966, p. 303–433. (in Russ.)
- Kozhombardiev I. K.** Saki Ketmen'-Tyube [The Sakas of Ketmen-Tyube]. In: Stranitsy istorii i material'noi kul'tury Kirgizstana [The pages of history and material culture of Kyrgyzstan]. Frunze, Ilim Publ., 1975, p. 168–174. (in Russ.)

- Kozhombardiev I. K.** Iskusstvo sakov Tyan'-Shanya [The art of Saka tribes of Tien Shan]. In: Stranitsy istorii i material'noi kul'tury Kirgizstana [The pages of history and material culture of Kyrgyzstan]. Frunze, Ilim Publ., 1975, p. 175–180. (in Russ.)
- Kocheev V. A.** Chekany Gornogo Altaya [The combat hatchets of Gorny Altai]. In: Problemy izucheniya kul'tury naseleniya Gornogo Altaya [Problems of studying the culture of the population of the Altai Mountains]. Gorno-Altaysk, GARIHLL Publ., 1988, p. 145–162. (in Russ.)
- Kubarev V. D., Shulga P. I.** Pazyrykskaya kul'tura (kurgany Chuyi i Ursula) [Pazyryk culture (burial mounds of Chuya and Ursul)]. Barnaul, Altay State Uni. Publ., 2007, 282 p. (in Russ.)
- Kurochkin G. N., Subbotin A. V.** Boevye chekany (klevtsy) s golovkoi khishnoi ptitsy mezhdu boikom i vtulkoi v aziatskoi i evropeiskoi chastyakh skifskogo mira: k probleme proishozhdeniya i rasprostraneniya [The combat hatchets with the head of hunting bird between their pin and bushing in Asian and European parts of Scythian world]. In: Antichnaya thivilizatsiya i varvarkii mir [The Antique civilization and Barbarian world]. Materials of 3rd Archaeological Seminar. Novochoerkassk, 1993, pt. 2, p. 59–64. (in Russ.)
- Litvinsky B. A.** Drevnie kochevniki “kryshi mira” [The ancient nomads of “The World’s roof”]. Moscow, Nauka, 1972, 272 p. (in Russ.)
- Likhacheva O. S.** Sistemnyi analiz chekanov VI–I vekov do n. e. (Po materialam pamyatnikov Lesostepnogo Altaya) [The system analysis of combat hatchets of 6th – 1st centuries BC (On the materials of Forrest-Steppe Altai)]. In: Voina i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy [The war and weapons. The new investigations and materials]. St. Petersburg MHMAESC Publ., 2013, pt. 3, p. 56–72. (in Russ.)
- Singaevsky A. T.** Poyasnye podveski VII v. do n. e. – I v. n. e. s territorii Ob'-Irtyshskogo mezhdurech'ya kak kul'turnyi i khronologicheskii indikator [The belt pendants of 7th Century BC – 1st Century AD from Ob'-Irtysh interfluve as a cultural and chronological indicator]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya* [The proceedings of Altai State University. Series: History. Politicalology], 2007, vol. 3, no. 4 (56), p. 161–173. (in Russ.)
- Smirnov K. F.** Vooruzhenie savromatov [Weapons of Savromatians] Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1961, 162 p. (Materials and Research about Archaeology of USSR, no. 101). (in Russ.)
- Tashbaeva K. I.** Kul'tura rannikh kochevnikov Tyan'-Shanya i Alaya [The culture of the Early Nomads of Tien Shan and Alay]. Bishkek, Ilim Publ., 2011, 274 p. (in Russ.)
- Tulegenov T. Zh., Ivanov S. S.** Novye nahodki predmetov vooruzheniya saksakogo vremeni iz mogil'nika Ornek (Semirech'e) [The new finds of weapon of the Saka period from Ornek burial field (Semirechie)]. In: Kadyrbaevskie chteniya – 2016 [Kadyrbaev readings – 2016]. Aktobe, IA A. Kh. Margulan Publ., 2016, p. 150–155. (in Russ.)
- Chlenova N. L.** Proiskhozhdenie i rannaya istoria plemen tagarskoi kul'tury [The origin and early history of Tagar culture tribes]. Moscow, Nauka, 1967, 300 p. (in Russ.)
- Chotbaev A.** Vooruzhenie drevnikh kochevnikov kazakhskikh stepei (VIII–VI vv. do n. e.) [The weapons of ancient nomads of the Kazakh Steppes (8th – 6th centuries BC)]. Astana, IA A. Kh. Margulan Publ., 2013, 200 p. (in Russ.)
- Shulga P. I., Umanskiy A. P.** Novotroitskii nekropol' [Novotroitskoe necropolis]. Barnaul, Altay State Uni. Publ., 2009, 329 p. (in Russ.)
- Shulga P. I.** Sin'tsyan v VIII–III do n. e. Pogrebal'nye komplekсы. Khronologiya i periodizatsiya [Xinjiang in the 8th – 3th centuries BC. Sepulchral complexes. Chronology and periodization]. Barnaul, Altay State Technical Uni. Publ., 2010, 238 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
16.01.2020

Информация об авторе

Иванов Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент Кыргызского национально-го университета им. Ж. Баласагына (ул. Фрунзе, 547, Бишкек, 720033, Кыргызстан)
sak@yandex.ru
ORCID 0000-0002-4081-3749

Information about the Author

Sergei S. Ivanov, Candidate of History, Associate Professor at Kyrgyz National University named after J. Balasagyn (547 Frunze Str., Bishkek, 720033, Kyrgyzstan)
sak@yandex.ru
ORCID 0000-0002-4081-3749

УДК 903.2
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-130-137

Характерные особенности сложносоставных луков из памятника айрыдашского типа Улуг-Чолтух в Горном Алтае

Ю. С. Худяков^{1,2}, **А. Ю. Борисенко**²

¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

² *Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Анализируются некоторые конструктивные особенности роговых (костяных?) накладок от сложносоставных луков, обнаруженных в процессе археологических раскопок мужских захоронений могильника хунно-сяньбийского времени Улуг-Чолтух в долине р. Эдиган в Горном Алтае, входящего в число памятников айрыдашского типа. Удалось уточнить особенности и количество типов (всего 3) данного вида оружия дистанционного боя в составе оружейного комплекса населения этой территории. В результате были созданы условия для отнесения их к различным группам предметов такого оружия, использовавшихся во второй четверти I тыс. н. э. Полученные материалы существенно дополняют известные ранее сведения об этапах развития оружия дистанционного боя у населения бассейна Средней Катуни и соседних территорий в течение хронологического периода, непосредственно предшествовавшего раннему Средневековью.

Ключевые слова:

Горный Алтай, долина р. Эдиган, могильник Улуг-Чолтух, айрыдашский тип, луки, роговые накладки

Благодарности

Исследование проведено в Новосибирском государственном университете в рамках государственного задания Минобрнауки РФ.

Для цитирования

Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю. Характерные особенности сложносоставных луков из памятника айрыдашского типа Улуг-Чолтух в Горном Алтае // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография. С. 130–137. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-130-137

Characteristic Features of Compound Bows from the Ulug-Choltukh Burial Ground of Airydaş Type in the Altai Mountains

Yu. S. Khudyakov^{1,2}, **A. Yu. Borisenko**²

¹ *Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

² *Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The article explores and analyzes several defining design characteristics of horn plates of compound bows, detected in the course of archaeological excavations of several male burial places at the Ulug-Choltukh burial ground.

© Ю. С. Худяков, А. Ю. Борисенко, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography

Located in the valley of the Edigan River in the middle course of the Katun River in the Altai Mountains; these were explored for several field seasons in the 2000s.

Results. This article outlines the primary events related to the history of archaeological studies of findings of the compound bows of ancient peoples (Xiongnu-Xianbei time) in the Altai Mountains. The findings of the horn plates of compound bows detected in previous years in the course of excavations of Aidyraş type archaeological objects explored on the territory of the middle course of the Katun River are researched and analyzed. As a result of typological analysis, several types of compound bows are singled out among studied findings of horn plates, detected in the course of excavations of male interments at the archaeological funerary burial grounds Aidyraş I and Ulug-Choltukh. The conclusion sums up the several results of carried out explorations. Identification of horn plate findings of compound bows found during excavations of the Aidyraş burial ground, and studied in the Chemsalsky District in the Altai Republic, has made it possible to relate them to long-range combat armament objects that were available to the natives who inhabited the valleys of the Katun and Edigan Rivers during the historical period of the 2nd quarter of the 1st millennium AD. The carried out typological research significantly supplements the previously known history of development of long-range combat weapons of the Altai Mountains in the course of the studied Xiongnu-Xianbei chronological period, right before the Early Middle Ages.

Conclusion. The resulting typological classification of compound bows as part of a collection of horn plates findings detected in the course of excavations of the Ulug-Choltukh burial ground, clarifies the specificities and quantity of types of this long-range combat weapon kind among the Aidyraş weapons complex.

Keywords

Altai Mountains, valley of Edigan River, Ulug-Choltukh burial ground, Aidyraş type, bows, horn plates

Acknowledgements

The study was conducted in Novosibirsk State University within the frameworks of the State task of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

For citation

Khudyakov Yu. S., Borisenko A. Yu. Characteristic Features of Compound Bows from the Ulug-Choltukh Burial Ground of Aidyraş Type in the Altai Mountains. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 130–137. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-130-137

Введение

В ходе эволюции оружия дистанционного боя населения Южной Сибири и Центральной Азии важное место принадлежало сложносоставным лукам, роговые (костяные?) накладки на которые были обнаружены в археологических памятниках Горного Алтая, в том числе относящихся ко второй четверти I тыс. н. э.

Целью настоящего исследования является выявление характерных особенностей сложносоставных луков исходя из анализа их роговых деталей, найденных в ходе раскопок захоронений взрослых мужчин из состава могильника Улуг-Чолтух, расположенного на правом берегу р. Эдиган, на территории Чемальского района в пределах Горного Алтая [Худяков, 2016. С. 21–22]. Для достижения заявленной цели запланировано решение нескольких научных задач. В качестве одной из них предполагается проследить основные события из истории предшествующих исследований находок роговых накладок от сложносоставных луков в памятниках хунно-сяньбийской эпохи во второй четверти I тыс. н. э. на территории Горного Алтая и некоторых сопредельных территорий, обсудить полученные результаты. С учетом предшествующего опыта планируется классифицировать находки накладок на сложносоставные луки по формальным признакам, выделив среди них различающиеся между собой типы кибитей.

Результаты предшествующих исследований и обсуждение

В течение предшествующих лет некоторые археологи и историки древнего оружия, в том числе один из авторов настоящей статьи, неоднократно обращались к анализу роговых или костяных накладок от сложносоставных луков, происходящих из памятников хунно-сяньбийского времени на территории Горного Алтая и сопредельных районов Центрально-Азиатского историко-культурного региона [Там же].

Так, важные и информативные результаты исследования сложносоставных луков с костяными накладками были получены в середине XIX в. в процессе раскопок могильника Берель выдающимся отечественным ученым-тюркологом В. В. Радловым [1989. С. 431].

Спустя многие десятилетия данные информативные материалы были выделены А. А. Гавриловой [1965] в берельский тип погребальных памятников на территории Горного Алтая и Восточного Казахстана. В дальнейшем такое обозначение для памятников определенного хронологического периода на территории Алтайского горного района было поддержано Ю. В. Тетериным [2004. С. 37].

В 1960-х гг. раскопки некоторых погребальных комплексов, находившихся на территории Горного Алтая, проведены С. С. Сорокиным, который отнес их к эпохе «Великого переселения народов» [1977. С. 59–63].

В конце 1970-х гг. изучены подобные материалы из памятника Тугозвоново на р. Чарыш, имеющие большое сходство с предметами из комплексов кенкольской культуры [Уманский, 1978. С. 131]. Большая часть памятников этой культуры находится на Тянь-Шане и в Семиречье [История..., 1968. С. 79–88; 1984. С. 165–171].

В 1980-х гг. в бассейне Средней Катуня, в пределах Горного Алтая, учеными Алтайского государственного университета Г. Д. Глобой [1983] и Ю. Т. Мамадаковым [1985] исследовались памятники хунно-сяньбийской эпохи Белый Бом II и Булан-Кобы IV, в составе сопроводительного инвентаря которых были обнаружены роговые накладки от сложносоставных луков. В 1990 г. Ю. Т. Мамадаков выделил эти памятники в булан-кобинскую культуру гунно-сарматского времени на территории Горного Алтая [1990. С. 17–18].

В 1980-х гг. раскопки на археологическом памятнике Кок-Паш на территории восточной части Горного Алтая проводили А. С. Васютин и В. Н. Елин [1987]. В. Н. Елин исследовал наконечники стрел из памятников Восточного Алтая. Он отнес подобные комплексы к кокпашскому типу памятников предтюркского времени в Горном Алтае [Елин, 1988; 1990].

В одном из курганов позднего этапа пазырыкской культуры на памятнике Чоба V на Средней Катуня были обнаружены концевые накладки, характерные для хуннских луков [Кочеев, 1997. С. 151].

В дальнейшем находки роговых накладок луков из памятника Кок-Паш были рассмотрены в коллективной монографии В. В. Боброва, А. С. Васютина и С. А. Васютина [2003. С. 22–23]. Авторы привели рисунки некоторых накладок на луки из могильника Айрыдаш I, изученного А. С. Суразаковым на Средней Катуня в центральной части Горного Алтая [Там же. Рис. 26, 17–28].

В начале 1990-х гг. некоторые памятники булан-кобинской культуры на территории южной части Горного Алтая, включая разнообразные предметы вооружения дистанционного боя, были изучены В. И. Соеновым и А. В. Эбелем [1992. С. 19–27]. Разнообразные виды оружия из погребальных памятников хунно-сяньбийской эпохи в Горном Алтае приведены А. В. Эбелем в его диссертации [1998]. В 2005 г. особенности комплекса вооружения населения Верхней Катуня в рассматриваемый исторический период кратко охарактеризовал В. И. Соенов [2005].

В 2006 г. луки населения Алтая, отнесенные к III–V вв. н. э. и последующему Средневековью, были классифицированы в монографии В. В. Горбунова [2006. С. 9–27].

В течение 1980–1990-х гг. М. В. Мороз и Ю. С. Худяковым исследовался памятник булан-кобинской культуры Усть-Эдиган на Средней Катуня. В последующем роговые накладки от сложносоставных луков были найдены в составе сопроводительного инвентаря в процессе раскопок могильника айрыдашского типа Улуг-Чолтух, расположенного в долине Эдигана несколько выше по течению.

В целом в результате цикла исследований, проведенных в течение достаточно долгого времени крупной группой специалистов-археологов, был собран обширный материал, касающийся производства населением Горного Алтая сложносоставных луков. На основе обобщения этих сведений стало возможным выделить форму композитных изделий – с двумя

парами концевых, срединными боковыми и срединной фронтальной роговыми или костяными накладками. В то же время было отмечено, что в некоторых могилах находились только концевые и срединные боковые роговые накладки, а в других – лишь срединные боковые. Это дало основание для предположения, что у населения Горного Алтая в этот период могли быть на вооружении изделия разных типов [Худяков, 2014. С. 162–163]. И действительно, в дальнейшем на материалах раскопок археологических памятников Улуг-Чолтух, Айрыдаш I и некоторых других, стало возможным выделить по формальным признакам два типа сложносоставных луков.

Типы сложносоставных луков

Изделия типа 1 были обнаружены в составе сопроводительного инвентаря нескольких мужских захоронений в курганах № 3, 11, 14 некрополя Улуг-Чолтух. Такой же по конструктивным особенностям лук происходит из погребального комплекса Айрыдаш I [Бобров и др., 2003. Рис. 26, 17–23]. Как удалось определить по расположению в пределах могильной ямы концевых роговых накладок, длина кибита таких луков должна была составлять 1,5 м. Концевые боковые накладки длинные, узкие, слабоизогнутые, с закругленными верхними или нижними окончаниями; у них имеются полукруглые вырезы для надевания и закрепления в них петель тетивы. Срединные боковые накладки – длинные, широкие, со скошенными верхним и нижним концами. Срединные фронтальные накладки – длинные, узкие, со слегка расширенными с обеих сторон концами [Худяков, 2016. С. 22].

Изделия типа 2 были выявлены в ходе раскопок курганов № 42 и 45 могильника Улуг-Чолтух, а также в процессе изучения археологического памятника Айрыдаш I, сведения о находках из которого введены в научный оборот вместе с информацией об иных роговых накладках на луки, обнаруженных в процессе раскопок памятника Кок-Паш на территории Восточного Алтая [Бобров и др., 2003. Рис. 26, 24–28]. Размеры кибита у луков данного типа, к сожалению, не установлены. Можно предположить, что концевые накладки крепились на ее верхний конец, который несколько длиннее нижнего окончания. Эти детали узкие, длинные, слабоизогнутые, с закругленными верхними окончаниями и полуовальными вырезами для надевания и закрепления в них петель тетивы. Срединные боковые накладки – длинные, широкие, со скошенными в верхней и нижней частях окончаниями. Срединная фронтальная накладка длинная, прямая, узкая. Ее концы, вероятно, могли быть обломаны. Предположительно, первоначально оба окончания данной накладки должны были иметь некоторые расширения.

Освоение производства сложносоставных луков с одной парой концевых накладок на деревянной основе кибита может служить важным свидетельством в пользу развития асимметрии плеч у сложносоставных луков этого типа, имевшихся на вооружении у населения Горного Алтая во второй четверти I тыс. н. э. Вполне вероятно, что это могло иметь весьма существенное значение для ведения воинами-лучниками прицельной стрельбы при передвижении или массированного обстрела противника в условиях конных атак.

Изделия типа 3 по составу, но не внешнему виду роговых накладок, аналогичны относящимся к типу 1. Такой лук был обнаружен в захоронении в кургане № 41 могильника Улуг-Чолтух. Его размеры не определены. Концевые боковые роговые накладки длинные и узкие. Имеют полукруглые окончания и полуовальные вырезы, предназначенные для крепления в них петель тетивы лука. Часть этих накладок слабо изогнута. Срединные боковые накладки – длинные, широкие со скошенными концами. Срединная фронтальная накладка сохранилась не полностью. От нее уцелела сравнительно небольшая часть с расширением с одной из сторон и плавным косым срезом противоположного окончания. Вероятно, первоначально накладка была склеена из двух составных частей. Ранее эту находку следовало бы отнести к лукам первого типа. Однако, судя по наличию составной фронтальной накладки, их можно выделить в самостоятельный, т. е. третий, тип композитных изделий.

С учетом изложенных выше сведений относительно типологии сложносоставных луков определенный интерес вызывают материалы из раскопок кургана № 43 могильника Улуг-Чолтух, где были найдены отдельные обломки от двух пар роговых концевых боковых накладок. Однако предполагать, что в данную могилу могли поместить композитное изделие лишь с двумя парами концевых накладок, но без срединных боковых и срединной фронтальной, нет достаточных оснований. Был ли лук снабжен только двумя парами концевых накладок и таким образом принадлежал к вероятному типу 4, пока не известно.

Заключение

Изучение материалов, относящихся к различным формам сложносоставных луков, имевшихся на вооружении у населения долин Эдигана и Катуня во второй четверти I тыс. н. э., позволили уточнить типологический состав археологических находок данного вида оружия дистанционного боя. Судя по имеющимся находкам роговых накладок из состава сопроводительного инвентаря археологических памятников Улуг-Чолтух, Айрыдаш I и иных, в III–V вв. н. э. в этом районе Средней Катуня на территории Горного Алтая бытовали композитные луки разных типов. Вероятно, его древнее население могло заимствовать производство получивших широкое распространение сложносоставных луков выделенных выше типов у собственных непосредственных предшественников – носителей булан-кобинской культуры, которые, в свою очередь, могли воспринять такой эффективный вид оружия дистанционного боя непосредственно у хуннов [Кочеев, 1997. С. 151].

Список литературы

- Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А.** Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII вв.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.
- Васютин А. С., Елин В. Н.** О хронологических границах кок-пашского предметного комплекса из Восточного Алтая // Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1987. С. 85–90.
- Гаврилова А. А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 143 с.
- Глоба Г. Д.** Раскопки курганного могильника Белый Бом II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского НИИ истории, языка и литературы, 1983. С. 116–126.
- Горбунов В. В.** Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. Ч. 2: Наступательное вооружение (оружие). 232 с.
- Елин В. Н.** Наконечники стрел из памятников предтюркского времени Восточного Алтая // Археология Горного Алтая. Горно-Алтайск: [б. и.], 1988. С. 157–165.
- Елин В. Н.** Кок-пашский тип памятников предтюркского времени в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского НИИ истории, языка и литературы, 1990. С. 119–136.
- История Киргизской ССР. Фрунзе: Кыргызстан, 1968. Т. 1. 708 с.
- История Киргизской ССР. С древнейших времен до середины XIX в. Фрунзе: Кыргызстан, 1984. Т. 1. 798 с.
- Кочеев В. А.** Луки горно-алтайских курганов (к вопросу о луках скифского времени Горного Алтая) // Изв. лаборатории археологии. 1997. № 2. С. 147–152.
- Мамадаков Ю. Т.** Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и металла. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1985. С. 171–191.
- Мамадаков Ю. Т.** Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 19 с.
- Радлов В. В.** Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.
- Соенов В. И., Эбель А. В.** Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуня. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1992. 116 с.

- Соенов В. И.** Комплекс вооружения населения Верхней Катуни в гунно-сарматскую эпоху // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. С. 52–55.
- Сорокин С. С.** Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // Археологический сборник. Л.: Аврора, 1977. Вып. 18. С. 57–67.
- Тетерин Ю. В.** Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2004. Вып. 1. С. 37–82.
- Уманский А. П.** Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 129–163.
- Худяков Ю. С.** Оружие дистанционного боя кочевников долины Эдигана в хунно-сяньбийскую эпоху (по материалам раскопок могильника Улуг-Чолтух в 2002 году) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 5: Археология и этнография. С. 161–168.
- Худяков Ю. С.** Опыт систематизации предметов вооружения дистанционного боя из памятников айрыдашского типа хунно-сяньбийской эпохи в Горном Алтае // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 5: Археология и этнография. С. 20–30.
- Эбель А. В.** Вооружение и военное дело населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1998. 23 с.

References

- Bobrov V. V., Vasyutin A. S., Vasyutin S. A.** Vostochnyi Altai v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (III–VII vv.) [Eastern Altai Mountains in the era of the Migration Period (3rd – 7th centuries)]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2003, 224 p. (in Russ.)
- Ebel A. V.** Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya Gornogo Altaya v gunno-sarmatskuyu epokhu [Armament and military science of population of the Altai Mountains in the Xiongnu and Sarmation times]. Cand. hist. sci. syn. dis. Barnaul, 1998, 23 p. (in Russ.)
- Elin V. N.** Nakonechniki strel iz pamyatnikov predtyrkskogo vremeni Vostochnogo Altaya [Tips of arrows from the monuments of the Pre-Turkic times of the Eastern Altai mountains]. In: Arkheologiya Gornogo Altaya [Archaeology of the Altai Mountains]. Gorno-Altaysk, 1988, p. 157–165. (in Russ.)
- Elin V. N.** Kok-pashskii tip arkheologicheskikh pamyatnikov predtyrkskogo vremeni Gornogo Altaya [The Kok-Pash type of archaeological monuments of the Pre-Turkic times of the Altai Mountains]. In: Problemy izucheniya drevnei i srednevekovoi istorii Gornogo Altaya [Problems of studying of the ancient and medieval history of the Altai Mountains]. Gorno-Altaysk, Gorno-Altai Research Institute of History, Language and Literature Publ., 1990, p. 119–136. (in Russ.)
- Gavrilova A. A.** Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen [Burial ground Kudyrge as a source on history of the Altai tribes]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1965, 143 p. (in Russ.)
- Globa G. D.** Raskopki kurgannogo mogil'nika Belyi Bom II [Excavations of the burial ground of mound Belyi Bom II]. In: Arkheologicheskie issledovaniya v Gornom Altae v 1980–1982 godakh [Archaeological research in the Altai Mountains in 1980–1982]. Gorno-Altaysk, Gorno-Altai Research Institute of History, Language and Literature Publ., 1983, p. 116–126. (in Russ.)
- Gorbunov V. V.** Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. [Altai Populations Military Science in 3–14 AD]. Barnaul, Altay State Uni. Publ., 2006, pt. 2: Offensive weaponry (arms), 232 p. (in Russ.)
- Istoriya Kirgizskoi SSR [History of Kirgiz SSR]. Frunze, Kirgizstan Publ., 1968, vol. 1, 708 p. (in Russ.)
- Istoriya Kirgizskoi SSR. S drevneishikh vremen do serediny XIX v. [History of Kirgiz SSR. From the ancient times until the middle of the 19th Century]. Frunze, Kirgizstan Publ., 1984, vol. 1, 798 p. (in Russ.)

- Khudyakov Yu. S.** Opyt sistematizatsii predmetov vooruzheniya distantsionnogo boya iz pamyatnikov airydashskogo tipa khunno-sianbiiskoi epokhi v Gornom Altae [On Systematizing Objects of Armament of Remote Combat from Monuments of Airydash Type of the Xiongnu and Xianbei Times in Altai Mountains]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2016, vol. 15, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 20–30. (in Russ.)
- Khudyakov Yu. S.** Oruzhie distantsionnogo boya kochevnikov doliny Edigana v khunno-sianbiiskuyu epokhu (po materialam raskopok mogil'nika Ulug-Choltukh v 2002 godu) [Remote Combat Arms Nomads Valley Edigan: Hun-Syanbi Epoch (Based on Ulug-Choltukh Burial Ground in 2002)]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2014, vol. 13, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 161–168. (in Russ.)
- Kocheev V. A.** Luki gorno-altaiskikh kurganov (k voprosu o lukakh skifskogo vremeni Gornogo Altaya) [Luke Gorno-Altai mounds (bears to the question of the Scythian period of Gorny Altai)]. *Izvestiya laboratorii arkheologii* [Proceedings of the archeology laboratory], 1997, no. 2, p. 147–152. (in Russ.)
- Mamadakov Yu. T.** Novye materialy gunno-sarmatskogo vremeni v Gornom Altae [New materials of the Xiongnu and Sarmatian times in the Altai Mountains]. In: *Altai v epokhu kamnya i metalli* [The Altai Mountains in the Stone and Metal Ages]. Barnaul, Altay State Uni. Publ., 1985, p. 171–191. (in Russ.)
- Mamadakov Yu. T.** Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v pervoi polovine I tys. n. e. [Culture of population of the Central Altai Mountains in the first half of the I millennium AD]. Cand. hist. sci. syn. dis. Novosibirsk, 1990, 19 p. (in Russ.)
- Radlov V. V.** Iz Sibiri. Stranitsy dnevnika [From Siberia. The Pages of a Diary]. Moscow, Nauka, 1989, 749 p. (in Russ.)
- Soenov V. I.** Kompleks vooruzheniya naseleniya Verkhnei Katuni v gunno-sarmatskuyu epokhu [The complex of armament of population of the High Katun in Xiongnu and Sarmatian times]. In: *Snaryazhenie kochevnikov Evrazii* [The equipment of the nomads of Eurasia]. Barnaul, Altay State Uni. Publ., 2005, p. 52–55. (in Russ.)
- Soenov V. I., Ebel A. V.** Kurgany gunno-sarmatskoi epokhi na Verkhnei Katuni [Burial mounds in the Xiongnu and Xianbei times in the upper course of Katun River]. Gorno-Altai, Gorno-Altai State Uni. Publ., 1992, 116 p. (in Russ.)
- Sorokin S. S.** Pogrebeniya epokhi velikogo pereseleniya narodov v raione Pazyryka [Interments in the era of the Migration Period in the Pazyryk region]. In: *Arkheologicheskii sbornik* [Archaeological collection]. Leningrad, Avrora Publ., 1977, iss. 18, p. 57–67. (in Russ.)
- Teterin Yu. V.** Vooruzhenie kochevnikov Gornogo Altaya berel'skoi epokhi [Armament of nomads of the Altai Mountains of the Berel era]. In: *Voennoe delo narodov Sibiri i Tsentral'noi Azii* [Military science of the people of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk, 2004, iss. 1, p. 37–82. (in Russ.)
- Umansky A. P.** Pogrebenie epokhi “velikogo pereseleniya narodov” na Charishe [Interment of the era of “Migration Period” at the Charysh River]. In: *Arkheologia Altaya i Zapadnoi Sibiri* [Archaeology of the Altai Mountains and Western Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1978, p. 129–163. (in Russ.)
- Vasyutin A. S., Elin V. N.** O khronologicheskikh granitsakh kok-pashskogo predmetnogo kompleksa iz Vostochnogo Altaya [About chronological bounds of the Kok-Pash subject complex from the Eastern Altai Mountains]. In: *Problemy arkheologicheskikh kul'tur stepei Evrazii* [Problems of archaeological cultures of steppes of Eurasia]. Kemerovo, Kemerovo State Uni. Publ., 1987, p. 85–90. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
14.02.2020

Сведения об авторах

Худяков Юлий Сергеевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия), профессор Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
khudjakov@mail.ru
ORCID 0000-0002-4741-9971

Борисенко Алиса Юльевна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
aborisenko2@mail.ru
ORCID 0000-0001-9558-5678

Information about the Authors

Yuliy S. Khudyakov, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation); Professor at Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
khudjakov@mail.ru
ORCID 0000-0002-4741-9971

Alisa Yu. Borisenko, PhD in History, Docent, Senior Researcher at Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
aborisenko2@mail.ru
ORCID 0000-0001-9558-5678

УДК 94(571) + 528.9 + 912(571) + 930.2
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-138-145

Рукописные карты Сибири и Дальнего Востока XVII – начала XX века как источник для этнографических исследований

О. Н. Катионов, Т. В. Мжельская

*Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Среди рукописных карт Сибири и Дальнего Востока, а также части Аляски XVII – начала XX в. выявлены этнографические (этнические) и иные категории объектов архивного хранения, на которых имеются сведения, позволяющие использовать их в качестве источника по изучению коренных народов соответствующих территорий. Выделены два вида таких находок: объекты, имеющие этнографическое (этническое) содержание, и карты иной тематики, но сопровождавшиеся определенными сведениями этнографического характера. На картах и атласах различной тематики присутствуют наименования этносов (как сибирских, так и соседних), рисунки внешнего облика их представителей, а также предметов быта и оружия, которые они использовали, другие ценные этнографические сведения. В итоге проведенного анализа показан высокий источниковедческий потенциал такого рода источников. Их привлечение для исследований этнографического характера может стать дополнительной аргументацией при разработке широких тем истории региона в течение трех с половиной столетий.

Ключевые слова

Сибирь и Дальний Восток, Аляска, XVII – начало XX в., этнографические карты, коренные народы

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-49-540002 р_а, а также Правительства Новосибирской области (проект «Электронный архив рукописных и печатных карт Сибири и Дальнего Востока с конца XVII в. по 1941 г.» (2019–2020 гг.)

Для цитирования

Катионов О. Н., Мжельская Т. В. Рукописные карты Сибири и Дальнего Востока XVII – начала XX века как источник для этнографических исследований // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография. С. 138–145. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-138-145

Handwritten Maps of Siberia and the Far East of 17th – Early 20th Centuries as a Source for Ethnographic Surveys

O. N. Kationov, T. V. Mzhelskaya

*Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. Among the handwritten maps of Siberia, the Far East and part of Alaska of the 17th – beginning of the 20th centuries, maps containing ethnographic information were found. Two types of such maps were detected.

Results. Maps, containing the names of ethnic groups, depicted on them, in their titles, were referred to the first group. Scenes from these ethnic groups' lives could also be found on such maps. For example, the Map of the northern part of Siberia as far as Yakutsk, Kamchatka and the Asian part of the Bering Strait with images of the Yakuts, Tungus,

© О. Н. Катионов, Т. В. Мжельская, 2020

Koryaks and Kamchadals both on foot and on dogsleds, the Kurils and Chuckchis both on foot and in a boat (created between 1730 and 1753). Maps and atlases on various themes referred to the second group and contain the names of ethnic groups (both Siberian and neighbouring), images of some representatives of the ethnic groups, the items they use and other valuable ethnographic information. General maps of Siberia as well as the maps of its separate administrative and geographical parts were examined.

Conclusion. The names and images of ethnic groups such as the Yakuts, Tungus, Samoyeds, Ostyaks, Kirghiz, Tatars and others are most frequently shown on the maps that were studied by the authors. The analysis of the contents of these documents demonstrates that not only maps on the corresponding subjects but maps of various other categories as well can be used for ethnographic research. Information presented on such maps can become a valuable source when studying the territories settled by single ethnic groups, the appearance of the representatives of various ethnic groups and the items they used.

Keywords

Siberia and Far East, 17th – beginning of 20th centuries, ethnographic maps, indigenous peoples

Acknowledgments

The reported study was funded by the RFBR, project no. 19-49-540002 p_a, with financial support from the Government of the Novosibirsk Region, project number “Electronic archive of handwritten and printed maps of Siberia and the Far East from the end of the 17th Century to 1941” (2019–2020)

For citation

Kationov O. N., Mzhelskaya T. V. Handwritten Maps of Siberia and the Far East of 17th – Early 20th Centuries as a Source for Ethnographic Surveys. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 138–145. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-138-145

Введение

Различного рода карты, особенно созданные непосредственно в изучаемый период, часто являются уникальными источниками, позволяющими производить исторические изыскания по большому спектру научных проблем: развитию материальной и духовной культуры населения, администрированию, хозяйственному устройству, процессов освоения новых территорий в экономическом, культурном, военном и других аспектах и т. д. [Катионов и др., 2012; Мжельская, Воронина, 2010]. Информация, полученная из документов данной категории, может стать как основным, так и дополнительным источником при проведении исследований по указанным вопросам. Для Сибири среди таких исторических документов выделяется особая группа этнографических (этнических) карт.

Первой такой картой (поскольку в легенде к ней говорилось о границах-межах многих «волостей и кочевых орд») обычно принято считать включенный в «Чертёжную книгу Сибири» С. У. Ремезова «Чертеж сходство и наличие земель всей Сибири Тобольского города и всех розных градов и жилищ и степи...» [Ремезов, 2007; Псянчин, 2004. С. 117]. Этот «чертеж» действительно обладает важными визуальными достоинствами в качестве источника при изучении истории русской этнической картографии [Кусов, 2007. С. 352–353. Рис. 9]. Кроме того, богатый этнографический материал, позволяющий уточнить места проживания ряда народов Сибири, содержит изданный А. Г. Елфимовым в начале второго десятилетия XXI в. атлас С. У. Ремезова [Ремезов, 2011]. Исследователи отмечали и этнографическое значение «Хорографической книги» С. У. Ремезова, которая стала одной из основ формировавшегося специального картографирования в России [Булатов, 2011. С. 22]. Как писал Л. А. Гольденберг, «в условиях наметившейся дифференциации научных знаний С. У. Ремезов, создав этнографическую и горнозаводские карты, заложил основы специального этнографического и горнозаводского картирования» [Гольденберг, 2011. С. 603]. С его именем этот автор связывает начало важнейшего этапа в развитии научных знаний о Сибири – обобщение накопленных за столетие материалов по истории, географии и этнографии [Там же. С. 604].

В целом произведения этнографического характера С. У. Ремезова хорошо изучены, и их материалы часто использовались в региональных историко-этнографических работах (публикации С. В. Бахрушина, Б. О. Долгих, С. А. Токарева, Л. П. Потапова, Н. Н. Степанова, И. С. Вдовина) [Там же. С. 521]. В настоящее время с использованием наследия С. У. Реме-

зова моделируются или проводятся все исторические реконструкции, создаются карты расселения народов или границ ясачных волостей в Западной Сибири в XVII–XVIII вв. [Бородаев, Контев, 2015. С. 70–71, 86].

Однако следует отметить, что и у С. У. Ремезова были предшественники, а традиция помещения этнографической информации на географические карты появилась одновременно с зарождением сибирской картографии. Так, на карте 1667 г. стольника П. И. Годунова обозначены места обитания целого ряда сибирских народов [Кордт, 1906. С. 23–26. Табл. XXII]. Это означает, что создание карт Сибири этнографического характера имеет давнюю традицию в русской картографии [Потапов, Левин, 1961. С. 8–10; Псянчин, 2008].

В дальнейшем, уже в 30-е гг. XVIII в., подробные этнографические заметки размещались на итоговых картах Камчатских экспедиций [Наврот, 1971]. При подготовке топографических описаний губерний России в XVIII в. создавались подготовленные землемерами карты и планы, содержавшие большой объем экономико-географической, исторической, этнографической и демографической информации [Трофимова, Коновалова, 2013. С. 56]. На картах других категорий также можно найти сведения о разных народах, которые наносились с различными, в том числе и административными, целями. При составлении пограничных карт осуществлялись и описания населения, проживавшего в пограничном пространстве России и империи Цин [Постников, 2014].

Интересные результаты давало использование карт при археолого-этнографических исследованиях. Разрабатывались такие вопросы, как изучение на картографическом материале территорий раннего проживания тувинцев [Иргит, 2014], установление границ расселения по Иртышу, Оби, Томи и их притокам русских людей, татар, хантов, манси, а также выявление их изменений на протяжении почти полувека [Тихонов, 2013] и т. п.

Продолжаются работы по выявлению региональных этнографических карт в фондах и коллекциях различных ведомств и их хранилищ. Так, коллегами из Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника впервые изучена «Этнографическая карта Тобольской губернии, представленная на Первой Западно-Сибирской сельскохозяйственной, торгово-промышленной и лесной выставке в Омске в 1911 г. [Загороднюк и др., 2019. С. 41].

В течение многих лет на базе Новосибирского государственного педагогического университета работает коллектив историков, которые изучают рукописные и печатные карты Сибири и Дальнего Востока XVII – начала XX в., выявляя их в архивах, библиотеках и музеях России. По результатам исследований в период с 2007 г. вышло несколько публикаций, а в 2019 г. издан «Сводный каталог рукописных карт Сибири и Дальнего Востока XVII – начала XX в.», в который включены карты разной тематической направленности [Сводный каталог..., 2019].

Тем не менее, несмотря на охарактеризованные выше достижения, существует еще ряд проблем, связанных как с пополнением фонда источников данного рода, так и с характеристикой их в качестве именно источников исторического характера с этнографической спецификой. Цель данной статьи – выявить и охарактеризовать потенциал рукописных карт Сибири и Дальнего Востока XVII – начала XX в. как базы источников для этнографических изысканий.

Результаты исследований и обсуждение

В процессе работы все известные карты этнографического характера были разделены на две категории.

К первой отнесены шесть карт. В их названиях перечислены народы, представители которых изображены на картах. Например, это созданная между 1730 и 1753 гг. «Карта Северной части Сибири до Якутска, Камчатки, азиатской части Берингова пролива с изображениями Якут, Тунгуз, Коряк, Камчадалов, пеших и на собаках, курильцев, чукчей пеших и в лодке». Вторая карта (датирована ориентировочно XVIII в., изготовители дату не поставили) носит

название «Карта части Сибири от Тобольска и устья Енисея до Камчатки и Чукотки с рисунками чинов народов Сибири – якут, оленная и тунгусская баба, оленно-тунгус, каряк, камчацкая баба, курил, чукч, тунгус пеший, тунгусская пешая баба и др.» (№ 93, 95)¹. На карте № 94 (1757–1760 гг.) представлены 11 изображений народов Сибири, снабженных подписями: «Якут», «Оленный тунгус», «Оленная тунгусская баба», «Коряк», «Курил», «Камчатская баба», «Чукча», «Камчадал едет на собаках». Имеются сведения об источниках, использованных при составлении карты. На рисунках представлены сцены из жизни: обряды погребения (трупосожжение и поедание мертвых собаками), объекты охоты и промыслов, жилища и др. (см. также [Государственный исторический музей, 2007. С. 110–111]). Карту 1757 г. (№ 94) можно считать произведением, обобщающим результаты Первой (1725–1730) и Второй (1733–1743) Камчатских экспедиций. Вместе с тем это одна из первых попыток создания этнографической карты Азиатской России в целом [Сводный каталог..., 2019. С. 39].

Ко второй категории относятся карты разной тематики и разных масштабов. Но этнографические сведения имеются как на общих картах Сибири, так и на отдельных частях карт географического или территориально-административного характера. Это, например, Генеральная карта Тобольского наместничества 1784 г. (№ 176), Генеральная карта Тобольской губернии 1801 г. (№ 185), Историческая карта заселения Сибири 1879 г. (№ 452) и др.

На картах разной тематики также есть надписи с названиями как сибирских, так и соседних народов. Приведем названия и статистику (в скобках) встречаемости некоторых из них на имеющихся картах: якуты (21), тунгус(з)ы (37), в том числе «Оленный тунгус», «Оленная тунгусская баба», «тунгусская пешая баба», коряки (6) или каряки (3), камчадалы (7), камчатская (или камчацкая) баба (3), курилы или курильцы (5), чукчи (13), самоеды (24), остяки (22), киргизы (13), в том числе киргиз-кайсаки (3), негидальцы (2), гольды (ольчи) – оба этих названия встречаются и по отдельности (5), телеуты (4), барабинцы или барабинские татары (7), татары (14), юкагиры (8), вогулы (вогуличи) (4), буряты (5), а также русские люди, китайцы, бухарцы и иные. Иногда название народа сопровождается дополнениями, такими как «земля, на которой живет народ, называемый чукчи», «каменной стороны кочующие самоеды» [Там же. С. 246, 346]. Территория расселения отдельных народов может быть обозначена цветом, как, например, на этнографических картах Амурского края 1870 г. (№ 939, 940).

Можно выделить карты без конкретного названия народов, в которых есть только указание на их инородность (№ 22, 176) [Там же. С. 15, 56]. В этом случае можно встретить различные сведения: количество людей, границы инородческих волостей, земель, участков, селений, юрт (как указание на фамильные владения или селения), управлений и др. Есть также указание на ясашные (ясачные) волости, селения, места, караулы. В некоторых случаях есть уточнения: стоит слово «народ» или конкретное название (коряки, самоеды, тунгусы, остяки). Например: «кочуют ясашная самоедь», «от реки Витима в низ по реке Лене по обеим сторонам кочуют ясашные тунгусы и якуты», «тропинки ясашных народов» [Там же. С. 39, 57, 315, 316, 346]. В географическом атласе Тобольской губернии 1798 г. относительно г. Нарыма сообщается: «Город сей получил свое наименование от остяцкого слова Нарым, что значит болото». В другом документе говорится: «Обитатели сих мест суть иноверцы, как то: остяки, тунгусы, вогулы, юкагиры, якуты и чапогиры, упражняющиеся в ловлении зверей и рыбы, из коих первые составляют их торговлю, а последние пищу» (№ 183) [Там же. С. 86, 91].

В качестве еще одного примера наличия ценной этнографической информации приведем созданное в 1802 г. капитаном флота Сарычевым и состоящее из 51 листа «Собрание карт, иллюстраций и видов берегов Охотского моря, Камчатки и Алеутских островов». Приведем наиболее интересные сведения из этого атласа в контексте темы данной работы. Л. 3: гравюра «Якутский шаман призывает духов для излечения больного». Л. 4: гравюра: «Оленные

¹ Здесь и далее в круглых скобках указаны номера карт по публикации [Сводный каталог..., 2019].

тунгусы ставят юрту свою для ночлега». Л. 5: гравюра: «Нарта с упряжкой собак, употребляемая в окрестностях города Охотска». Л. 21: гравюра: «Камчадал на санках с упряжкой собак». Л. 25: гравюра: «Острова Уналашки. Мужчина и женщина в нарядном платье». Л. 26: гравюра: «Мужчина острова Уналашки». Л. 27: гравюра: «Женщина острова Уналашки». Л. 32: гравюра: «Мужчина острова Кадьяка». Л. 33: гравюра: «Женщина острова Кадьяка». Л. 42: гравюра: «Женщина Чукоцкой земли». Л. 43: гравюра: «Вид летних чукотских юрт и якорного места в губе Святого Лаврентия». Л. 45: гравюра: «Изображение личин, употребляемых Алеутами при игрищах». Л. 49: рисунки: «Стрела для птиц»; «Дощечка, которую бросают стрелы»; «Яшмовый топор употребляемый чукчами»; «Передний конец стрелы». Л. 50: гравюра: «Алеуты на своих байдарках» (№ 990) [Там же. С. 275–277]. Указаны также мастера, которые изготовили эти гравюры и рисунки.

Заключение

В результате проведения краткого анализа материалов этнографического характера, имеющихся на рукописных картах Сибири, Дальнего Востока и части Аляски XVII – начала XX в., выделены два вида таких находок. Это произведения, имеющие специализированное этнографическое (этническое) содержание и карты иной тематики, но сопровождавшиеся определенными сведениями этнографического характера. На картах и в атласах присутствуют наименования этносов (как сибирских, так и соседних), рисунки внешнего облика их представителей и сцен из жизни (включая ритуальную деятельность), а также предметов, которые они использовали в быту и производстве, иные ценные этнографические сведения, включая границы территорий расселения отдельных этносов в различные исторические периоды. В целом в итоге проведенного анализа показан высокий источниковедческий потенциал такого рода источников. Их привлечение для исследований этнографического характера может стать дополнительной аргументацией при разработке широких тем истории Сибири, Дальнего Востока и Аляски в течение трех с половиной столетий. Сводя карты, в том числе и этнографические, в единый каталог и создавая основу для электронного архива карт Сибири и Дальнего Востока, мы косвенно реализуем предложение известного историка русской картографии Л. С. Багрова о создании единого архива всех карт и планов, хотя и не при Академии наук, о чем мечтал ученый в 1928 г. [Красникова, 2016. С. 165].

Список литературы

- Бородаев В. Б., Контев А. В.** Формирование Российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг. Барнаул: Изд-во АлтГПУ, 2015. 416 с.
- Булатов В. Э.** «Хорографическая чертежная книга Сибири» С. У. Ремезова // Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. Тобольск: ОБФ «Возрождение Тобольска», 2011. Ч. 2. С. 9–26.
- Гольденберг Л. А.** С. У. Ремезов и картографическое источниковедение Сибири второй половины XVII – начала XVIII в. // Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. Тобольск: ОБФ «Возрождение Тобольска», 2011. Ч. 2. С. 285–692. Государственный исторический музей. Альбом. М.: Интербук-бизнес, 2007. 192 с.
- Загороднюк Н. И., Коновалова Е. Н., Рошевская Л. П.** Картографическая коллекция Тобольского историко-архивного музея-заповедника. Тобольск: [б. и.], 2019. 68 с.
- Иргит Ч. К.** «Чертежная книга Сибири» С. У. Ремезова как источник начального периода этнографического изучения тувинцев // Новые исследования Тувы. 2014. № 3. С. 172–177.
- Катионов О. Н., Смагин Р. Ю., Воронина А. А.** Рукописные карты Сибири XVIII – начала XX в. в архивах, музеях и библиотеках России // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 53–56.

- Кордт В. А.** Материалы по истории русской картографии. Карты всей России, северных ее областей и Сибири. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1906. Вып. 1. Сер. 2. 53 с.
- Красникова О. А.** Материалы к истории формирования картографического собрания Библиотеки Российской Академии наук в XVIII – начале XX в. // Академия наук в контексте историко-научных исследований в XVIII – первой половине XX в.: Исторические очерки. СПб.: Росток, 2016. С. 116–178.
- Кусов В. С.** Московское государство XVI – начала XVIII века: сводный каталог русских географических чертежей. М.: Русский мир, 2007. 704 с.
- Мжельская Т. В., Воронина А. А.** Переход кочевых инородцев к земледелию и оседлости как результат вынужденной адаптации в процессе реализации земельной политики российской империи в Сибири в конце XIX – начале XX в. // Гео-Сибирь. 2010. Т. 6. С. 137–141.
- Наврот М. И.** Новый вариант итоговой карты Первой Камчатской экспедиции // Летопись Севера. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1971. Т. 5. С. 108–121.
- Постников А. В.** История географического изучения и картографирования Сибири и Дальнего Востока в XVII – начале XX века в связи с формированием русско-китайской границы. М.: ЛЕНАНД, 2014. 384 с.
- Потапов Л. П., Левин М. Г.** Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 497 с.
- Псянчин А. В.** Этнические карты XVIII–XIX вв. в фондах центральных архивов (к истории отечественной этнической картографии) // ЭО. 2004. № 3. С. 115–125.
- Псянчин А. В.** Из истории отечественной этнической картографии (по материалам ИРГО и КИПС). Уфа: Изд-во ЦЭИ УНЦ РАН, 2008. 52 с.
- Ремезов С. У.** Чертежная книга Сибири. Тобольск: ОБФ «Возрождение Тобольска», 2007. Ч. 1: Атлас. 48 л.
- Ремезов С. У.** Хорографическая чертежная книга Сибири. Тобольск: ОБФ «Возрождение Тобольска», 2011. Ч. 1: Атлас. 172 л.; Ч. 2. 696 с.
- Сводный каталог рукописных карт Сибири и Дальнего Востока XVII – начала XX в.: Справ. изд. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2019. 464 с.
- Тихонов С. С.** Карты С. У. Ремезова в археолого-этнографических исследованиях // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2013. № 3 (23). С. 52–56.
- Трофимова О. В., Коновалова Е. Н.** Топографические описания Западной Сибири XVIII века. Тюмень: ТюмГНГУ, 2013. 456 с.

References

- Borodaev V. B., Kontev A. V.** Formirovanie Rossiiskoi granitsy v Irtyshsko-Eniseiskom mezhdurech'e v 1620–1720 gg. [The formation of the Russian border in the Irtysh-Yenisei interfluvium in 1620–1720]. Barnaul, Altai State Uni. Publ., 2015, 416 p. (in Russ.)
- Bulatov V. E.** “Khorograficheskaya chertezhnaya kniga Sibiri” S. U. Remezova [“Chorographic drawing book of Siberia” S. U. Remezova]. In: Khorograficheskaya chertezhnaya kniga Sibiri Semena Ul'yanovicha Remezova [Chorographic drawing book of Siberia Semen Ulyanovich Remezov]. Tobolsk, PCF Vozrozhdenie Tobol'ska Publ., 2011, p. 9–26. (in Russ.)
- Goldenberg L. A.** S. U. Remezov i kartograficheskoe istochnikovedenie Sibiri vtoroi poloviny XVII – nachala XVIII v. [S. U. Remezov and cartographic source study of Siberia in the second half of the 17th – beginning of the 18th centuries]. In: Khorograficheskaya chertezhnaya kniga Sibiri Semena Ul'yanovicha Remezova [Chorographic drawing book of Siberia Semen Ulyanovich Remezov]. Tobolsk, PCF Vozrozhdenie Tobol'ska Publ., 2011, p. 285–692. (in Russ.)
- Gosudarstvennyi istoricheskii muzei. Al'bom [State Historical Museum. Album]. Moscow, Interbuk-biznes Publ., 2007, 192 p. (in Russ.)

- Irgit Ch. K.** “Chertezhnaya kniga Sibiri” S. U. Remezova kak istochnik nachal’nogo perioda etnograficheskogo izucheniya tuvintsev [The Atlas of Siberia by S. U. Remezov as a source of initial period of ethnographical studies of Tuvans]. *Novye issledovaniya Tuvy* [New Researches of Tuva], 2014, no. 3, p. 172–177. (in Russ.)
- Kationov O. N., Smagin R. Yu., Voronina A. A.** Rukopisnye karty Sibiri XVIII – nachala XX v. v arkhivakh, muzeyakh i bibliotekakh Rossii [Handwritten maps of Siberia 18th – early 20th centuries in archives, museums and libraries of Russia]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [The humanities in Siberia], 2012, no. 3, p. 53–56. (in Russ.)
- Kordt V. A.** Materialy po istorii russkoi kartografii. Karty vsei Rossii, severnykh eya oblastei i Sibiri [Materials on the history of Russian cartography. Maps of all of Russia, its northern regions and Siberia]. Kiev, S. V. Kulzhenko Publ., 1906, iss. 1, series 2, 53 p. (in Russ.)
- Krasnikova O. A.** Materialy k istorii formirovaniya kartograficheskogo sobraniya Biblioteki Rossiiskoi Akademii nauk v XVIII – nachale XX v. [Materials for the history of the formation of the cartographic collection of the Library of the Russian Academy of Sciences in the 18th – early 20th centuries]. In: *Akademiya nauk v kontekste istoriko-nauchnykh issledovaniy v XVIII – pervoi polovine XX v.: Istoricheskie ocherki* [The Academy of Sciences in the context of historical and scientific research in the 18th – first half of the 20th century]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2016, p. 116–178. (in Russ.)
- Kusov V. S.** Moskovskoe gosudarstvo XVI – nachala XVIII veka: svodnyi katalog russkikh geogr. chertezhei [The Moscow state of the 16th – beginning of the 18th centuries: a consolidated catalog of Russian geographers’ drawings]. Moscow, Russian world Publ., 2007, 704 p. (in Russ.)
- Mzhelskaya T. V., Voronina A. A.** Perekhod kochevykh inorodtsev k zemledeliyu i osedlosti kak rezul’tat vynuzhdennoi adaptatsii v protsesse realizatsii zemel’noi politiki rossiiskoi imperii v Sibiri v kontse XIX – nachale XX v. [The transition of nomadic foreigners to agriculture and settlement as a result of forced adaptation in the process of implementing the land policy of the Russian Empire in Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. *Geo-Sibir’* [Geo-Siberia], 2010, vol. 6, p. 137–141. (in Russ.)
- Navrot M. I.** Novyi variant itogovoi karty Pervoi Kamchatskoi ekspeditsii [A new version of the final map of the First Kamchatka expedition]. In: *Letopis’ Severa* [Chronicle of the North]. Moscow, State Publ. House of Geographical Literature, 1971, vol. 5, p. 108–121. (in Russ.)
- Postnikov A. V.** Istoriya geograficheskogo izucheniya i kartografirovaniya Sibiri i Dal’nego Vostoka v XVII – nachale XX veka v svyazi s formirovaniem russko-kitaiskoi granitsy [The history of the geographical study and mapping of Siberia and the Far East in the 17th – early 20th centuries in connection with the formation of the Russian-Chinese border]. Moscow, LENAND Publ., 2014, 384 p. (in Russ.)
- Potapov L. P., Levin M. G.** Istoriko-etnograficheskii atlas Sibiri [Historical and Ethnographic Atlas of Siberia]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1961, 497 p. (in Russ.)
- Psianchin A. V.** Etnicheskie karty XVIII–XIX vv. v fondakh tsentra’nykh arkhivov (k istorii otechestvennoi etnicheskoi kartografii) [Eighteenth- and Nineteenth-Century Ethnic Maps in Major Russian Archival Collections (Toward a History of Ethnic Cartography in Russia)]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], 2004, no. 3, p. 115–125. (in Russ.)
- Psianchin A. V.** Iz istorii otechestvennoi etnicheskoi kartografii (po materialam IRGO i KIPS) [From the history of Russian ethnic cartography (based on materials from the IRGS and KIPS)]. Ufa, CEI UC RAS Publ., 2008, 52 p. (in Russ.)
- Remezov S. U.** Chertezhnaya kniga Sibiri [Drawing book of Siberia]. Tobolsk, PCF Vozrozhdenie Tobol’ska Publ., 2007, pt. 1: Atlas, 48 p.; (in Russ.)
- Remezov S. U.** Khorograficheskaya chertezhnaya kniga Sibiri [Chorographic drawing book of Siberia]. Tobolsk, PCF Vozrozhdenie Tobol’ska Publ., 2011, pt. 1: Atlas, 172 p.; pt. 2, 696 p. (in Russ.)
- Svodnyi katalog rukopisnykh kart Sibiri i Dal’nego Vostoka XVII – nachala XX v.: spravochnoe izdanie [A consolidated catalog of handwritten maps of Siberia and the Far East of the 17th –

early 20th centuries: reference publication]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical Uni. Publ., 2019, 464 p. (in Russ.)

Tikhonov S. S. Karty S. U. Remezova v arkheologo-etnograficheskikh issledovaniyakh [Maps by S. U. Remezov in archaeological and ethnographic studies]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2013, no. 3 (23), p. 52–56. (in Russ.)

Trofimova O. V., Konovalova E. N. Topograficheskie opisaniya Zapadnoi Sibiri XVIII veka [Topographic descriptions of Western Siberia in the 17th Century]. Tyumen, Tyumen State Oil and Gas Uni. Publ., 2013, 456 p. (in Russ.)

Zagorodniuk N. I., Konovalova E. N., Roshchevskaya L. P. Kartograficheskaya kolleksiya Tobol'skogo istoriko-arkhivnogo muzeya-zapovednika [Cartographic collection of the Tobolsk Historical and Archival Museum-Reserve]. Tobolsk, 2019, 68 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received
20.02.2020

Сведения об авторах

Катионов Олег Николаевич, доктор исторических наук, профессор, директор института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия)
korolek1953@gmail.com
ORCID 0000-0002-7260-0051

Мжельская Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия)
mzel08@mail.ru
ORCID 0000-0002-5256-6247

Information about the Authors

Oleg N. Kationov, Doctor of History, Assoc. Prof., Director of the Institute of History, Humanities and Social Education at the Novosibirsk State Pedagogical University (28 Vilyuiskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation)
korolek1953@gmail.com
ORCID 0000-0002-7260-0051

Tatiana V. Mzhelskaya, PhD in History, Docent, Deputy Director of the Institute of History, Humanities and Social Education at the Novosibirsk State Pedagogical University (28 Vilyuiskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation)
mzel08@mail.ru
ORCID 0000-0002-5256-6247

УДК 39 (=512.156)
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-146-155

Некоторые аспекты изучения этногенеза тувинского народа

В. В. Ушницкий

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Якутск, Россия*

Аннотация

Решается проблема изучения этногенеза тувинского народа. Его предками считаются древние этносы, имевшие самоназвание *дубо-тумат* и *урянхай-уранхай*. Поэтому в первую очередь велся поиск этнических связей с носителями этих этнонимов. Действительно, основой для формирования тувинского народа стало средневековое племя самодийского происхождения *дубо*. Но прослеживается также наличие древнетюркского, уйгурского и кыргызского компонентов в процессах этногенеза. Имеются следы этнокультурных контактов с предками народа *сахы*. Подчеркиваются этнические отличия между монгольскими степными *урянхайцами* и лесными – предками тувинцев. Но в монгольско-ойратский период происходило сближение между этими двумя группами, в результате чего алтайских *урянхайцев* – вероятных потомков степных, можно отнести к этнической группе тувинского народа, как и *дархатов*. В целом тувинцев можно назвать прямыми потомками самодийцев, тюрок, уйгуров, енисейских кыргызов, кыпчаков и керейтов, а также лесных *ойн-урянхатов* с участием монголов.

Ключевые слова

Саяно-Алтай, тувинцы, этногенез, история

Для цитирования

Ушницкий В. В. Некоторые аспекты изучения этногенеза тувинского народа // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография. С. 146–155. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-146-155

Some Aspects of the Study of the Ethnogenesis of the Tuvan People

V. V. Ushnitsky

*Institute for Humanitarian Research and the Problems of the Indigenous Peoples of the North SB RAS
Yakutsk, Russian Federation*

Abstract

The article is devoted to the problem of the ethnogenesis of the Tuvanian people. The ancestors of the Tuvans are considered to be the ancient ethnos who called themselves the *Dubo-Tumat* and *Uryanhai-Uranhai*. Therefore, first of all, a search was carried out for ethnic connections with the carriers of these ethnonyms. Indeed, the basis for the formation of the Tuvanian people was the medieval tribe of Samoyed origin *Dubo*. The presence of the ancient Türkic, Uygur and Kyrgyz components in the processes of ethnogenesis is also traced. Traces of ethnocultural contacts with the ancestors of the *Sakha* people are noted. They are the carriers of the ethnonym *Uranhai*. If the Tuvinians use this name through descendants of the *Dubo* – mountain-taiga (inhabitants of the forest), *Oin-Uryankhats*, then the name *Sakha* as *Uranghayans* is a reminder of the Türkic-speaking Tumats as the main ancestors of the Yakut-Sakha. The article emphasizes ethnic differences between the Mongolian steppe *Uryanghai* and the forest – the ancestors of the Tuvans. However in the Mongol-Oirat period there was a rapprochement between these two groups of *Uryankhai* people, as a result of which the Altai *Uryankhai* people, the probable descendants of the steppe, can be attributed to the ethnic group of the Tuvan people, as well as the *Darchats*. In general, the Tuvinians can be called direct descend-

© В. В. Ушницкий, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography

ants of the ancient Turks, Uigurs, Yenisei Kyrgyz and Kereits, as well as forest *Oin-Uryankhats*. In the history of their ethnogenesis, the Scythian-Siberian, Old Samodian, Ancient Turkic, Uygur, Kypchak, Kereit and Mongolian periods stand out.

Keywords

Sayan-Altai, Tuvans, ethnogenesis, history

For citation

Ushnitsky V. V. Some Aspects of the Study of the Ethnogenesis of the Tuvan People. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 146–155. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-146-155

Введение

Удивительными явлениями в мировой истории являются рождение и становление народов, которые как биосоциальные организмы имеют свои, более никому не свойственные, особенности. Единство их языка и антропологического облика обычно формируется в течение веков, свидетельствуя о преемственности этносов, живущих на каждой отдельной территории. Однако, как и ребенок, новый организм зарождается, неся основные элементы, доставшиеся ему от «родителей».

Относительно такого крупного народа современной России, как тувинцы, предки которых жили в древнем «котле народов» – Центральной Азии, до сих пор не удается удовлетворительно решить проблему этногенеза. По предположению Л. Р. Кызласова, в народность тувинцы начали складываться лишь в конце XV – начале XVI в., поскольку в XIII–XV вв. их различные этнографические группы еще резко отличались друг от друга культурой и погребальным обрядом [Кызласов, 1964. С. 82]. Но археологических материалов XV–XVI вв. так мало, что вопрос о происхождении непосредственных предков тувинского народа только по данным археологии, в целом, пока неразрешим [Там же]. Установление времени и мест формирования предков тувинцев – цель в настоящее время весьма актуальная. Основные задачи нашей работы заключаются в том, чтобы выявить и охарактеризовать ряд аспектов, касающихся изучения общих исторических корней тувинцев и древних соседей их предков, в том числе анализируя и сопоставляя имеющиеся сведения письменных и археологических источников. Новизна исследования состоит в развитии и уточнении некоторых положений в отношении этногенеза тувинцев, высказанных ранее отдельными научными предшественниками, в первую очередь З. В. Анайбан и Маннай-оол Монгуш [2014].

Дубо как первопредки тувинцев

Современные тувинцы и их этнографические группы¹ – тоджинцы, цаатаны, тофы, сойоты, кок-мончаки, дархаты и алтайские урянхайцы, живут на огромной территории, в основном в горно-таежных местностях Западного и Восточного Саяна, Большого Алтая, Верхнего Енисея и у оз. Хубсугул. Большая часть этого населения занимается скотоводством, но небольшие группы в горной тундре ведут оленеводческое хозяйство. Этим они отличаются от остальных современных тюрков (кроме самых северных – саха и долган). В историографии сложилось представление, что тувинцы – это потомки коренных жителей Саянских гор. Поэтому все их этнические группы иногда называют «саянидами».

Распространено мнение, что именно в Саянах расположена южная прародина самодийцев. Здесь, действительно, долго отмечались их отдельные группы. Так, И. Г. Георги сообщал о «племенн саят, называемых также суйотами или сойотами»; он относил их к самодийцам, что «доказывается их видом, языком и житейскими обычаями» [Там же. С. 156]. По мнению академика П. С. Палласа, тувинцы – «остатки самоедов, вытесненных со своих старых мест обитания» [Там же]. А. М. Кастрен писал, что сойоты в середине XIX в. говорили на том же

¹ Автор придерживается именно такой точки зрения.

наречии, что и минусинские татары (хакасы), но в языке остались следы, свидетельствующие о несомненно «самоедском происхождении» их части [Анайбан, Маннай-оол, 2014. С. 156–157]. Н. А. Кастрен отмечал, что тоджинцы и тофы еще в недавнем прошлом также говорили на самодийских языках [Кастрен, 1860. С. 375, 392, 402; Сердобов, 1971. С. 155, 242]. Д. Каррутерс, посетивший Туву в 1910 г., писал, что ее жители представляют «из себя потомков нации, образовавшейся путем смешения аборигенов территорий, прилегающих к реке Енисею, с древними тюркскими и угорскими племенами, на которых сильное влияние оказали, в свою очередь, монголы» [1914. С. 198]. Рассматривая проблему происхождения тувинцев, Г. Е. Грумм-Гржимайло [1926] также отметил сложный этнический состав этого народа и уточнил, что в него входят тюркские, самодийские, монгольские и кетские этнические компоненты. Н. А. Баскаков, В. М. Наделяев, В. И. Рассадин и другие тюркологи считали, что остается в силе основной постулат В. В. Радлова о возникновении тувинской речи в результате тюркизации какого-то палеосибирского населения (самодийцев, возможно, кетов и т. п.) [СИГТЯ, 2002. С. 600]. Подобные определения давали и иные авторы. В связи с этим заслуживает внимания мнение Л. П. Потапова, уточняющего, что древние жители части региона были самодийского происхождения, но впоследствии они подверглись языковой ассимиляции племенами теле, тем не менее сохранив самоназвание *дубо* [1969. С. 183]. Оно и стало собирательным для формировавшейся первоосновы будущего тувинского народа [Сердобов, 1971. С. 240–241]. Данная идея, которую следует считать наиболее адекватной относительно комплекса имеющихся источников, обосновывается рядом исторических обстоятельств.

Так, этноним *дубо* вполне сопоставим с древним племенным названием *тоба* (или *топа*). Более того, М. Х. Маннай-оол предполагал, что тоба были предками дубо, или находились с ними в родственных отношениях [2004. С. 59]. Вероятнее всего, в первых веках I тыс. н. э. этнически близкие уйгурам племена тоба / топа проникли в Саяны, где на части территории уже жили самодийцы и, возможно, кеты. Так, по весьма интересному сообщению тувинского информатора О. Д. Куулара тувинский род тумат первоначально (примерно с IV в. н. э.) проживал в верховьях реки Амур и имел название *тыва*. Затем этот этноним мог трансформироваться по схеме тыва – тоба – туба – тума – тумат [Молдобаев, 1989].

В результате такого взаимодействия в Саянском регионе был сформирован новый тюркоязычный этнос – горные охотники-скотоводы или пешие таежные охотники, которых можно назвать «южно-сибирские горцы». Его основу составляли уйгуроязычные топа / тоба, т. е. будущие дубо, создавшие под одноименным названием конфедерацию племен, к V в. н. э. населявшую Восточный Саян и окрестности оз. Косогол. Согласно сведениям Тан-шу, они, считавшиеся одним из племен древних тюрков [Маннай-оол, 2004. С. 59], состояли из союза трех этнических групп – собственно дубо, милиге и хэчжи. Милиге отождествляются с меркитами – их еще в XIII в. в китайских источниках называли *милиге*; в XI в. меркиты переселились в Забайкалье. Этноним *хэчжи* напрямую связывают с тувинским родом эчжень урянха – Ю. А. Зуев [2002] читает это со среднекитайского как *канглы*.

Однако некоторые исследователи связывали распространение этнонима *дубо* в форме *туба* с позднейшими переселениями в Туву с севера, из-за Саян, тувинцев, т. е. населения позднесредневекового кыргызского княжества Туба. По мнению Н. А. Сердобова, есть некоторые основания предполагать самодийскоязычность маады и их родственность с маторами, расселенными в XVII в. в основном по северную сторону от Саяна [1971. С. 153]. Кроме того, автор считал, что этноним *туба* в XVII в. являлся самоназванием и части племен, живших в Прикосоголье и в верховьях Иркуты (иркитов, долонгутов) [Там же. С. 241]. С. И. Вайнштейн также полагал, что «основную роль во внесении этнонима *туба* в среду племен степной части Тувы, очевидно, сыграло переселение сюда из мест первоначального обитания тюркоязычных тувинцев, но уже в XVIII в.» [Там же. С. 242]. В конце XIX в. Н. Ф. Катанов писал, что и карагасы (тофы) именовали себя «туба»; по языку и происхождению они весьма близки к тувинцам [1893. С. 16]. Л. П. Потапов указывал на самодийское происхождение ка-

рагасов, отмечая их родственность тоджинцам [Потапов, 1957. С. 162–163]. Но во второй четверти XVIII в. результате русско-цинского разграничения в Южной Сибири тофы-туба остались в составе России и поэтому почти не участвовали в дальнейшем формировании тувинской народности [Сердобов, 1971. С. 162–163]. Несомненно, переселения на территорию Тувы с севера имели место вплоть до начала XVIII в., однако нельзя забывать, что они накладывались на уже существующие реалии в этнонимике, где в основе лежал корень *дубо*.

Распространение в предшествующее время этнонима *дубо* (в разных фонетических вариантах) Н. А. Сердобов связывал с появлением в XVI–XVIII вв., а возможно и ранее, в Западной и Южной Туве, в Северо-Западной Монголии иргитов, соянов, точигасов, туматов, чооду и сарыг. Даже среди кок-мончаков Китая он обнаруживал сеоки иргит, сары-сойон, среди тубаларов – соен, сарыглар и т. д. [Там же. С. 243]. Опираясь на сведения хакасского фольклора, а также на данные о месте первоначального расселения чооду, иргитов и соянов, Н. А. Сердобов высказал предположение об этногенетическом родстве указанных групп с племенами конфедерации *дубо*.

В целом, по нашему мнению, различия субстрата, изолированность горно-таежных территорий, смешение с пришельцами с разных территорий привели к формированию в Саяно-Алтае ядра предков не только собственно современных тувинцев, но иных этнических групп. К ним А. М. Малолетко относил туматов, курыкан, тофов, сойотов, тоджинцев, приенисейских тубинцев, северных алтайцев и – что, по нашему мнению, маловероятно – даже хакасов и шорцев [2004. С. 144].

Иные группы населения, участвовавшие в сложении тувинского этноса

В первую очередь в рамках данной проблематики следует указать на следы, оставленные населением тюркского происхождения.

Первым высказал предположение о том, что одними из основных предков тувинцев были, в том числе, древние уйгуры, Г. И. Потанин [Анайбан, Маннай-оол, 2014. С. 157]. Их участие в этногенезе тувинских этносов доказывается наличием в составе уйгуров рода ондар, в котором видят потомков он-уйгуров. Следует напомнить, что *дубо* входили в состав древних уйгуров и теле-огузов как их часть.

Тувинский язык специалисты иногда считают прямым потомком языка древних уйгуров. Существует термин «уйгуро-урянхайская группа языков», применяемый в лингвистике. Но российские лингвисты во главе с А. В. Дыбо выделяют и отдельную «тобаскую» группу тюркских языков. В ее состав включаются следующие: язык тыва, или тувинский язык; язык тофа, или тофский; язык туха, или уйгуро-урянхайский, язык оленеводов-цаатанов Монголии; язык ту'ва цэнгэльских тувинцев; язык д'ва, или мончаков, Китайского Алтая (к ним относится также ховдинский диалект).

Интересно, что цаатаны называли себя уйгурами урянхайского происхождения, а свой язык – уйгурским; в Монголии цаатанов и тувинцев именовали уйгуро-урянхайцами. Г. Н. Потанин писал, что «дархаты считают язык урянхайцев уйгурским, а народ их народом уйгурским» [1883]. Д. А. Клеменц сообщал, что «здесь живут урянхи, называющие себя туба, уйгуролос, а язык свой уйгуре хель» [Маннай-оол, 2004. С. 68]. Согласно классификации Н. А. Баскакова, этот язык следует отнести к уйгуро-тукуюской подгруппе уйгуро-огузской группы тюркских языков [1968. С. 15, 153]. Следовательно, этнонимы *уйгур* и *урянхай* ~ *уранхай* могли употребляться в качестве синонимов?

Рашид-ад-Дин при описании лесных урянхатов подчеркивал, что «это племя не принадлежит к другим урянхатам: они получили это имя потому, что их юрты находились в лесах» [1952. С. 123]. Из данного описания следует, что быт лесных ойн-урянхатов соответствовал этнической культуре тоджинцев и других горнолесных этнических групп тувинского народа, но никак не большинству тувинцев, занимавшихся разведением 5-ти видов скота (овцы, ло-

шади, КРС, верблюды и козы). Так, лесные урянхаты «никогда не выходили из лесов», «в местах, где они останавливались, они делали из коры березы и других деревьев немного навесов и лачуг и удовлетворялись этим», «зимой, по снежному покрову они бьют массу дичи» [Рашид-ад-Дин, 1952. С. 124]. Н. А. Сердобов утверждал, что термин *тубасы* в «Сокровенном сказании» монголов, который соответствовал лесным урянхатам Рашид-ад-Дина, имел фонетические варианты *туфа*, *туха* [1971. С. 241]. В свою очередь, Б. Р. Зориктуев отделяет носителей имен *тубасы*, *туфа*, *туха* от племени туматов, также вышедших с территории Тувы. Это означает, что отдельно существовали племена сайн-урянхатов и туматов.

В позднем Средневековье термином *урянхай* (*уранхай*) обозначались тюркоязычные обитатели Саяно-Алтайских гор. Но в Минский период урянхайцами назывался монголоязычный народ, образовавшийся после падения Монгольской империи. В ходе междоусобных войн он был раздроблен, и его осколки вошли в состав других племенных объединений – джунгаров, чахаров, халха и тувинцев. Часть оказалась на территории Западной Монголии и стала известна под именем алтайских урянхайцев.

Уточним, что в российских источниках тувинцы были известны под названием *урянхайцы* в XVII–XVIII вв. и *сойоты* в XIX – начале XX в. Под названием *урянхайцы* тувинцев знали цинские (монгольские) феодалы, подчеркивавшие этим их отсталость – типа «оборванцы, нищие». Поэтому распространено мнение о том, что в него вкладывался оскорбительный смысл. Однако еще Н. А. Сердобов подчеркивал, что среди тувинцев нет рода или племени урянха, и это доказывает иноземное происхождение данного термина [1971. С. 240] – скорее всего, оно монгольское. Относительно же сойотов Н. А. Сердобов верно заметил, что это название связано с именем Саянской земли и племени соянов [Там же. С. 239].

Следовательно, изначально тувинцами являлись лесные группы, имеющие древнее самоназвание *дубо-тува*.

Относительно туматов, живших в пределах государства кыргызов и оказавших в XIII в. сопротивление армиям Монгольской империи, можно считать, что они обитали в горах Саяна. По поводу их этнической принадлежности имеются неоднозначные мнения. Например, Л. Р. Кызласов считал их потомками древних дубо, среди которых оказались как тюркоязычные, так и монголоязычные этнические группы [1969. С. 167]. Название *тумат* (во множественном числе монгольского языка используется окончание -ат / -ет) считается вариантом этнонима *туба*, хотя, по Б. И. Татаринцеву, они совершенно разного происхождения. Исходной формой имени *тумат* он считал слово *туман*. По происхождению оно тюркское и обозначало значительную группу людей [Татаринцев, 1990]. Действительно, в преданиях саха туматы иногда фигурируют как племя туман.

В Сокровенном сказании монголов туматы обозначены в двойном наименовании – *хори-тумат*. Возможно, отличия туматов и некоторых иных потомков дубо заключались в присутствии у них сильных монгольских влияний. Им они подверглись, соединившись с хори, которые, в свою очередь, ассимилировались с предками монголов. Но, видимо, следует отличать «чрезвычайно воинственных» [Рашид-ад-Дин, 1952. С. 122] туматов и представителей вполне миролюбивого племени хори-тумат, которые навсегда отделились от тувинской сферы и стали предками бурят и саха. Среди тувинцев туматы имеются в качестве отдельного рода. Это было бы невозможным, если бы термин *тумат* не полностью соответствовал носителям этнонима – *дубо ~ тува*. В целом туматов можно также считать одним из основных предков тувинского народа.

О прямой этнической связи между енисейскими кыргызами и тувинцами свидетельствует расположение на территории Тувы средневековых Кыргызских земель, или княжеств, Ус, Илань-Чжоу, Кэм-Кэмджиут, Ханьханэ (Хабханас). Юаньские источники упоминали отдельные этносы – усухань, ханаса, родственные кыргызам и переселенные с ними вместе в Маньчжурию. Хабханас располагалась на территории современной Тоджи, и ее жители занимались оленеводством [Кызласов, 1969]. Кроме того, в рунических надписях, найденных на территории Тувы, упоминаются иные многочисленные группы енисейских кыргызов: тогуз-

агдамдам, тюльбер и юз-кюмюл. С середины IX и до XVII в. отувинивавшиеся потомки кыргызов еще резко обособлялись использованием обряда трупосожжения [Кызласов, 1964. С. 86–87]. Все это, а также имя Тубинского улуса в XVII в. (территория современных Хакасии и юга Красноярского края), наличие родов и фамилии Кыргыз среди тувинцев говорят о вхождении племен Тувы в состав Кыргызского государства и расселении здесь крупных групп кыргызов. Возможно, среди тувинцев кыргызский компонент представлен не менее широко, чем среди современных хакасов.

Имя одного племени керейтов исследователи переводят как тумат, или дубоут, что близко словам *тумат* и *дубо*. Другие племенные названия керейтов также близки южносибирским тюркам: сахаэты – саха, тонгкаиты – тункаиты (от топонима Тунка – названия долины в Бурятии), а также донгак, тонг-жоан [Рашид-ад-Дин, 1952. С. 124–126]. В Тунке живут хонгодоры, название которых сопоставляют с хонкиратами, о которых известно, что 4 тысячи воинов из их племени Чингисхан отправил в область Тумат в качестве приданого за свою дочь, выданную замуж за вождя кунгиратов, или хонкиратов [Там же. С. 70]. Таким образом, возможно, одним из мест проживания туматов была Тункинская долина, откуда их затем оттеснили на Верхнюю и Среднюю Лену. Можно присоединиться к выводу Н. А. Сердобова о том, что керейты являются одним из важных тюркоязычных компонентов тувинского народа.

В различных русских документах XVII–XVIII вв. содержатся сведения о мингатах. Их упоминают русские послы к Алтын-хану – В. Старков и С. Гречанин, как обитателей долины Хемчика, где они жили вместе с соями. В первой четверти XVIII в. значительная часть мингатов была уведена в Джунгарию. После разгрома Джунгарского ханства часть их вернулась в Туву, другие оказались рассеянными между узбеками, башкирами и монголами, в среде которых сохраняли свое название. Среди современных тувинцев зафиксирована небольшая группа, сохранившая этноним *мингат* [Сердобов, 1971. С. 164]. Хотя он воспродуцируется от слова *минг* – ‘тысяча’, имевшая большое значение в структуре монгольской армии, не исключено, что этноним имел распространение еще в домонгольскую эпоху. Следовательно, минги-тысячники не имели отношения к мингатам, близким по имени к монголам.

Относительно иргитов Н. А. Сердобов пришел к выводу об их тюркском (уйгурском) происхождении. Учитывая значительную распространенность этого этнонима не только в Туве, но и в Хакасии, на Российском и Монгольском Алтае, мы вправе говорить о том, что иргиты участвовали в тюркизации самодийскоязычных племен Тоджи и Минусинской котловины [Там же. С. 160]. Так, в 1660 г. в верховьях Иркутка отряд казаков атамана Я. Похабова столкнулся с группой иргитов князца Яндаша [Там же]. Впоследствии отмечалось наличие Ирхитского рода среди бурятов. Ирхиты же на западе современной Бурятии составили и основу сойотского этноса, который сложился из трех главных этнических групп – хаасутов, ирхитов и онхотов на территории Оки, и относится к достаточно древнему населению Окинского района [Рассадин, 2016. С. 103].

Монгуши в составе тувинцев и кыргызов считаются потомками монголов [Сердобов, 1971. С. 133]. Наиболее популярна версия происхождения этнонима, когда он напрямую сопоставляется с именем *монгол*. У самих древних монголов данный этноним имел произношение *монгус* (*mongγus*); известный синолог Н. Ц. Мункуев считал это не только одной из транскрипций этнонима *монгол*, но и его особой формой [Татаринцев, 1980. С. 144]. Если эти монгуши имели отношение к монголам, то только к хамаг-монголам или еще более древним. К тому же этноним *монгуш* похож на слово *Монгус* – обозначение людоеда или жадного едока в тюрко-монгольском фольклоре. Видимо, монгуши представляли собой часть енисейских кыргызов [Дамба и др., 2018. С. 613].

Этноним *ооржак* считается средневековым монголизмом. Сопоставляется со старописьменным монгольским «огурчак» (брошенный, покинутый, одинокий) и современным монгольским «оорцог» (обособленный, отдельный). Таким образом, это слово может восходить

к тюркскому этнониму *огур* [Дамба и др., 2018. С. 613]. Для проблематики данной публикации важно отметить, что в конце XVII в. керсагалы, орчаки и кучугеты, обитавшие на территории Верхнего Приобья, переселились на запад Саянских гор, т. е. в Туву [Екеев, 2015. С. 215]. Родоплеменную группу кужугетов в составе тувинцев Б. Б. Монгуш считал представителями потомков племени аз древнетюркского периода [2013].

Важно отметить, что группы монгуш, ооржак и сат среди тянь-шаньских кыргызов считаются пришлыми из Тувы [Сердобов, 1971. С. 133].

Б. Б. Монгуш поставил вопрос о преобладающей роли в этногенезе тувинского этноса чиков – народа енисейского происхождения. При этом он взял за основу гипотезу об участии кето-енисейского компонента в этом процессе. Этноним *чик* выводился им от слова «*сік*» – ‘лебедь, змея’ в енисейских языках. Загадочные названия *юз-кюмюл* и *тогуз-огдамдам* он также связывал с чиками. По предположению В. М. Наделяева, в основе современного тувинского языка может лежать язык чиков, отуреченный (не ранее VII в. н. э.) с участием уйгурского языка [Монгуш, 2007].

Но М. Х. Маннай-оол вхождение кетских этнических групп в состав тувинцев считал незначительным [2004. С. 90]. Отмечается слабая изученность данной проблематики, соответственно какое-либо заметное участие енисейского субстрата в этногенезе тувинцев оспаривается теорией о самодийском происхождении этого этноса, имеющей обширную историографию и многочисленные свидетельства о былом самодоязычии предков тувинцев и их этнических групп.

Приведенные выше сопоставления этноязыкового характера интересны также для якутского этногенеза, поскольку меркиты как носители уйгурского компонента весьма близки к саха и в эвенкийских легендах считаются предками конных тунгусов [Туголуков, 2013]. Кроме того, люди из Якутии сразу обращают внимание на сходство названия местности или села Танда в Баягантайском (ныне Усть-Алданском) улусе с тувинским топонимом Танды.

Заключение

Подчеркнем, что формирование тувинцев происходило вокруг самодийского этноса дубо, который начиная с раннего Средневековья постепенно подвергался тюркизации и, в меньшей степени, монголизации. Участие кето-енисейского компонента в его этногенезе следует считать незначительным. Вместе с тюркскими носителями этого термина, которые входили в состав древних тюрок, уйгуров, кыргызов и кереитов, в труднодоступных горно-таежных местностях Саяно-Алтая оставались отдельные самодийские этнические группы, которые сохранялись вплоть до начала XX в. Территорией формирования тувинского этноса являлись Верхний Енисей и Саяны. Основы тувинского народа и языка, возможно, сформировались уже в VII–X вв. в рамках трехплеменного союза дубо. В дальнейшем, вплоть до начала XVIII в., происходил процесс динамично нарастающего вливания в состав этого населения тюркского и монгольского компонентов. Но вполне достоверным представляется и участие в этом предков маторов (камасинцев), в этот же период вносивших самодийский компонент в тувинский этнос [Сердобов, 1971. С. 153]. Таким образом, главным содержанием истории формирования современных тувинцев являлись почти постоянные процессы вхождения в состав их предков представителей трех основных групп соседей – самодийского, тюркского и монголоязычного происхождения. Итак, в результате проведенного в настоящей публикации анализа ряда аспектов истории изучения происхождения тувинцев можно сделать основополагающий вывод, что в составе трехплеменного союза дубо прослеживается присутствие части этнических предков трех современных родственных тюркоязычных народов Сибири – тувинцев, хакасов и саха.

Список литературы

- Анайбан З. В., Маннай-оол М. Х.** Этногенез тувинцев. Историография вопроса // Тюркские народы. Фрагменты этнических историй. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2014. С. 151–175.
- Баскаков Н. А.** Введение в изучение тюркских языков. М.: Высш. шк., 1968. 332 с.
- Грум-Гржимайло Г. Е.** Западная Монголия и Урянхайский край. Л.: Изд-во Ученого комитета Монгольской Народной Республики, 1926. Т. 2. 906 с.
- Дамба Л. Д., Балановская Е. В., Жабагин М. К., Юсупов Ю. М., Богунов Ю. В., Сабитов Ж. М., Агджоян А. Т., Короткова Н. А., Лавряшина М. Б., Монгуш Б. Б., Кавай-оол У. Н., Балановский О. П.** Оценка вклада монгольской экспансии в генофонд тувинцев // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2018. № 22 (5). С. 611–619.
- Зуев Ю. А.** Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 338 с.
- Екеев Н. В.** Алтай: история и культура (Избранные труды). Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2015. 472 с.
- Каррутерс Д.** Неведомая Монголия Пг.: [б. и.], 1914. Т. 1. 341 с.
- Кастрен А.** Путешествие в Сибирь. Магазин землеведения и путешествий. М.: Тип. Александра Семена, 1860. Т. 6: Географический сборник Николая Фролова. 495 с.
- Катанов Н. Ф.** Письма из Сибири и Восточного Туркестана // Зап. Имп. Академии наук. 1893. Т. 23. С. 10–18.
- Кызласов Л. Р.** Курганы тувинцев // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1964. № 5. С. 82–93.
- Кызласов Л. Р.** История Тувы в Средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 212 с.
- Малолетко А. М.** Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. Т. 3: Докаганатские тюрки. 292 с.
- Молдобаев Э. И.** Этническая и культурная общность киргизов с народами Саяно-Алтая // Вопросы этнической истории киргизского народа. Фрунзе: [б. и.], 1989. С. 96.
- Маннай-оол М. Х.** Тувинцы: Происхождение и формирование этноса. Новосибирск: Наука, 2004. 166 с.
- Монгуш Б. Б.** Чики: происхождение и роль в этногенезе тувинцев (по сведениям восточных письменных источников) // Омский научный вестник. 2007. № 5 (59). С. 15–19.
- Монгуш Б. Б.** Происхождение азов и азский компонент в составе тувинцев (по сведениям восточных письменных источников) // Вестник ТГУ. 2013. № 3 (23). С. 146–151.
- Потапов Л. П.** Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1957. 308 с.
- Потапов Л. П.** Этнический состав и происхождение алтайцев. Л.: Наука, 1969. 196 с.
- Потанин Г. Н.** Очерки Северо-Западной Монголии. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. Вып. 4. 425 с.
- Рассадин И. В.** Родоплеменной состав и этническая история сойотов // Вестник БНЦ СО РАН. 2016. № 2. С. 99–104.
- Рашид-ад-Дин.** Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1, кн. 1–2. 221 с.
- Сердобов Н. А.** История формирования тувинской нации. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1971. 473 с.
- СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции.** М.: Наука, 2002. 767 с.
- Татаринцев Б. И.** О некоторых тувинских этнонимах // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл: Изд-во ТНИИЯЛИ, 1980. С. 144–145.
- Татаринцев Б. И.** Этноним туба // Сов. тюркология. 1990. № 2. С. 75–83.
- Туголуков В. А.** Эвенки Восточной Сибири и Дальнего Востока. Красноярск: ИД «Сибирские промыслы», 2013. 352 с.

References

- Anayban Z. V., Mannay-ool M. Kh.** Etnogenez tuvintsev. Istoriografiya voprosa [Ethnogenesis of Tuvans. Historiography of the issue]. In: Tyurkskie narody. Fragmenty etnicheskikh istorii [Turkic peoples. Fragments of ethnic stories]. Moscow, IEA RAS Publ., 2014, p. 151–175. (in Russ.)
- Baskakov N. A.** Vvedenie v izuchenie tyurkskikh yazykov [Introduction to the study of Turkic languages]. Moscow, Higher School Publ., 1968, 332 p. (in Russ.)
- Bichurin N. Ya.** Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena [Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1953, vol. 3, 332 p. (in Russ.)
- Carruthers D.** Nevedomaya Mongoliya [The Unknown Mongolia]. Petrograd, 1914, vol. 1, 341 p. (in Russ.)
- Damba L. D., Balanovskaya E. V., Zhabagin M. K., Yusupov Yu. M., Bogunov Yu. V., Sabitov Zh. M., Agdzhoyan A. T., Korotkova N. A., Lavryashina M. B., Mongush B. B., Kawai-ool U. N., Balanovsky O. P.** Otsenka vkladа mongol'skoi ekspansii v genofond tuvintsev [Assessment of the contribution of Mongolian expansion to the Tuvanian gene pool]. *Vavilovskii zhurnal genetiki i seleksii* [Vavilovsky Journal of Genetics and Breeding], 2018, no. 22 (5), p. 611–619. (in Russ.)
- Ekeev N. V.** Altai: istoriya i kul'tura (Izbrannye trudy) [Altai: History and Culture (Selected Works)]. Gorno-Altaysk, Gorno-Altayskaya tipografiya Publ., 2015, 472 p. (in Russ.)
- Grumm-Grzhimailo G. E.** Zapadnaya Mongoliya i Uryankhaiskii krai [Western Mongolia and the Uryanhay Territory]. Leningrad, Scientific Committee of the Mongolian People's Republic Publ., 1926, vol. 2, 906 p. (in Russ.)
- Kastren A.** Puteshestvie v Sibir'. Magazin zemlevedeniya i puteshestvii [Travel to Siberia. Shop of geography and travel]. Moscow, Alexandr Semen Typography Publ., 1860, vol. 6: Geographical collection of Nikolai Frolov, 495 p. (in Russ.)
- Katanov N. F.** Pis'ma iz Sibiri i Vostochnogo Turkestana [Letters from Siberia and East Turkestan]. *Zapiski Imperatorskoi Akademii nauk* [Notes of the Imperial Academy of Sciences], 1893, vol. 23, p. 10–18. (in Russ.)
- Kyzlasov L. R.** Istoriya Tuvy v srednie veka [History of Tuva in the Middle Ages]. Moscow, Moscow State Uni. Publ., 1969, 212 p. (in Russ.)
- Kyzlasov L. R.** Kurgany tuvintsev [Tuvan mounds]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8. Istoriya* [Bulletin of Moscow State University. Series 8. History], 1964, no. 5, p. 82–93. (in Russ.)
- Maloletko A. M.** Drevnie narody Sibiri. Etnicheskii sostav po dannym toponimiki [Ancient peoples of Siberia. Ethnic composition according to toponymy]. Tomsk, Tomsk State Uni. Publ., 2004, vol. 3. Pre-Kagan Turks, 292 p. (in Russ.)
- Mannay-ool M. Kh.** Tuvintsy: Proiskhozhdenie i formirovanie etnosa [Tuvintsy: The origin and formation of an ethnic group]. Novosibirsk, Nauka, 2004, 166 p. (in Russ.)
- Moldobaev E. I.** Etnicheskaya i kul'turnaya obshchnost' kirgizov s narodami Sayano-Altaya [Ethnic and cultural community of the Kyrgyz people with the peoples of Sayano-Altai]. In: Voprosy etnicheskoi istorii kirgizskogo naroda [Issues of the ethnic history of the Kyrgyz people]. Frunze, 1989, p. 96. (in Russ.)
- Mongush B. B.** Chiki: proiskhozhdenie i rol' v etnogeneze tuvintsev (po svedeniyam vostochnykh pis'mennykh istochnikov) [Chiki: the origin and role in the ethnogenesis of Tuvans (according to Oriental written sources)]. *Omskii nauchnyi vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 2007, no. 5 (59), p. 15–19. (in Russ.)
- Mongush B. B.** Proiskhozhdenie azov i azskii komponent v sostave tuvintsev (po svedeniyam vostochnykh pis'mennykh istochnikov) [Origin of the basics and the Az component in the

- composition of Tuvans (according to Oriental written sources)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of TSU]*, 2013, no. 3 (23), p. 146–151. (in Russ.)
- Potantin G. N.** Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii [Essays on Northwest Mongolia]. St. Petersburg, B. Kirshbaum Typography, 1883, iss. 4, 425 p. (in Russ.)
- Potapov L. P.** Etnicheskii sostav i proiskhozhdenie altaitsev [Ethnic composition and origin of Altai people]. Leningrad, Nauka, 1969, 196 p. (in Russ.)
- Potapov L. P.** Proiskhozhdenie i formirovanie khakasskoi narodnosti [Origin and formation of the Khakass nationality]. Abakan, Khakass Book Publ. House, 1957, 308 p. (in Russ.)
- Rashid-ad-Din.** Sbornik letopisei [Collection of annals]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1952, vol. 1, book 1–2, 22 p. (in Russ.)
- Rassadin I. V.** Rodoplemennoi sostav i etnicheskaya istoriya soiotov [Tribal composition and ethnic history of Soyots]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra [Bulletin of BSC SB RAS]*, 2016, no. 2, p. 99–104. (in Russ.)
- Serdobov N. A.** Istoriya formirovaniya tuvinskoii natsii [History of the formation of the Tuvan nation]. Kyzyl, Tuva Book Publ. House, 1971, 473 p. (in Russ.)
- Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Regional'nye rekonstruktsii [Comparative historical grammar of Turkic languages. Regional reconstruction]. Moscow, Nauka, 2002, 767 p. (in Russ.)
- Tatarintsev B. I.** Etonim tuba [Ethnonym tuba]. *Sovetskaya tyurkologiya [Soviet Turkology]*, 1990, no. 2, p. 75–83. (in Russ.)
- Tatarintsev B. I.** O nekotorykh tuvinskih etnonimakh [About some Tuvan ethnonyms]. In: *Novye issledovaniya po arkheologii Tuvy i etnogenezu tuvintsev [The latest research on the archaeology of Tuva and the ethnogenesis of Tuvans]*. Kyzyl, TNIIYALI Publ., 1980, p. 144–145. (in Russ.)
- Tugolukov V. A.** Evenki Vostochnoi Sibiri i Dal'nego Vostoka [Evenki of Eastern Siberia and the Far East]. Krasnoyarsk, "Siberian crafts" Publ. house, 2013, 352 p. (in Russ.)
- Zuev Yu. A.** Rannie tyurki: ocherki istorii i ideologii [Early Türks: essays on history and ideology]. Almaty, Dyke-Press Publ., 2002, 338 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
15.01.2020

Сведения об авторе

Ушницкий Василий Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (ул. Петровского, 1, Якутск, 677007, Россия)
voma@mail.ru
ORCID 0000-0003-4802-539X

Information about the Author

Vasily V. Ushnitsky, PhD in History, Senior Researcher at the Institute for Humanitarian Research and the Problems of the Indigenous Peoples of the North SB RAS (1 Petrovsky Str., Yakutsk, 677007, Russian Federation)
voma@mail.ru
ORCID 0000-0003-4802-539X

УДК 397 + 398
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-156-166

«Лисьи сюжеты» в фольклоре хакасов

В. А. Бурнаков

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Впервые представлена характеристика образа лисицы в устном народном творчестве хакасов. Исследование базируется на фольклорных, этнографических и лингвистических источниках. Изучены различные жанры повествовательной традиции, в которых представлен образ лисицы: мифы, эпосы, сказки и поговорки. Сделан вывод о том, что в народном творчестве хакасов образ этого животного является широко известным и весьма распространенным. Восприятие лисы в традиционном сознании формировалось в ходе длительного изучения биологической природы, внешних данных и повадок. Вместе с тем на оформление фольклорного образа лисицы у хакасов определенное влияние оказала и русская культура. Выделяются пять основных сюжетных групп, в которых фигурирует этот зверь. Доказывается, что фольклорные тексты, отнесенные к группам I–IV, создавались на основе собственных мифологических представлений и этнической специфики. Произведения, входящие в группу V, испытали большое влияние русской фольклорной традиции. При этом многие заимствованные сюжеты были творчески переосмыслены и адаптированы хакасами.

Ключевые слова

хакасы, культура, традиция, фольклор, сюжеты, лисица, образ, символ, этнокультурное взаимодействие

Для цитирования

Бурнаков В. А. «Лисьи сюжеты» в фольклоре хакасов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография. С. 156–166. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-156-166

“Fox Stories” in the Folklore of the Khakass

V. A. Burnakov

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The article explores the characteristics of the fox in the oral folk art of the Khakass. The study is based on folklore, ethnographic and linguistic sources. The paper analyzes folklore materials published in Russian and Khakass languages.

Results. The author explores various genres of narrative Khakass tradition, which feature the fox: myths, epics, tales and sayings. During the process of analysis, it was concluded that the representation of this animal can be commonly found in folk art of the Khakass. Moreover, it has a complex and ambiguous characterization. The perception of this beast in the traditional consciousness was, to a large extent, determined by a long study of its biological nature, external data and habits. Russian culture also had a certain influence on the formation of the folklore image of the fox among the Khakass. Five main plot groups in which the designated beast appears are identified. The works assigned to Groups 1–4 were formed based on their own mythological views and within the framework of their ethnic tradition. They arose as a result of direct observations of the life and habits of the fox and reflected the life experience of the people, their observations, ideas of the surrounding nature and the desire for knowledge of the world. In many ways, they have an etiological character and are associated with a belief in magic and sorcery. What is also important is that in these works, the direct life of the animals themselves is depicted, as it was presented in the traditional conscious-

© В. А. Бурнаков, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography

ness of the people. The narratives assigned to Group 5 were mostly developed in the context of intercultural contacts between the Khakass and Russians.

Conclusion. As a result of this process, there was a borrowing and processing of images and plots within the framework of their own ethnic tradition. There is a tendency under the guise of animals to depict people and their psychological properties, as well as display the social and everyday life of society. The interpretation of the form of the trickster-fox is subject to a certain moral and ethical norm. At the heart of all the stories studied is the motive for obtaining food, which is carried out in various ways and as a result forms the corresponding stereotype of perception of this beast.

Keywords

Khakass, culture, tradition, folklore, plots, fox, image, symbol, ethnocultural interaction

For citation

Burnakov V. A. "Fox Stories" in the Folklore of the Khakass. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 156–166. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-156-166

Введение

В культуре и религиозно-мифологическом сознании каждого народа важное место отводится животным и их образам. Их роль многообразна. Наиболее распространенными являются функции демиурга, тотема, культурного героя, трикстера, чудесного помощника, охранителя, вредоносного духа и пр. В сонме зооморфных образов одно из ключевых мест занимает лисица. Этот представитель мира фауны получил широкое распространение в мифоритуальной практике и фольклоре многих народов. Не стали исключением и хакасы.

Необходимо подчеркнуть, что в исследованиях по фольклору и этнографии хакасов лисица (хак. «түлгү») и ее мифологический образ прежде никогда не становились предметом отдельного научного исследования. Это обстоятельство определяет новизну работы. Цель данной публикации – выявление и характеристика сюжетов, связанных с образом лисицы в устном народном творчестве хакасов.

В качестве основных источников выступают фольклорные материалы, опубликованные на русском и хакасском языках [Катанов, 1907; Алыптыг нымыхтар, 1951; Хакас чонының нымыхтары, 1956; Тас чүрек, 1969; Хакасские народные сказки, 2014]. Еще одним важным источником являются лингвистические данные, представленные в словарях [Боргоякова, 1996; Бутанаев, 1999; Хакасско-русский словарь, 2006].

Хронологические рамки работы охватывают конец XIX – середину XX в., что определяется состоянием и возможностями базы источников по теме исследования. Ведущим в работе является принцип историзма. При анализе конкретного фольклорно-этнографического материала применяется метод компаративистики – сравнительно-сопоставительное исследование.

Результаты исследований и обсуждение

Воззрения о животных историческими корнями уходят в глубокую архаику. В них получило отражение человеческий опыт длительного наблюдения и взаимодействия с ними. В повествованиях о животных транслируются не только специфические знания о конкретных представителях мира фауны, но и в целом духовный опыт взаимодействия человека с природой. Обратим внимание на то, что каждый народ имеет собственные представления об окружающем мире. Нередко в процессе этнокультурного взаимодействия они в виде некоторых практических навыков, мифологических воззрений и фольклорных сюжетов могли передаваться от одних этнических общностей к другим. В мировоззрении народа, перенимавшего что-то новое от другого этноса, к имеющимся представлениям добавлялись новые, которые постепенно адаптировались и со временем воспринимались как исконные.

Исторические и социокультурные изменения, происходящие в жизни народа, всегда оставляют след в его культуре и мировоззрении. Некоторые мифические образы и сюжеты получают переосмысление, утрачивается их изначальный смысл. Они нередко трансформируются в сатирические и нравоучительные повествования. Собственно, сказка и является

естественным продуктом данного процесса. Утрата сакральной и этиологической направленности некоторых фольклорных текстов приводит к выдвиганию на передний план новых задач: развлекательных и дидактических. Поэтому образы прежде почитаемых животных в сказках начинают трактоваться иронически. Образ лисицы в фольклоре хакасов является одним из ярких примеров подобного явления.

В культуре этого этноса образ лисицы – один из самых архаических и вместе с тем наиболее распространенных. Он был запечатлен в народном календаре (хак. «түлгү айы» – февраль и «түлгү чыл» – год лисицы), а также в культовой издевательской – «түлгү төс» (лисий фетиш), в отношении которого была сформирована специальная обрядность. Образ этого животного широко применялся и в бытовой магии. Так, например, в ситуации, когда человеку приснился плохой сон, чтобы нейтрализовать его негативный прогноз, рекомендовалось прочитать следующее заклинание: «түзіңе түлгү сідезін» – ‘пусть на твой сон помочится лиса’ [Бутанев, 1999. С. 159]. Лисица часто встречается в мифах, эпосах, сказках, пословицах, поговорках и загадках. При этом все же наибольшую известность образ этого зверя получил благодаря сказкам. Имеющийся обширный фольклорный материал позволяет выделить несколько сюжетов и сюжетных групп, связанных с образом лисицы.

Первую сюжетную группу о лисице (I) формируют этиологические повествования. Как известно, их главная функция заключается в том, чтобы ответить на вопросы, связанные с происхождением того или иного природного объекта или явления. Особое место в них занимают астральные мифы, а основное содержание сводится к сюжету, в котором описывается взаимодействие нескольких мифологических персонажей, неожиданно восходящее на космический уровень. В результате действующие лица меняют свой семиотический статус и определяются уже как небесные тела. В традиционном сознании на основе подобного повествования формируется закономерная картина движения небесных светил, которые описываются посредством символических образов людей и животных в их взаимодействии.

Одним из таких астральных мифов хакасов, имеющих отношение к образу лисицы, является повествование о созвездии Большая Медведица (хак. «Читиген» или «Читі чылтыс»). В нем присутствует мотив небесной охоты. Согласно сюжету, охотник преследует семь лисиц, которые неожиданно перемещаются на небо. В результате все они превращаются в указанное созвездие [Попов, 1884. С. 646].

Этиологический характер носят мифы и сказки, в которых раскрываются конкретные признаки животных, находят объяснения их внешние и поведенческие свойства. В мифе «Совет птиц и зверей» констатируются хищнические наклонности лисицы. Она беспощадно поедает птиц и мелких животных. Такое поведение объясняется спецификой ее биологической природы, поэтому жителям лесного царства приходится лишь смириться с этой реальностью [Мифы и легенды хакасов, 2006. С. 43–47; Несказочная проза хакасов, 2016. С. 119–130].

На основе этиологического мифа, объясняющего специфический образ жизни некоторых животных, построена и сказка «Суслик и мышка». В ней также делается акцент на описании охотничьего инстинкта лисицы, упорно преследующей названных зверьков. В связи с этим прямая угроза их жизням со стороны хищника явилась основной причиной того, что они стали создавать более надежные укрытия – подземные норы, и постоянно в них жить [Гас чүрек, 1969. С. 35; Хакасские народные сказки, 2014. С. 61].

Вторую сюжетную группу о лисице (II) составляют эпические произведения – «алыптыг ныхахтар», в которых присутствует мотив оборотничества. В религиозно-мифологическом сознании оборотничество предполагает изменение облика героя, которое происходит при определенных обстоятельствах и для достижения конкретных целей. Как правило, это временная трансформация внешности с последующим возвращением к изначальному состоянию. Истоки воззрений об оборотничестве, как полагают некоторые исследователи, восходят к практике охотничьей маскировки, а также тотемическим и анимистическим воззрениям. При этом в «оборотничестве отразились представления о двойной зооантропоморфной при-

роде мифологических персонажей – тотемных первопредков и культурных героев» [Неклюдов, 1988. С. 235].

В героических сказаниях хакасов во многих ситуациях облик лисицы принимают, как правило, женские персонажи. Причем они могут быть как положительными, так и отрицательными. Исходя из этого основным назначением переходного состояния для них обычно является совершение подвига либо злодеяния [Кильчичаков, 1946; Хара Хусхун..., 1977; Алтын Арыг..., 1988; Ай Мічікнің..., 1993; Хан-Тонис..., 2007; Курбижекова, 2011]. Добавим, что в религиозно-мифологической традиции хакасов было принято видеть прямое включение героя в потусторонний мир с его иной пространственно-временной организацией именно в состоянии оборотничества.

Третью сюжетную группу о лисице (III) образуют сказки, в которых этот зверь наделяется глубокой мудростью, проницательным умом и хитростью. Указанные качества позволяют лисице в определенных ситуациях выступать в роли советчика или даже судьи, причем не только по отношению к другим животным, но и к человеку. Именно такая роль определена лисице в сказке об охотнике и змее. Обратим внимание на то, что она имеет несколько вариантов, опубликованных в различных изданиях [Кузнецова, 1892; Катанов, Роганович, 1897. С. 7–8; Катанов, 1907. С. 361–363; Пайнаң чылан, 1956; Арап и змея, 1975].

Основное содержание данного произведения сводится к следующему. Охотник отправляется в тайгу на промысел. По дороге он встречается змеей и спасает ее от неминуемой гибели. Однако вместо благодарности рептилия намеревается убить своего спасителя, провозглашая тезис «за добро добром не платят». Им удается прийти к согласию о том, что в случае подтверждения этой мысли другими лицами, которые встретятся им на пути, змея совершит свое злодеяние. Из всех трех животных (лошадь, собака и лисица), которых герои встретили в пути, только лисица объективно оценивает ситуацию и в итоге помогает человеку спасти жизнь. Дальнейшее развитие действий имеет различные вариации. В одном случае она, оказав помощь человеку, покидает его, в другом охотник совершает попытку ее застрелить, но она благополучно скрывается, в третьем он все же убивает хищницу и тем самым подтверждает изначально провозглашенный змеей тезис. Обращает на себя внимание типологическое сходство сюжета с русской сказкой «Старая хлеб-соль забывается» [Народные русские сказки..., 1984. С. 39–40]. Поясним, что в этом произведении в качестве главных действующих лиц выступают мужик и волк. По дороге они также встречают лошадь, собаку и лисицу. Последняя выступает на стороне человека, за что в итоге расплачивается своей жизнью.

В хакасском героическом сказании «Ай Мокко» [Радлов, 1989. С. 229–234] сообщается о двух сиротах – мальчике и девочке, которые живут в лесу. Питаются в основном тем, что удастся добыть в процессе охоты или рыбной ловли. Однажды в установленный мальчиком силоч попадает лисица. Она убеждает детей не убивать ее и взамен дает совет, куда им отправиться, чтобы обрести счастье. Они следуют лисьему совету и получают искомое.

В сказке «Лисий суд» это животное изображается уже в иной ипостаси – в качестве лица, целенаправленно преследующего лишь свои узкокорыстные цели. Прикрываясь стремлением объективно рассудить спор между горностаем и колонком по поводу справедливого распределения обнаруженного ими мяса, лисица полностью его съедает и одурачивает доверившихся ей зверьков [Тас чүрек, 1969. С. 39–40; Хакасские народные сказки, 2014. С. 69–70].

К четвертой сюжетной группе о лисице (IV) можно отнести оригинальную сказку о лисице и зайце, опубликованную Н. Ф. Катановым [1907. С. 493–494]. В этом произведении лисица вопреки общепринятому сказочному стереотипу выступает в качестве невинной жертвы в результате неблагоприятных поступков со стороны отдельных животных. Она изображается образцовой матерью четверых детенышей, прилежно о них заботящейся. В процессе развития сюжета лисица сначала получает вызов, а затем подвергается надругательству со стороны зайца. Морально не выдержав совершенного над ней злодеяния, она заканчивает жизнь самоубийством.

Пятую сюжетную группу о лисице (V) составляют сказки с ярко выраженным сатирическим и дидактическим характером. В них образы животных выступают в качестве аллегорий, под которыми подразумеваются негативные черты характера человека. Помимо того, в символической форме представлены некоторые виды социальных отношений. Семиотический статус лисицы в этих произведениях характеризует ее как воплощение негативных человеческих качеств: хитрость, ловкость, лживость, изворотливость, лицемерие, эгоизм, а также жадность и злонамеренность. Во многих текстах она выступает в качестве трикстера.

Большинство сюжетов о лисице из этой группы было заимствовано из русской культуры и адаптировано к хакасской традиции. Исследователи хакасского фольклора справедливо отмечают: «Во многих сказках о лисице можно найти сюжет русской сказки, но всегда творчески переработанный, принимающий благодаря местным бытовым деталям национальный колорит» [Унгвицкая, Майногашева, 1972. С. 216]. К произведениям данного вида относятся: «Түлгүчек» ('Лисичка'), «Аба, пүүр, түлгү, хозан» ('Медведь, волк, лисица и заяц'), «Колоногастарнаң түлгү» ('Колонки и лисица'), «Голубоктарнаң түлгүчек» ('Голуби и лисичка'), «Пүдүрчүннең түлгү» ('Перепелка и лисица'), «Түлгүнең пүүр» ('Лисица и волк'), «Апсағаснаң Түлгүчек» ('Старик и лисичка'), «Көйтүк түлгүчек» ('Хитрая лисичка'), «Түлгүчекнең турнацах» ('Лисичка и журавлик') и др. [Катанов, 1907. С. 392–395; Алыптың нымыхтар, 1951. С. 239; Хакас чоңының нымахтары, 1956. С. 129–130; Тас чүрек, 1969. С. 31–34; Майтакова, 2001. С. 31; Хакасские народные сказки, 2014. С. 61–69].

Смысл и сюжет хакасской сказки «Түлгүчек» в общих чертах соответствует русской сказке «Звери в яме» [Народные русские сказки..., 1984. С. 41–43]. Вместе с тем само произведение переработано в соответствии с хакасской этнической спецификой. Собственно, многие действующие в нем персонажи совершенно иные. При этом, как и в других текстах, неизменно главной героиней выступает лисица. Она искусно играет на национальном струнном инструменте «хомыс» и позиционирует себя, как веселую песенницу, идущую на пиршество «той». Основная мотивация всей ее деятельности сводится к поиску пищи. По мере развития сюжета она встречает волка, зайца и медведя. Они составляют ей компанию и отправляются вместе с ней на мнимый «той». Коварный замысел выявляется в ее намерении поместить путем обмана указанных зверей в глубокую яму и съесть их. Для этого она, используя хитрость и уловки, поэтапно вносит раздор между ними и таким образом добивается своей цели.

Текст сказки «О лисе и двух волках» [Катанов, 1907. С. 256–257] построен на стыке двух русских сказочных сюжетов: о лисице, обманувшей мужика, и о лисице и волке [Народные русские сказки..., 1984. С. 11–20].

Первая часть произведения включает в себя видоизмененный текст сказки о лисице и мужике. В произведении лиса, как и в русской версии, притворяется мертвой. Старик его подбирает и кладет в сани. Лисица незаметно выбрасывает из саней всю рыбу, после чего скрывается. По приезду домой перед человеком раскрывается вся картина происшедшего. В дальнейшем он по следам отправляется на поиски лисицы. Следы приводят к лесному домику, в котором он остается переночевать. По наущению лисицы туда приходят волки и съедают человека.

Вторая часть сказки повествует о том, как лисица обманывает волков. Серые хищники застают ее в процессе поедания рыбы и просят поделиться ею с ними. Она их обманывает – утверждает, что наловила рыбу хвостом, опустив его в прорубь. Волки следуют ее совету. В течение ночи их хвосты намертво примерзают ко льду. В финале их убивает человек, ведущий коней на водопой.

Сказка «Аба, пүүр, түлгү, хозан» ('Медведь, волк, лисица и заяц') имеет сюжетное соответствие с русской сказкой «Кот и лиса» [Там же. С. 51–55]. Вместе с тем текст также существенно переработан. В нем повествуется о жизни указанных зверей. Они проживают, как одна семья. Каждый занимается добычей пищи исходя из своих возможностей. Завязкой сюжета является недовольство медведя тем, что лисица приносит к общему столу мало пищи, а поедает ее наравне со всеми. Это приводит к конфликту. Лисица угрожает животным смер-

тью со стороны «страшного зверя» – кота по имени Котанай Иванович¹, с которым она, якобы, находится в близких дружеских отношениях. В дальнейшем текст в общих чертах повторяет сюжет упомянутого русского аналога.

Сказки «Колонки и лисица», «Голуби и лисичка», «Перепелка и лисица» и др. имеют общую сюжетную линию и в смысловой основе перекликаются с русской сказкой «Лиса и дятел» [Народные русские сказки..., 1984. С. 43–44].

Наряду с этим отметим, что обозначенные хакасские сказки все же выделяются большим объемом, усложненной структурой – цикличностью с произвольным порядком следования сюжетов, а также иными действующими персонажами, за исключением лисицы. Более того, хакасские тексты нередко состоят из нескольких разнородных, но вместе с тем линейно связанных друг с другом сюжетов с множеством новых деталей. Вариант одного из таких произведений был записан Н. Ф. Катановым [1907. С. 256–257].

Суть сказки сводится к следующему. Птица с желтой грудью (синица?!) выращивает своих птенцов в гнезде, расположенном на высоком тополе. К ней регулярно навещается лисица, которая каждый раз требует сбросить ей на землю по одному птенцу, которого она тут же съедает. За отказ выполнить ее требование грозит взлезть на дерево и полностью разорить гнездо. Наивная птица подчиняется воле лисицы. Однажды пролетавшие над гнездом этой птицы турпаны², узнают о ее беде. Они убеждают ее не подчиняться приказам рыжей хищницы и проверить на деле реальность ее угроз. При следующей встрече с лисицей желтогрудая птица следует совету турпанов и убеждается в фиктивности ее намерений. Раздосадованная лисица узнает от птицы, кто ей помог. Она планирует отомстить турпанам. Хитростью ей удается их поймать. Птицы же находят выход из сложившейся опасной ситуации. Они убеждают хищницу не есть их сейчас. Взамен предлагают полетать вместе с ними по небу и обещают доставить в нужное ей место. Та доверчиво соглашается. Посадив лисицу на спину и высоко взлетев, они бросают ее в море, а сами улетают. Заметим, что полет лисицы на птицах, но только с иной мотивацией, также представлен в русской сказке «Как лиса училась летать» [Русские народные сказки, 1981. С. 82].

Вторая сюжетная линия повествования связана с волками и имеет смысловые соответствия с уже упомянутой сказкой «О лисе и двух волках». Заметим, что мотивационная направленность действий у волков также совершенно иная. Лисица, сброшенная птицами, все же выбирается из моря и взбирается на скалу. Там она встречает марала и обманом лишает его жизни, питается его мясом. В процессе ее трапезы к лисице подбегает десять волков. Они отнимают мясо и начинают его поедать. В это же время лисица показывает им свой хвост, на который намерзли льдинки. Она, гипнотизируя волков, играет сосульками, позванивая ими, как погремушками. Волки очарованы этим зрелищем и выражают желание заполучить подобные игрушки. Тем самым они втягиваются в авантюру – вместе с лисицей идут к проруби и намертво замораживают свои хвосты. В результате лишаются их и почти все гибнут. Затем лисице встречается другая стая волков. Она подговаривает их сделать подкоп и пробраться в подполье дома русских хозяев, чтобы поживиться там многочисленными съестными припасами. План срabатывает. Помимо еды волки обнаруживают вино, напиваются и начинают петь. Лисица же тем временем ретируется и закрывает подкоп. Услышав вой хищников, хозяева их обнаруживают и убивают. Следует добавить, что среди хакасских сказок встречаются отдельные короткие сказки только с этим сюжетом. При этом в них фигурирует один волк и лисица [Тас чүрек, 1969. С. 34; Хакасские народные сказки, 2014. С. 61–63].

Третья сюжетная линия рассматриваемой сказки имеет отношение к взаимодействию лисицы и перепелки, причем ведущую роль здесь играет уже птица, помогающая лисице раздобыть пищу. Выступая в качестве напарника, она обманным путем забирает ее у нищего. Затем перепелка развлекает лисицу тем, что провоцирует глупого старика преследовать ее

¹ Обратим внимание на то, что в русских сказках встречаются различные варианты имени: Котофей Иванович, Котай Иванович и Котанайла Иванович [Народные русские сказки..., 1984. С. 51–55].

² В других вариантах журавли или перепелка.

с топором. В результате тот сначала убивает свою корову, а затем едва не убивает старуху. Это кроважидное представление доставляет удовольствие лисице. Перепелка, втершись в доверие к хищнице путем потакания ее прихотям, предлагает показать нечто ужасное. Та соглашается. Птица ведет лисицу в улус, где ее избивают и лишают хвоста. В финале лисица все же мстит перепелке – обманом ловит и съедает ее. Отметим, что в иных вариантах, изданных в виде отдельных сказок, представлена другая концовка. В ней перепелка все же обыгрывает лисицу, а охотники убивают хищницу [Унгвицкая, Майногашева, 1972. С. 218–219; Хакаские народные сказки, 2014. С. 65–69].

В сказке «Хитрая лисичка» [Майтакова, 2001. С. 31] лисица характеризуется как типичный трикстер. Посредством своих уловок и интриг она ворует у людей масло и обвиняет в этом неблаговидном поступке теленка. Волка же использует в качестве свидетеля. Подлая деятельность лисицы приводит к гибели теленка.

Представление о лисице как о хитроумной воровке и увертливом звере обнаруживается в сказке «Лисичка и журавлик» [Хакаские народные сказки, 2014. С. 63]. В ней повествуется о совместном проживании названных персонажей в одной пещере. Еду добывают также вдвоем в ближайшем селении. Лисица таскает ягнят, а журавль – зерно. Однажды зимой по свежим следам их все же выслеживают люди и начинают раскапывать пещеру, чтобы достать их оттуда. В этот момент лисица предлагает журавлю лечь ближе ко входу и притвориться мертвым. Люди достают журавля и кладут его в сторону, а сами продолжают копать. Птица же тем временем с клекотом отбегаёт от пещеры и увлекает людей за собой, а затем улетает. Лисица, воспользовавшись ситуацией, выскакивает из пещеры и убегает. Люди остаются ни с чем.

подавляющее большинство сказок о лисице из выделенной нами пятой сюжетной группы (V) констатируют торжество ума, хитрости и изворотливости этого зверя. Изображается ее полное интеллектуальное превосходство над простодушным или глупостью остальных животных и даже человека. В этой связи справедливы слова В. П. Аникина о том, что «при всей незамысловатости сказка с психологической правдой передает в образе этих животных и черты людей, особенности их характеров, поведения» [1977. С. 29]. Соответствующий фольклорный образ лисицы не только получил отражение в типичных представлениях хакасов об этом звере, но и был запечатлен в их языке – в обыденной речи лексема «түлгү» и обозначает само животное, т. е. лисицу, и указывает на личные качества человека и его конкретные действия и поступки – «плутовка, хитрец, лстец» [Хакаско-русский словарь, 2006. С. 691]. В хакасском языке среди распространенных фразеологизмов, имеющих отношение к образу лисицы и употребляемых в определенных ситуациях в отношении отдельных людей, встречаются следующие: «сүмеліг түлгү» – ‘хитрая лисица’, «түлгү хылых» – ‘хитрый, лстивый (букв. лисий характер)’, «чой түлгү» – ‘лжец, обманщик (букв. лживая лисица)’ [Там же. С. 529; Боргоякова, 1996. С. 89, 126]. Обратим внимание на то, что и в русском языке образ этого зверька и его повадки имеют аналогичные устойчивые ассоциации: «лукавый, хитрый человек, пролаз, проныра, корыстный лстец». Выражение «лисой пройти» означает схитрить. Поговорка «лисье племя только лстит да манит» имеет соответствующую ее образу коннотацию [Толковый словарь..., 1881. С. 258–259]. Добавим, что в этимологическом словаре М. Фасмера встречаются слова «лисить» в значении ‘лстить’ и «лисоватый» – ‘хитрый, лукавый’ [1986. С. 500].

Известно, что обыкновенная лисица привлекает внимание не только яркой шкуркой рыжеватого цвета, но и своим пышным хвостом. В традиционных представлениях хакасов он стал одним из ключевых атрибутов лисьего образа, что нашло отражение в поговорке «түлгү – хайдар, хузуруғы – андар» – ‘куда лиса, туда и хвост’ [Хакаско-русский словарь, 2006. С. 691]. Более того, в представлениях хакасов средоточием ума и хитрости у лисицы считается именно ее хвост. Данная мысль получила воплощение в выражении «хузурух толгирға», одним из ключевых смыслов которого является ‘хитрить, лукавить (букв. хвост крутить)’ [Боргоякова, 1996. С. 113]. Справедливости ради заметим, что ассоциации с хвостом могут

быть применимы не только в отношении лисиц, но и других животных. В этой связи вызывают интерес следующие выражения: «хузурух сөзіріне кірірге» – ‘подойти на близкое расстояние (букв. войти в место, где волочится хвост)’; «хузурухты кире тартынарға» – ‘становиться более осторожным, осмотрительным (букв. хвост поджать)’; «хузурухха мўнерге» – ‘набиваться в друзья (букв. на хвост верхом садиться)’; «хузурухха одырыбазарға» – ‘догнать (букв. сесть на хвост)’ [Боргоякова, 1996. С. 89, 113–114].

Хвост как неотъемлемый элемент образа лисицы обнаруживается и в русских фразеологизмах: «лиса все хвостом прикроет», «каждая лиса свой хвост береги», «всякая лиса свой хвост хвалит», «у лисицы хвост долог, а на свой не сядет», «лиса своего хвоста не замазает», «волчий зуб и лисий хвост, силою и хитростью» [Толковый словарь..., 1881. С. 258–259].

Обращает на себя внимание семантическое тождество некоторых поговорок, встречаемых у хакасов и русских, в отношении пищевых пристрастий лисицы. Так, среди хакасов распространено выражение «тўлгў тузінде дее танах кўрче» – ‘лиса и во сне видит кур’ [Хакасско-русский словарь, 2006. С. 691]. В русской речи встречаются аналогичные поговорки: «лиса и во сне кур считает», «лиса спит, а во сне кур считает (видит, щиплет)» [Толковый словарь..., 1881. С. 258].

Приведенный материал может свидетельствовать о том, что образ лисицы, воплощающий в себе качества трикстера, такие как хитрость, обман, двуличие, ловкость, трюкачество и пр., формировался у хакасов на собственной основе, но под большим влиянием русской фольклорной традиции.

Заключение

Изложенный материал позволяет сделать вывод о том, что в фольклоре хакасов образ лисицы был очень популярным и широко распространенным. Он имел полисемантические черты, что выразилось в богатстве и своеобразии тематического репертуара, связанного с ним. Повествования о лисице по своему содержанию типологически близки ко многим образам мирового фольклора. При этом общность сюжетов не всегда означает факт их заимствования. В устном народном творчестве хакасов «лисьи» сюжеты достаточно уверенно выделяются в пять отдельных групп. Произведения, отнесенные к группам I–IV, формировались на основе собственных мифологических воззрений и в рамках этнической традиции. Они возникли в результате непосредственных наблюдений за жизнью и повадками лисиц. В них нашли отражение жизненный опыт народа, его наблюдательность, представление об окружающей природе и стремление к познанию мира. Во многом они имеют этиологический характер, а также связаны с верой в магию и волшебство. Важно отметить, что в произведениях данного типа изображена непосредственная жизнь самих зверей. Повествования же, отнесенные к группе V, получили наибольшее развитие в условиях межкультурных контактов хакасского и русского населения. В результате этих процессов имели место заимствования и переработки образов и сюжетов. Возникла тенденция под видом животных изображать людей и их психологические черты, а также отображать социально-бытовой уклад общества. Интерпретация образа лисицы-трикстера, подчиняется определенной морально-этической норме, не всегда совпадающей с представлениями людей. В основе всех сюжетов данной группы лежит мотив добывания пищи, который осуществляется всевозможными способами и в итоге формирует соответствующий стереотип восприятия лисицы.

Список литературы

- Алтын Арыг. Хакасский героический эпос. М.: Наука, 1988. 592 с.
Аникин В. П. Русская народная сказка. М.: Просвещение, 1977. 208 с.
Арап и змея // Золотая чаша. Хакасские народные сказки и предания. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1975. С. 81–84.
Боргоякова Т. Г. Краткий хакасско-русский фразеологический словарь: Учеб. пособие. Абакан: Изд-во ХГУ, 1996. 144 с.

- Бутанаев В. Я.** Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: Хакасия, 1999. 240 с.
- Катанов Н. Ф.** Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. В. Радловым). СПб.: [б. и.], 1907. Т. 9. 640 с.
- Катанов Н. Ф., Роганович И. П.** К вопросу о сходстве восточно-тюркских сказок со славянскими. Казань: Типо-литография Имп. ун-та, 1897. 16 с.
- Кузнецова А. А.** Шесть сказок минусинских татар // Изв. Восточно-Сибирского отдела Императорского географического общества. 1892. Т. 23, № 4–5. С. 36–45.
- Мифы и легенды хакасов. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2006. 210 с.
- Народные русские сказки А. Н. Афанасьева М.: Наука, 1984. 512 с. (Литературные памятники. Т. 1)
- Неклюдов С. Ю.** Оборотничество // Мифы народов мира. М.: Сов. энциклопедия, 1988. Т. 2. С. 234–235.
- Несказочная проза хакасов. Новосибирск: Наука, 2016. 540 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 34)
- Попов Н. А.** Поверья и некоторые обычаи качинских татар // Изв. Императорского географического общества. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1884. Т. 20, вып. 6. С. 645–659.
- Радлов В. В.** Из Сибири. М.: Вост. лит., 1989. 750 с.
- Русские народные сказки. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1981. 208 с.
- Толковый словарь живого великорусского русского языка Владимира Даля. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1881. Т. 2: И–О. 807 с.
- Унгвицкая М. А., Майногашева В. Е.** Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан: Хакас. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1972. 312 с.
- Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986. Т. 2: Е–Муж. 672 с.
- Хакасские народные сказки. Новосибирск: Омега принт, 2014. 769 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 33)
- Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
- Хан-Тонис на темно-сивом коне. Богатырское сказание М. Р. Баинова. Новосибирск: Новосибир. кн. изд-во, 2007. 384 с.
- Ай Мічїкнің і Кўн Мічїк // Ай Мичик и Кюн Мичик. Богатырские сказания. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1993. С. 4–62. (на хак. яз.)
- Алыптыг нымыхтар. Абакан: Хак. обл. изд-во, 1951. 320 с. (на хак. яз.)
- Кильчицаков М. Е.** Пили ала хара чабагалыг Пил Тарааннаар // Хакасский фольклор. Абакан: Хакоблнаиздат, 1946. С. 73–102. (на хак. яз.)
- Курбижекова А. В.** Сибен Арыг (героическое сказание). Абакан: Хак. кн. изд-во, 2011. 324 с. (на хак. яз.)
- Майтакова А.** Айдас аңчы. Кип-чоохтар паза нымахтар. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2001. 32 с. (на хак. яз.)
- Пайнаң чылан (Богач и змея) // Хакас чоңың нымахтары (Хакасские народные сказки). Абакан: Хак. кн. изд-во, 1956. С. 113–115. (на хак. яз.)
- Тас чўрек (Каменное сердце. Хакасские народные сказки). Абакан: Хак. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1969. 44 с. (на хак. яз.)
- Хакас чоңының нымахтары. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1956. 156 с. (на хак. яз.)
- Хара Хусхун. Алыптыг нымах. Абакан: Хак. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1977. 196 с. (на хак. яз.)

References

- Ai Michiknin i Kyun Michik. Ai Michik i Kyun Michik. Bogatyrskie skazaniya [Ai Michik and Kyun Michik a Heroic Legend]. Abakan, Khakass Book Publ., 1993, p. 4–62. (in Khakass)

- Altyn Aryg. Khakasskii geroicheskii epos [Altyn Aryg. A Heroic Legend]. Moscow, Nauka, 1988, 592 p. (in Khakass and in Russ.)
- Alyptyg nymykhtar [A Heroic Legend]. Abakan, Khakass Book Publ., 1951, 320 p. (in Khakass)
- Anikin V. P.** Russkaya narodnaya skazka [Russian folk tale]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1977, 208 p. (in Russ.)
- Arap i zmeya [Arap and the snake]. Zolotaya chasha. Khakasskie narodnye skazki i predaniya [Golden bowl. Khakass folk tales and legends]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Book Publ. House, 1975, p. 81–84. (in Russ.)
- Borgoiakova T. G.** Kratkii khakassko-russkii frazeologicheskii slovar' [Short Khakass-Russian phraseological dictionary]. Textbook. Abakan, Khakass State Uni. Publ., 1996, 144 p. (in Russ.)
- Butanaev V. Ya.** Khakassko-russkii istoriko-etnograficheskii slovar' [Khakass-Russian Historical and Ethnographic Dictionary]. Abakan, Khakasiya Publ., 1999, 240 p. (in Khakass and in Russ.)
- Fasmer M.** Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka T. 2. (E–Muzh) [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Progress Publ., 1986, vol. 2: E–Muzh, 672 p. (in Russ.)
- Katanov N. F.** Narechiya uryankhaitsev (soiotov), abakanskikh tatar i karagasov: (Obraztsy narodnoi literatury tyurkskikh plemen, izdannye V. V. Radlovym) [Adverbs of Uriyanghai (Soyots), Abakan Tatars and Karagas: (Samples of folk literature of Turkic tribes, published by V. V. Radlov)]. St. Petersburg, 1907, vol. 9, 640 p. (in Russ.)
- Katanov N. F., Roganovich I. P.** K voprosu o skhodstve Vostochno-tiurkskikh skazok so slavianskimi [On the issue of similarity of East Turkic tales with Slavic]. Kazan, Typographic lithography of the Imperial Uni. Publ., 1897, 16 p. (in Russ.)
- Khakas chonynyn nymakhtary [Khakass folk tales]. Abakan, Khakass Book Publ., 1956, 156 p. (in Khakass)
- Khakasskie narodnye skazki [Khakass folk tales]. Novosibirsk, Omega print Publ., 2014, 769 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East, vol. 33) (in Khakass and in Russ.)
- Khakassko-russkii slovar' [Khakass-Russian Dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p. (in Khakass and in Russ.)
- Khan-Tonis na temno-sivom kone. Bogatyrskoe skazanie M. R. Bainova [Khan-Tonis on a dark gray horse. The heroic legend of M. R. Bainov]. Novosibirsk, Novosibirsk. Book Publ. House, 2007, 384 p. (in Khakass and in Russ.)
- Khara Khuskhun. Alyptyg nymakh [Khara Khuskhun. The heroic legend]. Abakan, Khakass branch of the Krasnoyarsk Book Publ. House, 1977, 196 p. (in Khakass)
- Kilchichakov M. E.** Pili ala khara chabagalyg Pil Taraannaar [Bogatyran Taran riding a foal with a dark-motley back]. Khakasskii fol'klor [Khakass folklore]. Abakan, Khakass Book Publ. House, 1946, p. 73–102. (in Khakass)
- Kurbizhekova A. V.** Siben Aryg (geroicheskoe skazanie) [Siben Aryg. A Heroic Legend]. Abakan, Khakass Book Publ. House, 2011, 324 p. (in Khakass)
- Kuznetsova A. A.** Shest' skazok minusinskikh tatar [Six tales of Minusinsk Tatars]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [News of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society], 1892, vol. 23, no. 4–5, p. 36–45. (in Russ.)
- Maitakova A.** Aidas anchy. Kip-chookhtar paza nymakhtar [Aidas the hunter. Legends and fairy tales]. Abakan, Khakass Book Publ. House, 2001, 32 p. (in Khakass)
- Mify i legendy khakasov [Myths and legends of Khakass]. Abakan, Khakass Book Publ. House, 2006, 210 p. (in Russ.)
- Narodnye russkie skazki A. N. Afanasieva [Folk Russian Tales by A. N. Afanasyev]. Moscow, Nauka, 1984, 512 p. (Literary Monuments, vol. 1) (in Russ.)

- Nekliudov S. Yu.** Oborotnichestvo [Shape-shifting]. In: Mify narodov mira [Myths of the World]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1988, vol. 2, p. 234–235. (in Russ.)
- Neskazochnaya proza khakasov [Ineffable prose of the Khakases]. Novosibirsk, Nauka, 2016, 540 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East, vol. 34) (in Khakass and in Russ.)
- Painan chylan (Bogach i zmeya) [The rich man and the snake]. In: Khakas chonyn nymakhtary [Khakass folk tales]. Abakan, Khakass Book Publ. House, 1956, p. 113–115. (in Khakass)
- Popov N. A.** Pover'ya i nekotorye obychai kachinskikh tatar [Beliefs and some customs of Kachin Tatars]. *Izvestiya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [News of the Imperial Russian Geographical Society]. St. Petersburg, A. S. Suvorin's Typography Publ., 1884, vol. 20, no. 6, p. 645–659. (in Russ.)
- Radlov V. V.** Iz Sibiri [From Siberia]. Moscow, Eastern literature Publ., 1989, 750 p. (in Russ.)
- Russkie narodnye skazki [Russian folk tales]. Murmansk, Murmansk Book Publ. House, 1981, 208 p. (in Russ.)
- Tas chyurek (Kamennoe serdtse. Khakasskie narodnye skazki) [Heart of stone. Khakass folk tales]. Abakan, Khakass branch of the Krasnoyarsk Book Publ. House, 1969, 44 p. (in Khakass)
- Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka Vladimira Dalya [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dahl]. St. Petersburg; Moscow, M. O. Vol'f Publ., 1881, vol. 2: I–O, 807 p. (in Russ.)
- Ungvitskaya M. A., Mainogasheva V. E.** Khakasskoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo [Khakass folk poetry]. Abakan, Khakass branch of the Krasnoyarsk book Publ., 1972, 312 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
01.04.2020

Сведения об авторе

Бурнаков Венарий Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
venariy@ngs.ru

Information about the Author

Venariy A. Burnakov, PhD in History, Senior Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
venariy@ngs.ru

УДК 391/393 (571.5)
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-167-182

Культ писарей у предбайкальских бурят

С. Б. Миягашева

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия*

Аннотация

Изучается специфический культ писарей, входящий в ритуально-обрядовый комплекс предбайкальских бурят и связанный с почитанием административной власти и управленческих структур. В научный оборот водятся архивные материалы из фонда Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. Определено, что новые виды социальной организации у бурят, сложившиеся в процессе присоединения Сибири к Российскому государству в XVII–XVIII вв., нашли отражение в религиозно-мифологических представлениях, в частности в сакральной картине о потустороннем мире, в представлениях о загробном суде и верованиях о грозных карателях в лице восточных небожителей. Выявлено, что многие аспекты архаичных шаманистических представлений о душе и ее загробной жизни были гармонично инкорпорированы в воззрения о сложном бюрократическом устройстве подземного мира, основанные на реалиях тогдашней административной системы.

Ключевые слова

Предбайкалье, буряты, архив С. П. Балдаева, шаманизм, степные думы, представления о мире мертвых, Эрлэн хан

Для цитирования

Миягашева С. Б. Культ писарей у предбайкальских бурят // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография. С. 167–182. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-167-182

The Cult of the Scribes of the Pre-Baikal Buryats

S. B. Miyagasheva

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
Ulan-Ude, Russian Federation*

Abstract

Purpose. As a result of joining the Russian Empire, the Buryats formed certain beliefs and cults associated with the administrative service and organically associated with the worldview of Buryat shamanism, which became the basis for the emergence of specific ritual activities. In this case, of particular interest is the cult of mythological scribe-servants of the Lord of the underworld Erlen Khan. This cult had a wide practical application among the Pre-Baikal Buryats until the 20th Century.

Results. It is determined that the new types of social organization among the Buryats, formed in the process of Siberia's accession to the Russian state in the 17th–18th centuries, are reflected in religious and mythological ideas, in particular in the sacred concept of the other world, ideas about the afterlife and beliefs about the terrible punishers in the face of the Eastern gods. It is revealed that many aspects of archaic shamanistic ideas about the soul and its afterlife were harmoniously incorporated into the views of the complex bureaucratic structure of the underworld.

Conclusion. The formation and development of the administrative service in connection with the entry of the Buryats into the Russian state led to the sacralization of the rank, and rank served as the basis for the formation of new religious and mythological aspects in the spiritual culture of the Buryats. Such ideological aspects related to the historical realities of ethnic and cultural development of the Buryats are specific motives in the mythology of the population of the Pre-Baikal region which allows examine the development and formation of traditional beliefs.

© С. Б. Миягашева, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography

Keywords

Pre-Baykal region, Buryats, archives of S. P. Baldaev, shamanism, steppe дума, ideas about the world of the dead, Erlen Khan

For citation

Miyagasheva S. B. The Cult of the Scribes of the Pre-Baikal Buryats. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 167–182. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-167-182

Введение

Бурятский шаманизм и его культово-обрядовая практика насыщены образами и ритуальными символами, которые передают мифологические архетипы и традиционные воззрения народа. Тем не менее шаманским обрядам присуща динамика развития в зависимости от трансформации мифологии и фольклора, адаптируемых к особенностям времени. В данном случае интерес представляют воззрения западных бурят на мир мертвых и идею загробного суда как составляющих элементов архаичного сознания; в то же время они весьма противоречивы и разнообразны, что вызвано разновременными и стадийными наслоениями.

В этой связи становится актуальным изучение феномена сакрализации власти в мифологии мира мертвых у предбайкальских бурят, подразумевавшей почитание административных должностей (государственных служащих, чиновников и представителей родовой власти), появление которых связано с историческими событиями XVII–XVIII вв., т. е. времени вхождения Сибири в состав Российской империи. В результате подобных трансформаций социально-нормативные мотивации бурятского права нашли отражение в мифологических воззрениях о потустороннем мире во главе с Эрлэн ханом¹, где, аналогично системе управления государством, он управляет подземным миром с помощью огромной канцелярии, в которую входят многочисленные министры, писари, агенты, доносчики, гонцы, служащие, управляющие разного рода делами.

О новизне данной темы можно судить по тому, что подобные специфические особенности традиционных представлений западных бурят удавалось зафиксировать крайне редко и отрывочно. Например, в отчетах этнографических экспедиций по Иркутской области Т. М. Михайлова, ученого, посвятившего себя исследованию шаманизма западных бурят, отмечено, что ему удалось лишь вкратце записать некоторые сведения о культе писарей (бур. *бэшээшэд / бэшээшэнгууд*²) и обрядах в их честь, называемых «бэшээшэнгуудтэ / бэшээшэдтэ / бэшээшэдэ». Он писал: «На мой вопрос: буряты раньше не учились, не имели письменности, а как же и почему устраивали молебствия *бэшээшэдтэ?* – старики, с которыми беседовали, ответили, что черный люд действительно не имел грамоты, не учился, но зато у богов и духов имелась якобы грамота... *Задача исследователя – выяснить*»³.

Тот факт, что сведения о культах, связанных с поклонением представителям подземного мира, известны не многим, отмечал и С. П. Балдаев. Он подчеркивал, что обряды почитания высшей власти в лице Эрлэн хана и его штата помощников – восточных «хатов», долгое время оставались не зафиксированным, и многие его элементы забыты: «Одна область бурятского шаманства почти не разработана, даже нет о нем данных у М. Н. Хангалова»⁴.

В связи с указанными обстоятельствами целью данного исследования является детальная характеристика ритуально-обрядового комплекса, связанного с сакрализацией государственной власти в лице писарей степных контор и дум. Для ее достижения поставлены задачи

¹ Эрлэн хан (Эрлик-хан, Эрлик номын-хан, Тольто-хан) – глава восточных «хатов», владыка загробного мира, судья мертвых [Михайлов, 1980. С. 168; Галданова, 1987. С. 62].

² Бэшээшэд / бэшээшэнгууд – писари (с бур. языка во мн. ч.).

³ ЦВРК ИМБТ СО РАН. № 2388. Л. 58–59.

⁴ Там же. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1064. Л. 19.

в виде установления семантики их мифического образа, выяснения роли и значения такого культа в поведенческой, коммуникативной и ценностных системах правового общества западных бурят.

База источников

Обширные сведения по шаманизму предбайкальских бурят представлены в трудах бурятских ученых И. А. Манжигеева [1978], М. Н. Хангалова [2004], С. П. Балдаева [2012] и др. Символы и атрибуты обрядового комплекса почитания государственной и административной власти рассматривались в трудах С. Г. Жамбаловой [2000], Д. В. Цыбикдоржиева [2003], Л. С. Дампиловой [2005], С. Б. Болхосоева [2016]. Однако основой содержательной базы для раскрытия темы нашего исследования стали личные архивные фонды Сергея Петровича Балдаева, хранящиеся в Центре восточных рукописей Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ). Они содержат большой объем полевых этнографических и фольклорных материалов, отражающих суть религиозных представлений и разнообразие обрядовой практики бурят [Шагланова, 2009. С. 8]. Именно из его записей стали известны тексты шаманских призываний у западных бурят, описания и комментарии к ритуальным обрядам, которые позволяют выявить и изучить целый пласт уникального мифологического пространства и обрядовой традиции, связанных с мотивами почитания власти и государства. В настоящей работе используются и вводятся в научный оборот ранее не опубликованные архивные материалы по фольклору и шаманизму предбайкальских бурят, собранные этим исследователем в Иркутской области в 1930–1950 гг.

Мифологические писари

Известно, что у бурят во многих случаях умершие вожди и старейшины даже после смерти внушали живым чувства страха и покорности. Они требовали к себе постоянного внимания и заботы со стороны живых, у них выпрашивали не только здоровья, плодородия и благополучия, но и покровительства в административной сфере, образовании, военной службе, карьерном росте [Болхосоев, 2016. С. 194]. Ритуальный обряд, посвященный им, назывался «Эрлэн ханай бэшээшэнуудтэ» или «бэшээшэдэ» (досл. «обряды в честь писарей Эрлэн хана»); он проводился бурятами вплоть до конца XIX в. по случаю поступления детей в школу, при вступлении на государственную административную или военную службу [Манжигеев, 1978. С. 35, 104]. Культ писарей входил в сферу почитания восточных («холодных», злых) духов «зүүни хат», символические образы которых непосредственно связаны с потусторонним миром, и являлся вариацией культа родоначальников и вождей-предводителей.

В мифоритуальной картине мира бурят восточные духи имеют неоднозначную характеристику – они насылают стихийные бедствия, болезни [Дампилова, 2005. С. 70] и в то же время представляют собой сонм грозных сакральных судей, решающих участь душ, отмеряющих им меру наказания по их деяниям и заслугам, следящих за порядком и надлежащим исполнением должностных обязанностей, за правосудием, за соблюдением слов клятвы и присяги. В этих действиях важную роль играли писари «бэшээшэны» царства Эрлэн хана, которые, по легенде, ведали всеми, так как описали весь мир – все небо со звездами, землю со всеми растениями и животными и всех людей на земле, ведя им строгий учет [Хангалов, 2004. С. 259].

Всеобъемлющая власть Эрлэн (Эрлик) хана ярко отражена в мифологии и у иноэтничных соседей бурят – тюрков Южной Сибири, у которых все живое, обитающее в земле, под землей, в воде, считалось принадлежностью Нижнего мира [Традиционное мировоззрение..., 1988. С. 5]. Эрлик хан считался у них владыкой всех существ, так как именно он наделил душой человека, вдохнув ее в тело [Потапов, 1983. С. 105]; его почитали как отца и патрона [Бурнаков, 2011. С. 108]. Несмотря на то что у бурят Эрлэн хан не был известен в роли дарителя души [Галданова, 1987. С. 62], смысл многих мотивов, связанных с идеями о потусто-

роннем мире, указывают на подобные аспекты. Так, в представлениях предбайкальских бурят он распоряжался душами всех существ – не только умерших, ожидавших судного дня, но и душами живых людей, которые по приказу Эрлэн хана могли быть похищены верными слугами-послами «элшинами» и доставлены в его ведомство, в результате чего человек заболел и скоропостижно умирал [Хангалов, 2004. С. 374].

Для управления многочисленными делами живых и мертвых в подземном мире у Эрлэн хана имелись три основных писаря. У них были четко определены служебные функции и сферы влияния. Главный писарь Шантан Шара бэшээшэ⁵ управлял всеми делами подземного мира, Ухэрши Хара бэшээшэ ведал делами умерших, Сэлгэндэй тургэн бэшээшэ отвечал за ведение дел живых. Наряду с ними в легендах всегда упоминался кучер Хужи бухэ / Хужи бохо хужир занзу, прислуживающий главным писарям и считавшийся чиновником для особых поручений⁶.

В шаманских призываниях обращение к писарям владыки подземного мира производилось по строгой иерархии. Первым обязательно упоминался «писарь правой руки» («баруун гари бэшээшэ»), или «первый писарь Эрлэн хана» («Эрлэн ханай туруулэгшэ бэшээшэ») Шантан шара / Шандаблиин шара бэшээшэ (досл. Желтый / рыжий писарь Шантан). Он разъезжал на лошади желто-чубарой масти⁷. Его супругой была Шарагши хатан.

Шантан Шара бэшээшэ управлял всеми делами подземного мира, а также считался начальником разведки и шпионажа [Манжигеев, 1978. С. 55]. Он представлял собой одну из ключевых фигур в обрядовых ритуалах почитания административной власти, поэтому все должностные лица степных дум, инородных управ и родовые старосты Иркутской губернии при вступлении в должность были обязаны устраивать ему кровавое жертвоприношение в виде барана; использовалась также молочная водка. Для проведения церемониала обязательно приглашался знающий, опытный шаман, который призывал:

Старший писарь конторы Мухарской!⁸
 Повеления большие царя смотря и держа, выполняете,
 Распоряжения большие хозяина, стараясь со всех сил, исполняете,
 Хозяин желто-чубарой лошади, Шантан шара писарь!
 Разъезжающими в разные стороны сорока рассыльными ведающий,
 Отъезжающими в четыре стороны четырьмя послами распоряжающийся!
 От хозяина просим спасения, от царя ожидаем милости!
 В местах, где охватывает ужас, будьте душой,
 В местах, где охватывает смущенье, будьте лицом!
 Где нужно бороться, будьте опорой,
 Где нужно схватываться, будьте подвязкой!
 В головах прибавьте мысли, на устах дайте соображение!
 Просим в черноголовые тела не напускать болезней,
 Молим не делать вреда широкохвостным овцам!
 Соок!

(пер. с бурятского языка С. П. Балдаева. – С. М.)⁹.

В приведенном отрывке шаманского призывания Шантан шара предстает ставленником царя, следящим за порядком и управляющим государственными делами. Несмотря на то, что он относился к сонму восточных представителей, к нему обращаются с просьбой оказать помощь и поддержать в трудной ситуации, покровительствовать людям и животным.

Интерес представляют рыжая масть коня и эпитет в самом имени первого писаря, так как у тюрок Южной Сибири сам Эрлэн (Эрлик) хан считался покровителем рыжих (красных) лошадей, и ему посвящали *ызыха* этой масти [Катанов, 1893. С. 29]. Вероятно, образ рыжего

⁵ Бэшээшэ – писарь (с бур. языка в ед. ч.)

⁶ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1048/1. Л. 11–12.

⁷ Там же. Л. 12.

⁸ Мухар – название местности в 1-м Тотском улусе, где была основана Верхоленская степная контора [Балдаев, 2012. С. 279].

⁹ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1211. Л. 7–8.

писаря отражал архаические мотивы, связанные с образом самого повелителя мира мертвых как родового духа-покровителя, уже в последующем перенявшего символизацию в аспекте представителя «темных», «злых» восточных духов, которые, как известно, требовали кровавых подношений животными черной масти [Манжигеев, 1978. С. 104]. Изначально Эрлэн (Эрлик) хан воспринимался в качестве одного из главных и активных божеств-демиургов, и впоследствии этот образ трансформировался в повелителя злых сил с соответствующими признаками [Бурнаков, 2011. С. 113].

В целом неоднозначным являлся образ многих представителей подземного мира. Например, в следующем варианте записей С. П. Балдаева писарь Шантан олицетворялся в образе одного из «черных всадников» («хара моритон») из пантеона восточных духов, внушающих ужас и страх, вселяющих болезни и напасти:

Черные всадники с серебряными повозками,
Писарь правой руки!
Колодец ваш темная яма ¹⁰.
Несущие болезни,
Бурханы с черной смоляной удачей! Соог! ¹¹

Главной атрибуцией «черных всадников» выступала темнота – по поверьям бурят, они как представители восточных «хатов» разъезжали по свету в черных повозках, запряженных воронными конями, развозили заразные болезни и несчастья [Манжигеев, 1978. С. 55]. В мифологических представлениях предбайкальских бурят «черные всадники» являлись верными слугами Эрлэн хана и олицетворялись в виде грозных духов и божеств. Произносить их имена избегали, так как в случае оглашения они могли мгновенно появиться на этом месте и в случае напрасного нарушения их покоя подвергнуть виновника наказанию [Дампилова, 2005. С. 146].

Результатом внутриареальной вариативности мифов бурят является также версия призывания у эхирит-булагатских бурят, где писарь Шантан Шара предстает супругом дочери Буха ноена Эрхэ Суйбэн / Эрхэ Субэн:

Сын ханский, зять небожителей,
С дочерью Буха ноена Эрхэ Суйбэн
Прислонили две головы, стали супругами.
Десять белых пальцев твоих поистрепались от пера,
Пестрые черные глаза оскудели от бумаги,
Писарь Шантан шара! ¹²

Однако в бурятских легендах относительно персоны зятя Буха ноена существует несколько вариантов: помимо Шантан шара, мужем Эрхэ Суйбэн значился заведующий собраниями простолюдинов Эрю Хара хубуун ¹³, или сын самого Эрлэн хана. У балаганских и аларских бурят существовала легенда, согласно которой к Эрхэ Суйбэн одновременно начали свататься двое – Сом сагаан ноен и Хан Шаргай ноен. Однако Сом сагаан обманом выкрал ее и увез на остров Ольхон, где выдал замуж за сына Эрлэн хана Сэлмэндэя [Манжигеев, 1978. С. 55] / Шилдэбэ хубуна; по версии балаганских бурят, – Мина-Хара [Хангалов, 2004. С. 372]. Рассвирепевший Шаргай ноен, победив Сом сагаана в схватке, жестоко его наказал, вырезав со щек и спины кожу на ремни и на подошву для унтов ¹⁴ [Там же. С. 150–151].

Впоследствии Сом сагаан ноен стал приближенным лицом Эрлэн хана и считался одним из деятельнейших восточных духов «заянов». По поручению Эрлэн хана и восточных тэнгриев он бывал у западных небожителей-хатов и духов воды («уһан-хатов») и в прочих мес-

¹⁰ Ямы «хур тама», колодцы, пещеры, провалы в земле, лисьи норы символизировали иное, нечеловеческое, потустороннее пространство и представлялись в качестве мест, через которые можно было приникнуть в потусторонний мир [Николаева, 2010. С. 280].

¹¹ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1250. Л. 8–9.

¹² Там же. Л. 4.

¹³ Там же. Д. 1048/1. Л. 11.

¹⁴ Подобная мера наказания виновного существовала у бурят в старину [Хангалов, 2004. С. 159].

тах и приносил от них ответы. Будучи представителем западных хатов, за свои частые перебежки от одних «тэнгриев» к другим он стал связующим звеном между враждующими лагерями западных и восточных небожителей [Хангалов, 2004. С. 373]. За свой авантюрный и непостоянный характер Сом сагаан заслужил прозвище «Бэдэк» от слова «бэхэ» – бегать, его также называют «будэг ноен, гуйдэг ноен», что подчеркивает амбивалентный образ персонажа [Дампилова, 2008. С. 102].

По легенде, Сом сагаан ноен как посол-медиатор разъезжает на телеге, которая без коня летает по воздуху, либо может прилетать в виде белого и черного ворона [Дампилова, 2005. С. 94]. Он ведает особой канцелярией в царстве Эрлэн хана. Предбайкальские буряты считают, что Сом сагаан разбирает тяжбы живых людей, поэтому перед судебным слушанием ему приносят жертвы [Хангалов, 2004. С. 373–374]. Вероятно, Сом сагаан, имеющий образ ловкого и увертливого трикстера, умеющего договариваться и убеждать¹⁵, находить компромисс между западными и восточными небожителями, готов ко всему, чтобы настоять на своей правоте, даже если цена тому – нарушение закона и небесных правил [Дампилова, 2005. С. 131]; он мог оказать сакральную помощь подсудимому, возможно, наделив его красноречием и твердостью слов оправдания. Подобный образ близок к персонажу летучей мыши, которая, как повествует хакасский миф, успешно доказала свою правоту верховному божеству Кудаяу. Поэтому, отправляясь на суд, хакасы зашивали ее под воротник [Бутанаев, 2004].

В целом выявленное смешение образов супруга Эрхэ Суйбэн / Субэн характерно для фольклорно-мифологической и культовой традиции бурят. Прослеживается статусный характер героев, так или иначе связанный с персонажами сакрального правосудия и с восточными небожителями.

Вторым писарем «ехэ бэшээшэ» Эрлэн хана считался Ухэр / Ухэрши хара (досл. «черный бык»), являвшийся хранителем врат в подземный мир «ухэли уудэн» [Манжигеев, 1978. С. 82]. Слова из шаманского призывания в его отношении звучат следующим образом:

Стоящий у дверей смерти Ухэр хара бэшээшэ!
Море Мөр, ледяная дорога,
Животом уподобились быку, глазами лисице!
Дела хороших людей подправляли, указывали,
Дела плохих людей убирали подальше!
Десять ваших пальцев высохли от пера,
Пестрые красивые глаза потускнели от бумаги!
Колодец яма преисподняя ваша,
Книги ваши, как ад, уносят здоровье,
Насылающие болезни, черные как смоль!¹⁶

В мифологии бурят через ворота смерти «ухэли уудэн» проходят души всех смертных после суда над ними, и с этого момента они больше не имеют права и возможности вернуться к земному бытию [Манжигеев, 1978. С. 82].

Образ хранителя дверей смерти Ухэр хара является весьма вариативным и может быть связан с Буха ноеном, который, по легендам балаганских бурят, прежде являлся чиновником, приближенным к Эрлэн хану, – писарем по имени Эльбитэ хара ноен¹⁷ (букв. «Владеющий магической / колдовской силой Черный господин») [Хангалов, 2004. С. 347]. У нукутских бурят он был известен как Ухэр хара тэнгри [Павлов, 2007. С. 12]. В шаманских текстах, записанных С. П. Балдаевым, Эльбитэ хара ноен именуется как Эрбэт хара бэшээшэ¹⁸.

¹⁵ Например, в случае, когда Сом сагаан сладкими речами смог уговорить дочь Буха ноена выйти замуж за сына Эрлэн хана.

¹⁶ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1250. Л. 5.

¹⁷ У балаганских бурят существует предание о Молонтойне, который жил до глубокой старости и не умирал; Эрлэн хан отправил к нему Эльбитэ хара ноена, принявшего облик темно-синего «пороза» и превратившегося в последующем в Буха ноена, перешедшего в пантеон западных хатов [Хангалов, 2004. С. 347–351].

¹⁸ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1250. Л. 9.

Он вел судебные-следственные дела доставленных в присутственное место посланцами «элшинами» людских душ, подлежащих суду и наказанию [Манжигеев, 1978. С. 104; Хангалов, 2004. С. 373].

Как следствие вариативности мифов, образ среднего писаря Ухэр хара можно связать с Ажирай бухэ, который в легендах имел голову быка [Нацов, 1995. С. 80]. Эхирицы называют Ажирай ухэри хубуун – сыном быка, что может быть связано с древним автохтонным центрально-азиатским культом этого животного [Цыбикдоржиев, 2003. С. 184]. В данном случае нельзя не отметить мотив двери / ворот из булагатских сказаний о Ажирай бухэ, по приказу Эрлэн хана открывшему ударом ноги Дверь смерти, запертую ранее богами для того, чтобы люди реже умирали и были долговечны [Хангалов, 2004. С. 259].

В шаманских обрядовых текстах прослеживается соединение реальных и фантастических событий, так как в исторических преданиях Ажирай бухэ являлся полководцем и вместе со своим сподвижником Харамцай-мэргэном был убит врагами. После смерти буряты возвели их обоих в ранг хатов – хозяев местности; на местах, где, по преданию, были убиты герои, приносили очистительные клятвы и присягу вплоть до XIX в.¹⁹ Вероятно, павший насильственной смертью Ажирай был включен в пантеон восточных духов и, наряду с образом хозяина р. Лены, главы черных всадников, хранителя местности, стал олицетворяться в качестве судьи и стража ворот в мир мертвых. По мнению ряда исследователей, отсылкой к его сакральному образу мог стать монгольский культ воителя Хара Ажирай, который являлся грозным и жестоким божеством, судьей мертвых, метко и беспощадно хватаящим души провинившихся людей [Окладников, 1976. С. 162; Цыбикдоржиев, 2003. С. 182–183; Дампилова, 2005. С. 151].

В текстах шаманских призываний предбайкальских бурят к образу среднего писаря относится еще один персонаж – Эрхэ мэргэн хубун. Его упоминание встречается во время проведения обряда главным шуленгам Верхоленской степной конторы Хойлонго Бойрдоеву и Барлаку Турунхаеву, где он упоминается как второй писарь после Шантан шара бэшээшэ. Слова обращения к нему полностью соответствуют приведенному выше обращению в честь Ухэр хара, за исключением зачина:

Сопка Хайрам – вечное упокоение,
Высокая скалистая гора – брызгание,
Эрхэн мэргэн хубун!
Гулхуудай зарин отец, Галхуудай шаманка мать!
Эрхэ мэргэн хубун!
(пер. с бурятского языка С. П. Балдаева. – С. М.)²⁰.

Как видно из отрывка, Эрхэ мэргэн хубун упоминается как потомственный шаман, что демонстрирует традицию включения родовых шаманов, именно черных, в пантеон восточных духов-заянов, в данном случае в канцелярию чиновников и министров Эрлэн хана; это является ярким примером культа шаманских предков.

Считалось, что шаманы мужского пола, востребованные небожителями, после смерти шли служить западным или восточным хатам, и в знак маркировки нового статуса у них на груди и спине вырезается печать. Мотив получения печати, как отмечала Л. С. Дампилова, связан с символом власти, как подтверждение наделения властью от небожителей. В данном случае прослеживается идентичная начальству функция, когда царская власть награждала высокопоставленных и отличившихся начальников кортиками и печатями [Дампилова, 2005. С. 95].

В целом многовалентный образ Ухэр хара бэшээшэ / Эльбитэ хара ноена / Эрбэт хара бэшээшэ / Эрхэ мэргэн хубуна отражал разностадиальные этапы культа писарей, проводивших

¹⁹ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1048/2. Л. 33.

²⁰ Там же. Д. 1211. Л. 8–9.

суды над душами умерших и отправлявших их за врата мира мертвых, так как содержит мифологические и исторические элементы.

Если прерогативой дел первых двух писарей – Шантан шара и Ухэр хара, являлись дела, связанные с определением участи душ умерших, то в обязанности младшего чиновника шта-та Эрлэн хана – Сэлгэндэй тургэн бэшээшэ (у балаганских бурят Сахит хан), входило ведение дел, касающихся живых людей и существ.

Сэлгэндэй тургэн бэшээшэ являлся третьим, младшим писарем «бага хара бэшээшэ». Согласно мифологическим воззрениям, его функцией было следить за людьми и докладывать об их поступках самому Эрлэн хану²¹. В частности, он следил за деятельностью шаманов, чиновников, административных служащих, которые при вступлении в должность или звание произносили текст клятвы. Считалось, что за лжеприсягу, плохую службу или ненадлежащее соблюдение клятвы человека могла постигнуть кара восточных духов. Младший писарь проводил общественные слушания, на которых духи судили живых людей, провинившихся родоначальников и шаманов.

Считалось, что слуги Эрлэн хана – «элшэны», крали души живых людей и помещали их в темницы, где они томились, пока восточные духи судили их в присутственных местах²². Если вина доказывалась и душа обвинялась в каких-либо провинностях, то ее помещали в 88 подземных темниц, где человек и умирал. Подобное случалось стремительно – потерявший душу человек мгновенно заболел, и взятой в плен слугами Эрлэн хана душе мог помочь только хороший шаман, который проводил обряды жертвоприношений и умилоствления. Чтобы освободить душу из темниц, шаман отправлялся в мир мертвых и, разузнав, за что и как была украдена душа, мог освободить ее и возратить в тело, в результате чего больной выздоравливал [Хангалов, 2004. С. 374]. Однако считалось, что Эрлэн хан может соизволить освободить похищенную душу не более чем на девять лет [Галданова, 1987. С. 62].

Интерес представляет легенда, в которой шаман спас украденную душу, заточенную в цепи, из темницы самого Эрлэн хана ценой собственной жизни, получив согласие у владыки оставить свою душу вместо души больного. По возвращении домой шаман послал помощников к спасенному пациенту за обещанной платой, но получил отказ, и вскоре умер. По жалобе души обманутого шамана, душа его пациента вновь была схвачена и заключена в цепи, что привело к его скорой кончине [Хангалов, 2004. С. 326]. Таким образом, наказание по заслугам было неминуемым, считалось, что даже если виновного оправдывали в мире живых, то в последующем его ожидала кара уже в мире мертвых [Там же. С. 160].

В целом следует отметить, что верой в силу сакрального правосудия, вершимого восточными небожителями и чиновниками Эрлэн хана, регулировались и мотивировались морально-этические нормы общества.

Структура мифологических судебно-следственных учреждений

В мифологии предбайкальских бурят представления о сакральном правосудии и разного рода судебно-следственных учреждениях в потустороннем мире, связанных с посмертным судом, являлись результатом отражения режимов управленческого аппарата. Так, в структуре подземного мира помимо девяти присутственных мест функционировало множество ведомств, секций, темниц и мест наказания, в которых души умерших отбывали свою участь. Приведем их краткий перечень и описание:

²¹ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1250. Л. 10.

²² Подобных сеймов, или собраний, где решалась судьба человеческой души, насчитывалось девять, и они назывались «еһон хурмэ». Собрание, на котором заседал сам Эрлэн хан, называлось «Эрлэн хани сулган» [Хангалов, 2004. С. 372]. В верованиях алтайцев и хакасов пространство Нижнего мира также делилось на 9 ярусов сфер и слов [Радлов, 1989. С. 361].

• 88 темниц, в которых томились человеческие души, обреченные на смерть; в них применялись адские приемы дознания и испытания человеческих душ [Манжигеев, 1978. С. 104]; темницами ведал «заян» по имени Хурмэн эжин или Хо Хара ноен, которому прислуживало множество писарей и чиновников [Хангалов, 2004. С. 374];

• большая темница «Хаалган», которой заведовал «Халган эжин» (досл. «хозяин Врат») по имени Хара эрэн хан; считалось, что в нее попадают только большие и черные шаманы и родоначальники, из этой темницы очень трудно освободить душу – можно лишь по ходатайству покойных предков шамана, если они имели доступ к этому «заяну» [Хангалов, 2004. С. 374];

• «Эрлэн тама» (ад Эрлэна хана) – большая тюрьма, находившаяся под контролем самого владыки подземного мира; в ней насчитывалось 99 темниц, которыми полноправно правил «заян» по имени Эрю хара ноен [Балдаев, 2012. С. 80]; считалось, что из этой темницы невозможно освободить душу человека, так как она не доступна шаманам, – в ней Эрлэн хани проводила «сулган», которым заведовал сам хозяин [Хангалов, 2004. С. 373–374]; в «Эрлэн тама» попадали души грешников (в том числе отступников от клятвы и присяги, умерших неестественной смертью), а также шаманов и служащих лиц, т. е. чиновников, старост, старейшин, тайшей [Галданова, 1987. С. 61].

Учитывая большое количество различных административных учреждений, помимо трех основных писарей Эрлэн хана, ведающих делами живых и мертвых, существовали и другие чиновники «бэшээшэд», исправно трудившиеся во благо сакрального правосудия. Так, у одного из деятельнейших слуг Эрлэн хана – Сом сагаан ноена, о котором упоминалось выше, имелась своя особая канцелярия, делами которой заведовал писарь Хан Шидрэ зарин – в его помощниках служил Убсу Саган бэшээшэ, часто прибывавший с докладами к Эрлэн хану по делам службы. Самыми приближенными к Сом саган ноену считались Уха Тоголдор Холдуев, при жизни бывший большим черным шаманом, и Хан хормо ноен. Все они вместе с Сом саган ноеном заседали в разных присутственных местах по поручению Эрлэн хана [Хангалов, 2004. С. 373].

В шаманских призываниях часто встречались сюжеты с персонажами, которые при жизни являлись потомственными черными шаманами «заринами». В связи с этим можно заключить, что некоторые деятели мифического царства Эрлэн хана являлись реальными историческими лицами. Кроме Эрхэ мэргэн хубуна, о котором упоминалось ранее, прислужников Сом сагаана Уха Тоголдор Холдуева и Хан хормо ноена, в пантеон восточных «заянов» входили Ухэр хара Тундутов / Тундупов и Ходой бэшээшэ. Они оба являлись историческими личностями – писарями Верхоленской степной конторы. В их честь проводились жертвоприношения во время проведения ритуального обряда, посвященного первым шуленгам Хойлонго Бойрдоеву и Барлаку Турунхаеву²³.

По историческому преданию, Ухэр хара Тундутов происходил из улуса Босогол Хэнгэлдурова рода. В юности он был взят в качестве заложника в Верхоленский острог. От природы Тундупов был одаренным человеком и, проживая в остроге, научился хорошо говорить по-русски. Некоторое время он пребывал в Москве, где выучился грамоте. По возвращении на родину служил в Иркутском остроге, затем в Верхоленском. Когда открылись степные конторы, его назначили писарем²⁴. Вероятно, его образ был ассоциирован с хранителем Дверей смерти, о чем свидетельствует эпитет Ухэр хара («черный бык») в его имени. Шаманские призывания в честь этого административного деятеля звучат следующим образом:

Отец ваш Тундуп, мать ваша Тумжоо,
Высокая гора Орголи – вечное упокоение,
Широкая Лена – прохлада,
Черный кедр – жертвенное дерево,
Мех лисицы подарок!

²³ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1211. Л. 11–16.

²⁴ Там же. Л. 11.

При письме, делая завитушки, стали писарем конторы,
Делая много завитушек, стали писарем острога,
Двадцать пальцев ваших оскудели от письма,
Острые пестрые глаза потускнели от бумаги!
(пер. с бурятского языка С. П. Балдаева. – С. М.)²⁵.

Реальным историческим лицом являлся и Ходой бэшээшэ, сын Холона, который служил писарем Верхоленской степной конторы при главном шуленге Барлаке Турунхаеве. Ходой бэшээшэ являлся его родственником по женской линии и происходил из эхиритского Олзона рода. Как отмечал С. П. Балдаев, его культ существовал только у эхиритов²⁶.

Из приведенных образцов шаманского камлания можно видеть, что не только выдающиеся шаманы и родоначальники могли быть включены в пантеон восточных духов после своей смерти, но и даровитые и способные люди удостаивались подобной чести.

В религиозно-мифологических воззрениях бурят считалось, что Эрлэн хан нуждался в способных и одаренных людях, и к нему попадали избранные, такие как души хороших ремесленников, грамотных людей или хорошо шьющих женщин, которые после смерти продолжали заниматься своим делом. В народе полагали, что умные и талантливые люди, хорошие мастера и грамотеи, недолговечны, потому что в них нуждаются в подземном мире Эрлэн хана, чьи посланцы похищают души таких людей [Хангалов, 2004. С. 326].

В мифологических представлениях души избранных Эрлэн ханом попадали в «Улэнши», или «Улин», который, по интерпретации западных бурят, представлял собой не то подземный, не то загробный мир, где обитали бессмертные души умерших людей [Манжигеев, 1978. С. 80]. «Улэнши» демонстрировало идею особой загробной жизни одаренных людей и олицетворялось в качестве чертога, куда после смерти отправлялись талантливые полководцы, отважные воины, искусные мастерицы, а также писари и кузнецы [Цыбикдоржиев, 2003. С. 195]. Возможно, подобное Улэнши место обитания избранных душ являлось еще одним из множества ведомств и присутственных мест мира мертвых.

Исторические образы писарей степных контор

В связи с рассмотрением мифологических сюжетов, относящихся к культу сакральных «бэшээшэнов», необходимо обратиться к характеристике образа исторических писарей. Следует отметить, что они имели большой авторитет при степных конторах и думах, к ним относились с уважением. Это было связано с тем, что изначально, в процессе контактов с царской администрацией, родоначальники были вынуждены вести отчетность по ясаку. Если ранее все проблемы решались устно, то впоследствии объем делопроизводства возрос, и усложнилась отчетность. Учитывая это, с середины XVIII в. степные конторы начинали нанимать писарей, или, как их еще называли, письмоводителей. Из-за того что в делопроизводстве изначально использовался русский язык, к этой работе за неимением грамотных коренных жителей привлекали русских людей, которые вели все делопроизводство, выступая также в роли консультантов. Нанимаясь на службу, они подписывали договор, где четко оговаривались должностные обязанности, а также причитающееся жалование [Мунханов, 2010. С. 97]. Их деятельность ценилась достаточно высоко, что можно наблюдать по размеру годового жалования: например, Верхоленская степная контора в 1819 г. выплатила жалование писарю в 875 рублей, а его помощнику – 525 рублей, что в два раза больше чем выплата, например, сторожам при конторе, которые получили по 250 рублей [Шагдурова, 2011. С. 22].

Роль писарей зачастую была значительно выше, чем предусматривало законодательство, в связи с чем они становились главными коррупционерами при решении различных родовых дел; злоупотребляя своим положением, сами устанавливали и собирали с общества налог.

²⁵ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1211. Л. 11–13.

²⁶ Там же. Л. 13–14.

У предбайкальских бурят изначально при родовом управлении писарями были ссыльные поселенцы, нередко пьяницы. Как отмечает С. П. Балдаев, некоторые письмоводители, приехав бедными, уезжали богатыми людьми [2012. С. 124].

Постепенно для ведения делопроизводства стали привлекать местное население. В бурятских ведомствах появились буряты, владевшие в должной степени русской грамотой [Мунханов, 2010. С. 98]. Зачастую это были аманаты, которых отправляли на обучение грамоте в Москву и по их возвращении определяли на службу в остроги. Так, персонажи, упоминаемые в текстах шаманских призываний в честь верхоленских шуленг Ухэр хара Тундутова и Ходой, являлись именно аманатами. У предбайкальских бурят сохранились исторические предания о неких Хуржуме Бурлаеве и Шодоре Хурэнове, которые были взяты заложниками и жили в остроге; затем их увезли в Москву. По возвращении один служил в Иркутском остроге, другой – в Верхоленском. Предания о Хуржуме и Шодоре схожи в своих сюжетах: у обоих имелись золотая печать, кортик или указ, полученные в знак служебного чина, которые перед смертью они забросили в озеро. Эти водоемы получили название в память о них: озеро Хуржума находится недалеко от Якутского тракта и называется Хуржуумэйн нуур, а озеро Шодора – в местности Хурбин, недалеко от деревни Бэллхэн [Балдаев, 2012. С. 216, 218].

Освоение грамоты и умение писать расценивались бурятами как некий дар, наравне со способностями шаманов и кузнецов. Например, владение грамотой было сравнимо с шаманским действием, о чем свидетельствуют следующие строки:

Мастер письма – красавец Ходой!
Первый ученый из бурят, книгу, величиной с дверь
Перелистывал, читал, гладил,
Как шаман приходил в экстаз!²⁷

Писарь при степных конторах имел большой авторитет, так как занимался присяжными делами. От его воли зависело многое, даже судьба и участь человека. Вероятно, полномочия писарей рассматривать судебные дела и оглашать приговор, их право наказывать розгами, заключать под арест, взыскивать денежные штрафы придавали статус сакральности этим должностям. Например, в призывании Ухэр хара Тундутова встречаем:

Тысячи дел людских поступали к вам,
Вы разбирали их по существу:
Дела хороших людей брали себе,
Дела плохих людей направляли в преисподнюю «тама»!²⁸

Для простых людей писари представлялись хранителями и защитниками рода, к ним обращались со словами:

Злоумышленников гоните подальше,
Желающих добра направляйте на нас,
Когда заходите к нам, не сердитесь,
Когда уходите от нас, не делайте зло!
Устраиваем вам годовое жертвоприношение,
Поднимаем вам месячное угощение! Соог!²⁹

Для того чтобы писари Эрлэн хана помогали и не препятствовали в делах, необходимо было совершать им кровавые жертвоприношения. Обычно они проводились в безлунную ночь черными шаманами с соблюдением традиции ритуальных обрядов в честь восточных небожителей. Так, согласно материалам И. А. Манжигеева, обряд писарям проводился в темную ночь приношением барана черной масти при обязательном наличии заводской водки

²⁷ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1211. Л. 15.

²⁸ Там же. Л. 13.

²⁹ Там же. Л. 10.

[1978. С. 104]. В этнографических записях С. П. Балдаева отмечалось, что для ритуала могли использовать молочную водку, причем каждый котел посвящался писарю поименно³⁰.

Обряд в честь писарей Эрлэн хана был также вкратце описан М. Н. Хангаловым, который отмечал, что в жертву приносили черного барана, рядом с его шкурой, повешенной на березе, вешали шкуру зайца, затем брызгали «тарасуном», кололи корову и черного коня. Часть мяса откладывали, чтобы съесть после, а остальное съедали. Кости жертвенных животных не сжигались, а выбрасывались собакам, шкуры также снимали и бросали [Хангалов, 2004. С. 259].

Интерес представляет ритуал кровавого жертвоприношения «харбаха», посвященного трем писарям Эрлэн номон хана [Хангалов, 2004. С. 294], который, к сожалению, не описан подробнее. «Харбаха» означает «стрелять из лука, пускать стрелу» [Бурятско-русский словарь, 1973. С. 554]. Известно, что в культуре монгольских народов стрела обозначала жизнь и смерть и считалась душой человека «сульдэ». В судебном процессе у западных бурят практиковался ритуал ломания стрелы над головой преступника, который заменял смертную казнь, но означал, что виновный признается нравственно убитым [Хангалов, 2004. С. 159]. В связи с этим, на наш взгляд, обряд метания стрел в честь писарей Эрлэн хана мог проводиться во время приношения клятвы или присяги при вступлении на административную должность. Он означал, что пущенные стрелы служили свидетельством вверения действующим лицом своих души и жизни в руки представителей восточных небожителей.

Заключение

Представления о сложном бюрократическом устройстве загробного мира у бурят базировались на ассоциациях с новыми для них социальными институтами власти, системой развитой государственности, опиравшейся на родоплеменную структуру местного управления, сохранившуюся в процессе присоединения Сибири к Российской империи, в том числе и Предбайкалья. В связи с этим новые виды социальной организации были включены в специфический ритуально-обрядовый комплекс. Подобные мировоззренческие аспекты, связанные с историческими реалиями этнокультурного развития бурят, позволяют говорить о развитии и разностадиальном становлении традиционных верований населения Предбайкалья.

Но не исключено, что образ писарей из шаманских призываний имеет более глубокие истоки и может быть связан с собственной письменностью предков монголов и тюрков [Дампилова, 2005. С. 134]. На наш взгляд, семантика образов писарей, их имен и обязанностей связана с архаическими представлениями тюрко-монгольских народов о самом владыке мира мертвых – Эрлэн хане, а также мифическом быке – страже мира мертвых. «Бэшээшэд» имеют собирательные характеристики грозных духов из ранних верований и обладают способностями определять и ставить последнюю точку в земном бытии умершего. Базой для развития подобных семантических представлений явились также шаманистские представления о духах-предках, способных регулировать деятельность ноёнов и чиновников, наказывать за проступки и лжеклятвы людей, оказывать влияние на жизнь и благополучие потомков, в частности в делах служебных и военных, а также связанных с грамотой и письмом. В связи с этим «бэшээшэд» в мифологии играли важную роль при выборе кандидатов на административные и государственные должности, а культ их почитания входил в сферу ритуально-обрядового комплекса, связанного с сакрализацией власти у западных бурят.

Список литературы

Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. 710 с.

³⁰ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1211. Л. 5, 8, 11.

- Болхосоев С. Б.** Избранничество: феномен шаманской наследственности удха у предбайкальских бурят. Улан-Удэ: Изд-во ВСГИК, 2016. 247 с.
- Бурнаков В. А.** Эрлик-хан в традиционном мировоззрении хакасов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1 (45). С. 107–114.
- Бурятско-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1973. 804 с.
- Бутанаев В. Я.** Степные законы Хонгорая. Абакан: Изд-во ХГУ, 2004. 278 с.
- Галданова Г. Р.** Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука. 1987. 154 с.
- Дампилова Л. С.** Шаманские песнопения бурят: символика и поэтика. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. 248 с.
- Дампилова Л. С.** Феномен сказителя-шамана в тюрко-монгольской фольклористике // ICANAS-38. (Международный конгресс по изучению Азии и Северной Африки). Анкара: [б. и.], 2008. Т. 1: Религия. С. 87–107.
- Жамбалова С. Г.** Профанный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX–XX вв.). Новосибирск: Наука, 2000. 395 с.
- Катанов Н. Ф.** Письма Н. Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1893. 113 с.
- Манжигеев И. А.** Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. Опыт атеистической интерпретации. М.: Наука, 1978. 127 с.
- Михайлов Т. М.** Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1980. 320 с.
- Мунханов В. А.** Документы бурятских степных дум как источник по изучению административной политики Российской империи в Сибири в XIX в. // Вестник Том. гос. ун-та. Серия: Государство и право. Юридические науки. 2010. № 338. С. 97–100.
- Нацов Г.-Д.** Материалы по истории и культуре бурят. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. Ч. 1. 155 с.
- Николаева Н. Н.** Лиса в эпическом фольклоре бурят // Вестник БГУ. Серия: Филология. 2010. № 10. С. 277–283.
- Окладников А. П.** История и культура Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 460 с.
- Павлов Е. В.** Культ «хозяина» истока Ангары Ама Сагаан нойона: к проблемам ареальной вариативности, семантики и генезиса // В мире традиционной культуры бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. Вып. 2. С. 4–35.
- Потапов Л. П.** Мифы алтае-саянских народов как исторический источник // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИЯЛ, 1983. С. 96–110.
- Радлов В. В.** Из Сибири: Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.
- Хангалов М. Н.** Собр. соч.: В 3 т. Улан-Удэ: Изд-во «Республиканская типография», 2004. Т. 1. 508 с.
- Цыбикдоржиев Д. В.** Происхождение древнемонгольских воинских культов (по фольклорно-этнографическим материалам бурят). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 292 с.
- Шагдурова И. Н.** Степные конторы – органы самоуправления бурят в период Российской империи // Вестник БГУ. Серия: История, историография и источниковедение. 2011. № 7. С. 20–24.
- Шагланова О. А.** Аннотированный каталог архивных материалов по бурятскому шаманизму Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии. Осака: Национальный музей этнологии, 2009. 333 с.

Список источников

- ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1048/1. Материалы по шаманству (рабочие тетради). Шаманство у бурят. Рабочая тетрадь С. П. Балдаева. 1948. 221 л.; Д. 1048/2. Материалы по шаманству (рабочие тетради). Онгоны бурят Агинского национального округа Чи-

тинской области. 1945. 49 л.; Д. 1064. Материалы по шаманству качугских бурят. 1935. 52 л.; Д. 1211. Жертвоприношение первому главному шуленге Верхоленской Степной конторы Х. Бойрдоеву. 20 л.; Д. 1250. «Бэшээшэнгууд» в данном случае поставила пояснение ссылкой на с. 3– писари Эрлэн номын хана. 20 л.

ЦВРК ИМБТ СО РАН. № 2388. Материалы этнографической экспедиции Т. М. Михайлова в Боханский район Иркутской области (села Хоргилок, Буреть, Маньково, Харатирген). 1963. 65 л.

References

- Baldaev S. P.** Rodoslovnye predaniya i legendy buryat [Genealogies and legends of the Buryats]. Ulan-Ude, BSU Publ., 2012, 710 p. (in Russ.)
- Bolkhosoev S. B.** Izbrannichestvo: fenomen shamanskoj nasledstvennosti udkha u predbaikalskikh buryat [Election: the phenomenon of shamanic continuity of the pre-Baikal Buryats]. Ulan-Ude, ESSIC Publ., 2016, 247 p. (in Russ.)
- Burnakov V. A.** Erlik-khan v traditsionnom mirovozzrenii khakasov [Erlik Khan in the traditional worldview of the Khakass]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and anthropology of Eurasia], 2011, no. 1 (45). p. 107–114. (in Russ.)
- Buryatsko-russkii slovar** [Buryat-Russian dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1973, 804 p. (in Russ.)
- Butanaev V. Ya.** Stepnye zakony Khongoraya [The steppe laws of the Khongorai]. Abakan, KhSU Publ., 2004, 278 p. (in Russ.)
- Dampilova L. S.** Fenomen skazitelya-shamana v tyurko-mongolskoj folkloristike [The phenomenon of the shaman-storyteller in Turkic-Mongolian folklore]. In: IKANAS-38 (Mezhdunarodnyi kongress po izucheniyu Azii i Severnoi Afriki) [ICANAS-38 (International Congress of Asian and North African Studies)]. Ankara, 2008, vol. 1, p. 87–107. (in Russ.)
- Dampilova L. S.** Shamanskije pesnopeniya buryat: simbolika i poetika [Shamanic chants of the Buryats: symbolism and poetics]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2005, 248 p. (in Russ.)
- Galdanova G. R.** Dolamaistskie verovaniya buryat [Pre-lamaic beliefs of the Buryats]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 154 p. (in Russ.)
- Katanov N. F.** Pis'ma N. F. Katanova iz Sibiri i Vostochnogo Turkestana [The letters of N. F. Katanov from Siberia and East Turkestan]. St. Petersburg, Typography Imperial Academy of Sciences Publ., 1893, 113 p. (in Russ.)
- Khangelov M. N.** Sobranie sochinenii [Collected works]. Ulan-Ude, Respublikanskaya tipografiya Publ., 2004, vol. 1, 508 p. (in Russ.)
- Manzhigeev I. A.** Buryatskie shamanisticheskie i doshamanisticheskie terminy. Opyt ateisticheskoi interpretatsii [Buryat shamans and pre-shaman terms. Experience of atheistic interpretation]. Moscow, Nauka, 1978, 127 p. (in Russ.)
- Mikhailov T. M.** Iz istorii buryatskogo shamanizma (s drevneishikh vremen po XVIII v.) [From the history of Buryat shamanism (from ancient times to the 18th Century)]. Novosibirsk, Nauka, 1980, 320 p. (in Russ.)
- Munkhanov V. A.** Dokumenty buryatskikh stepnykh dum kak istochnik po izucheniyu administrativnoi politiki Rossiiskoi imperii v Sibiri v XIX v. [Documents of the Buryat steppe Dumas as a source for the study of administrative policy of the Russian Empire in Siberia in the 19th Century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gosudarstvo i pravo. Yuridicheskie nauki* [Bulletin of Tomsk State University. Series: State and Law. Legal Science], 2010, no. 338, p. 97–100. (in Russ.)
- Natsov G.-D.** Materialy po istorii i kul'ture buryat [Materials on the history and culture of Buryats]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 1995, part 1, 155 p. (in Russ.)

- Nikolaeva N. N.** Lisa v epicheskom fol'klore buryat [Fox in the epic folklore of the Buryats]. *Vestnik BGU. Seriya: Filologiya* [Bulletin of BSU. Series: Philology]. 2010, no. 10, p. 277–283. (in Russ.)
- Okladnikov A. P.** Istoriya i kul'tura Buryatii [History and culture of Buryatia]. Ulan-Ude, Buryat book Publ., 1976, 460 p. (in Russ.)
- Pavlov E. V.** Kul't "khozyaina" istoka Angary Ama Sagaan noiona: k problemam areal'noi variativnosti, semantiki i genezisa [Cult of the "landlord" of the Angara source Ama Sagaan Noyon: problems of areal variability, semantics and genesis]. In: *V mire traditsionnoi kul'tury buryat* [In the world of traditional culture of the Buryats]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2007, vol. 2, p. 4–35. (in Russ.)
- Potapov L. P.** Mify altae-sayanskikh narodov kak istoricheskii istochnik [Myths of the Altai-Sayan peoples as a historical source]. In: *Voprosy arkheologii i etnografii Gornogo Altaya* [Questions of archaeology and ethnography of the Altai Mountains]. Gorno-Altaysk, GANIYaLI Publ., 1983, p. 96–110. (in Russ.)
- Radlov V. V.** Iz Sibiri: Stranitsy dnevnika [From Siberia: the diary pages]. Moscow, Nauka, 1989, 749 p. (in Russ.)
- Shagdurova I. N.** Stepnye kontory – organy samoupravleniya buryat v period Rossiiskoi imperii [The steppe offices as a state body of the self-governed Buryats during the Russian Empire]. *Vestnik BGU. Seriya: Istoriya, istoriografiya i istochnikovedenie* [Bulletin of BSU. Series: History, historiography and source studies], 2011, no. 7, p. 20–24. (in Russ.)
- Shaglanova O. A.** Annotirovannyi katalog arkhivnykh materialov po buryatskomu shamanizmu Tsentra vostochnykh rukopisei i ksilografov Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii [Annotated catalogue of archival materials on Buryat shamanism of the Center of Oriental manuscripts of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies]. Osaka, National Museum of Ethnology Publ., 2009, 333 p. (in Russ.)
- Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoi Sibiri [Traditional world worldview of the Turks of South Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1988, 225 p. (in Russ.)
- Tsybikdorzhiev D. V.** Proiskhozhdenie drevnemongol'skikh voinskikh kul'tov (po fol'klorno-etnograficheskim materialam buryat) [Origin of ancient Mongolian military cults (according to folklore and ethnographic materials of the Buryats)]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2003, 292 p. (in Russ.)
- Zhambalova S. G.** Profannyi i sakralnyi miry olkhonskikh buryat (XIX–XX vv.) [Profane and sacred worlds of the Olkhon Buryats (19th – 20th centuries)]. Novosibirsk, Nauka, 2000, 395 p. (in Russ.)

Source List

- Center for Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS. F. 36. Op. 1. D. 1048/1. Materialy po shamanstvu (rabochie tetradi). Shamanstvo u buryat. Rabochaya tetrad' S. P. Baldaeva [Materials of shamanism (workbooks). Shamanism among the Buryats. Workbook of S. P. Baldaev], 1948, 221 p.; D. 1048/2. Materialy po shamanstvu (rabochie tetradi). Ongony buryat Aginskogo natsional'nogo okruga Chitinskoi oblasti [Materials on shamanism (workbooks). Ongony Aga-Buryats national district of Chita region], 1945, 49 p.; D. 1064. Materialy po shamanstvu kachugskikh buryat [Materials of shamanism of the Kachug Buryats], 1935, 52 p.; D. 1211. Zhertvoprinoshenie pervomu glavnomu shulenge Verkholenskoi Stepnoi kontory Kh. Boirdoevu [The sacrifice of the first main chulenge of the Verkholensky Steppe office H. Boirdoev], 20 p.; D. 1250. "Besheeshenguud" – pisari Erlen nomyn khana ["Besheeshenguud" – the Erlen nomyn khans clerks], 20 p.
- Center for Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS. No. 2388. Materialy etnograficheskoi ekspeditsii T. M. Mikhailova

v Bokhanskii raion Irkutskoi oblasti (sela Khorgilok, Buret', Man'kovo, Kharatirgen) [The materials of the ethnographic expedition of T. M. Mikhailov in Bokhanskij district of the Irkutsk region (the village of Horgilok, Buret, Man'kovo, Haratirgen)], 1963, 65 p.

Материал поступил в редколлегию

Received

20.01.2019

Сведения об авторе

Миягашева Суржана Борисовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Россия)
surjana.miyagasheva@imbt.ru
ORCID 0000-0002-3646-0370

Information about the Author

Surjana B. Miyagasheva, PhD in History, Researcher at the Center of Oriental Manuscripts of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (6 Sahyanova Str., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation)
surjana.miyagasheva@imbt.ru
ORCID 0000-0002-3646-0370

Список сокращений

АГГПУ	– Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет, Бийск
АлтГПУ	– Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул
АлтГТУ	– Алтайский государственный технический университет, Барнаул
АлтГУ	– Алтайский государственный университет, Барнаул
АН КазССР	– Академия наук Казахской ССР
БГУ	– Бурятский государственный университет, Улан-Удэ
БНЦ СО РАН	– Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ
ВИМАИВиВС	– Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, Санкт-Петербург
ВСГИК	– Восточно-Сибирский государственный институт культуры, Улан-Удэ
ГАГУ	– Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск
ГАИ	– Германский археологический институт, Берлин, Германия
ГАНИИЯЛ	– Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы, Горно-Алтайск
ГИ	– Гуманитарный институт
ГПНТБ СО РАН	– Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск
ДВО РАН	– Дальневосточное отделение Российской академии наук
ДВФУ	– Дальневосточный федеральный университет, Владивосток
ЗСАЭК	– Западно-Сибирская археолого-этнографическая конференция
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук
ИАЭТ СО РАН	– Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск
ИВГиГ ДВО РАН	– Институт вулканологической геологии и геохимии Дальневосточного отделения Российской академии наук, Петропавловск-Камчатский
ИВиС ДВО РАН	– Институт вулканологии и сейсмологии Дальневосточного отделения Российской академии наук, Петропавловск-Камчатский
ИМБТ СО РАН	– Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ
ИПОС СО РАН	– Институт проблем освоения севера Сибирского отделения Российской академии наук, Тюмень
ИРГО	– Императорское Русское Географическое общество
ИФЗ РАН	– Институт физики Земли им. О. Ю. Шмидта Российской академии наук, Москва
КемГУ	– Кемеровский государственный университет
КИПС	– Постоянная комиссия по изучению племенного состава населения
КРС	– крупный рогатый скот
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАН	– Монгольская Академия наук
МАЭ РАН	– Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, Санкт-Петербург
МГРИ	– Российский государственный геологоразведочный университет им. Серго Орджоникидзе, Москва

МГУ	–	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИС	–	морская изотопная стадия
МНСК	–	Международная научная студенческая конференция, Новосибирск, НГУ
МФ ВСЕГЕИ	–	Московский филиал Всероссийского геологического института
НВП	–	начальный верхний палеолит
НГПУ	–	Новосибирский государственный педагогический университет
НГУ	–	Новосибирский государственный университет
НГУАДИ	–	Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств им. А. Д. Крячкова
НИИ	–	научно-исследовательский институт
НОЦ	–	Научно-образовательный центр
НРОО	–	Новосибирская региональная общественная организация
ОБФ	–	Общественный благотворительный фонд
ОИГТМ	–	Объединенный институт геологии, геофизики и минералогии им. А. А. Трофимука Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск
ОмГУ	–	Омский государственный университет
ОСЛ	–	оптически стимулированная люминесценция
РА	–	Российская археология
РВП	–	ранний верхний палеолит
РАИЖИ	–	Российская ассоциация исследователей женской истории
РК	–	районный комитет
РНФ	–	Российский научный фонд
РФФИ	–	Российский фонд фундаментальных исследований
СахГУ	–	Сахалинский государственный университет, Южно-Сахалинск
СО РАН	–	Сибирское отделение Российской Академии наук
СПбГУ	–	Санкт-Петербургский государственный университет
ТГУ	–	Томский государственный университет
ТувГУ	–	Тувинский государственный университет, Кызыл
ТюмГНГУ	–	Тюменский государственный нефтегазовый университет
ТюмГУ	–	Тюменский государственный университет
УА	–	удлиненные артефакты
ХГУ	–	Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан
ЦВРК	–	Центр восточных рукописей и ксилографов
ЦЭИ УНЦ РАН	–	Центр этнологических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук, Уфа
ЭО	–	Этнографическое обозрение
IA RAS	–	Institute of Archaeology RAS, Moscow
IAE SB RAS	–	Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk
ICANAS	–	International Congress of Asian and North African Studies
IDN SB RAS	–	Institute for the Development of the North SB RAS, Tyumen
IE	–	Individual entrepreneur
IFE RAS	–	Schmidt Institute of Earth Physics RAS, Moscow
ИИ	–	Institute for the Humanities
ИИМЦ	–	Institute for the History of Material Culture, St. Petersburg
ISSC	–	International Scientific Student Conference
IVG&G FEB RAS	–	Institute of Volcanological Geology and Geochemistry FEB RAS, Petropavlovsk on Kamchatka

IV&S FEB RAS	– Institute of Volcanology and Seismology FEB RAS, Petropavlovsk on Kamchatka
FEB	– Far Eastern Branch
GARIHLL	– Gorno-Altaysky Research Institute of History, Language and Literature, Gorno-Altaysk
JIGGM	– Joint Institute of Geology, Geophysics and Mineralogy named after A. A. Trofimuk, Novosibirsk
LLC	– Limited liability company
MAE RAS	– Museum of Anthropology and Ethnography of Peter The Great (Kunstkamera), St. Petersburg
MB ARGI	– Moscow Branch of the All-Russian Geological Institute
MHMAESC	– Military Historical Museum of Artillery, Engineers and Signal Corps, St. Petersburg
NRPO	– Novosibirsk Regional Public Organization
NSU	– Novosibirsk State University
PCF	– Public Charity Foundation
RAS	– Russian Academy of Sciences
RAWHR	– Russian Association of Women’s History Researchers
RFBR	– Russian Foundation for Basic Research
SB RAS	– Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
SPSTL SB RAS	– State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk

Информация для авторов

Автор (соавторы), направляя статью в редакцию журнала, на безвозмездной основе передает (ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных договоров Российской Федерации являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, на распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (и исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на предоставление всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Авторы представляют статьи на русском или английском языке. Название статьи должно строго соответствовать содержанию. Рукопись должна быть выверена, датирована и подписана автором (авторами). Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной рецензии.

Объем статей не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм равняется 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков); объем сообщений, рецензий и других подобных материалов – до 8 тыс. знаков. В случае превышения указанных объемов такая публикация может быть принята к печати лишь по отдельному решению редколлегии. Публикация источников – по согласованию с редколлегией.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

Подробно ознакомиться с правилами оформления статей, а также проследить за ходом работы с Вашей статьей в редколлегии выпуска можно по адресу:

vestnik.nsu.ru/historyphilology – оперативная страница.

Адрес редакционной коллегии выпуска «Археология и этнография»: к. 1262, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия. Тел. +7 (383) 363 42 62